

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

На правах рукописи

Хаза Мохаммед Абду Мохаммед

Становление принципов описания местоимений
во французских грамматиках XVI века

Специальность 10.02.05 –
Романские языки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, доцент
Елена Николаевна Михайлова

Белгород – 2018

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Проблема местоимения в теории и истории французского языка	11
1.1. Класс местоимений в теории французского языка	11
1.1.1. Класс местоимений в теории языка	11
1.1.2. Класс местоимений в истории грамматики до XVI в.	13
1.1.3. Местоимение с точки зрения современной теории французского языка	15
1.2. Эволюция класса местоимений в истории французского языка	22
1.3. Французский язык XVI в. с точки зрения системы, нормы и узуса.....	35
Выводы по первой главе	43
Глава 2. Французские грамматики XVI в.: общая характеристика	45
2.1. Французские грамматики XVI в. в историографии лингвистики	45
2.2. Этапы кодификации французского языка в XVI в.	56
2.3. Ключевые проблемы описания языка во французских грамматиках XVI в.	71
2.3.1. Истоки французской грамматической традиции	71
2.3.2. Понимание предмета грамматики	73
2.3.3. Структура первых французских грамматик	76
2.3.4. Вопросы произношения и орфографии	77
2.3.5. Вопросы синтаксиса	79
2.4. Проблема частей речи во французских грамматиках XVI в. ..	83
Выводы по второй главе	92

Глава 3. Системный аспект в описании класса местоимений	94
3.1. Местоимение в системе частей речи	94
3.2. Проблема определения местоимения	100
3.3. Типы местоимений в системе грамматического описания	106
3.4. Грамматические категории местоимений	113
3.4.1. Номенклатура акциденций	113
3.4.2. Категории вида, качества, фигуры	116
3.4.3. Категория лица	120
3.4.4. Категория рода	122
3.4.5. Категория числа	124
3.5. Роль падежа и склонения при описании местоимений	125
3.6. Принцип языкового релятивизма при описании местоимений	135
Выводы по третьей главе	145
Глава 4. Норма и узус в описании французских местоимений	147
4.1. Соотношение «правило – пример» в описании класса местоимений	147
4.2. Нормативный аспект в описании местоимений	153
4.3. Узуальный аспект в описании местоимений	158
Выводы по четвёртой главе	165
Заключение	167
Список литературы	170

Введение

Данное диссертационное исследование посвящено изучению особенностей становления принципов описания местоимений во французских грамматиках XVI в. В качестве **объекта** исследования выступает класс местоимений ранненовофранцузского периода (XVI в.). В качестве **предмета** исследования выступают принципы описания класса местоимений как наиболее противоречиво представленной части речи в ранних французских грамматиках.

Актуальность исследования обусловлена важностью изучения языкового состояния удаленных во времени эпох. В этом плане особое значение имеют переломные периоды в истории разных языков. В истории французского языка к таким периодам относится ранненовофранцузский период, который принято датировать XVI веком. Этот период представляет собой значительный интерес для романистики и диахронической лингвистики по ряду причин. Во-первых, в ранненовофранцузский период происходило завершение интенсивных языковых изменений, которые отражали качественный переход грамматической системы французского языка от синтетизма к аналитизму. Во-вторых, многие из языковых изменений того времени получили отражение в текстах ранних французских грамматик, появление которых было связано со становлением французского национального и языкового самосознания и усилением престижа французского языка в Европе. К числу изменений, которые получили отражение во французских грамматиках XVI в., относятся изменения в системе такой части речи, как местоимение. Как известно, к этому времени относится завершение процессов становления современной системы французских местоимений. В-третьих, ранние описания французского языка создавались по образцу престижных латинских грамматик, т.е. опирались на канон грамматического описания, или на «Большую Латинскую Грамматику» (*Grammaire Latine Étendue*). Поэтому влияние канона на становление принципов описания французского языка в целом и класса местоимений в частности представляет собой значительный интерес.

Цель исследования состоит в изучении характера описания местоимений во французских грамматиках XVI в., а также в выявлении лингвистических и экстралингвистических факторов, которые способствовали формированию принципов грамматического описания данного класса слов в начальный период истории французской лингвистической традиции.

В ходе исследования решались следующие **задачи**:

1. Определить круг проблем, которые рассматривались первыми французскими грамматистами в связи с кодификацией класса местоимений.

2. Выявить причины лингвистического и экстралингвистического характера, которые повлияли на принципы описания местоименного класса слов во французских грамматиках XVI в.

3. Установить степень воздействия традиционной системы знания о языке (т.е. греко-латинского канона) на характер описания французских местоимений.

4. Изучить нормативный и узуальный аспекты при описании класса местоимений в ранних французских грамматиках.

5. Рассмотреть соотношение между правилами и примерами при описании класса местоимений в грамматиках XVI в.

6. На основании анализа французских грамматик XVI в. выявить степень взаимодействия системного, нормативного и узуального аспектов в описании местоимения как части речи.

В качестве **методологической и теоретической базы** данного исследования послужили труды по теории и истории французского языка (Е. Benveniste, А. Dauzat, J. Picoche, Ch. Marchello-Nizia, R.A. Lodge, Л.И. Илия, Л.М. Скрелина, Г.М. Щерба, В.Г. Гак, Н.А. Шигаревская, Н.А. Катагощина, Н.М. Васильева, Л.И. Пицкова, Е.Ф. Серебренникова), по общим проблемам историографии лингвистики (К. Koerner, G.A. Padley, W.K. Percival, S. Augoux, Б.А. Ольховиков, В.М. Алпатов), по проблемам французской грамматической традиции XVI в. (А. Benoist, L. Kukenheim, J.-Cl. Chevalier, W.K. Percival, С. Demaizière, G. Gougenheim, С. Schmitt, P. Swiggers, F.J. Hausmann, В. Colombat, Н.Ю. Бокадорова, А.П. Тимонина, Е.В. Милюкова, Е.Н. Михайлова и др.), а также

по проблемам других европейских лингвистических традиций эпохи Возрождения (G.A. Padley, Н.Б. Мечковская, М.А. Косарик, Л.Г. Степанова, Н.Г. Сулимова, М.М. Раевская, М.Э. Кистерева, С.В. Колтунова и др.).

В качестве основного **материала исследования** выступили наиболее известные грамматики французского языка, которые были изданы в XVI в. В корпус проанализированных работ вошли грамматики французского языка, авторами которых были «французы по рождению»: Жак Дюбуа (1531), Жиль Дю Вез (1532), Матюрен Кордые (1536), Жан Дрозе (1544), Луи Мегре (1550), Жан Пилло (1550), Пьер де ла Раме (1572), Антуан Коши (1570), Жан Гарнье (1554), Робер Этьен (1556), Габриэль Мерье (1557), Абель Матье (1559, 1560), Анри Этьен (1582), Жан Боске (1586), Жан Массе (1606), Шарль Мопе (1607). Для более глубокого понимания эволюции принципов описания класса местоимений в грамматических концепциях отдельных авторов были проанализированы переиздания грамматик Жана Пилло (1550, 1570, 1586), Пьера де ла Раме (1562, 1572), Антуана Коши (1570, 1576, 1586). Кроме того, к исследованию привлекались позднеантичные грамматики латинского языка Доната (IV в.) и Присциана (VI в.), а также наиболее авторитетные грамматики латинского языка, которые были написаны в XV-XVI вв.

Методы исследования

Для решения поставленных задач использовались методы, которые традиционно используются в диахронических исследованиях: дескриптивный, сравнительно-исторический и сопоставительный. Применялся структурно-функциональный метод исследования динамической системы языка, разработанный Л.М. Скрединой [Скредина 1972]. Также использовался интерпретирующий метод, который направлен на реконструкцию лингвистических идей, которые представлены в грамматиках рассматриваемого периода в основном имплицитно. Анализ принципов описания класса местоимений во французских грамматиках XVI в. базируется на методике историко-лингвистического исследования, предложенной Е.Н. Михайловой [Михайлова 2000]. В основе этой методики лежит комплексное рассмотрение

триады «система – норма – узус» применительно к принципам грамматического описания изучаемого материала.

Научная новизна исследования заключается в обращении к изучению принципов описания класса местоимений во французских грамматиках XVI в. Новым является рассмотрение данной части речи под углом зрения триады «система – норма – узус» применительно к данной части речи в ранних французских грамматиках, которые способствовали зарождению французской национальной грамматической традиции. Новым при изучении принципов описания местоимений во французских грамматиках XVI в. является также использование междисциплинарного подхода, который состоит в синтезе диахронического и историколингвистического анализа материала исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. В качестве модели-эталона при описании местоименного класса слов для грамматистов XVI в. послужила «Большая Латинская Грамматика» (*Grammaire Latine Etendue*). Эта модель представлена в основном трудами таких позднеантичных авторов, как Донат (IV в.) и Присциан (VI в.). Отступления от данной модели при описании местоимений обусловлены значительными отличиями между системами французских и латинских местоимений, а также отличиями при их употреблении в речи.

2. Принципы описания местоимений во французских грамматиках XVI в. обусловлены такими факторами, как их предназначенность и жанр грамматического описания. От них зависит преобладание в каждой грамматике системного, нормативного или узуального аспектов при описании местоименного класса слов.

3. Отсутствие единообразия при описании местоимений во французских грамматиках эпохи Возрождения касается разных подходов авторов к классификации разных типов местоимений, полноты их описания, использования разного количества примеров для иллюстрации их употребления в речи, отсутствия единства в употреблении грамматических терминов.

4. К ведущим приёмам и методам грамматического описания, которые были использованы грамматистами XVI в. для классификации французских местоимений и выявления особенностей их употребления в речи, относятся принцип аналогии (как ведущий принцип традиционной грамматики) и принцип языкового релятивизма (который состоит в сопоставлении французского языка с латинским и другими языками).

5. Затруднения, которые испытывали грамматисты XVI в. в связи с необходимостью классификации французских местоимений и описания их признаков, во многом были связаны с высокой вариативностью узуса в ранненовофранцузский период.

Теоретическая значимость работы

Изучение принципов описания класса местоимений по текстам ранних французских грамматик имеет значение как для современной романистики, так и для историографии лингвистики. Изучение класса местоимений по текстам французских грамматик XVI в. вводит в научный обиход новые данные о решении актуальных для ренессансной грамматики проблем. Изучение сведений, которые касаются описания местоимений во французских грамматиках XVI в., позволяют внести уточнения относительно принципов их классификации и систематизации, показать особенности аксиологической нормы для разных типов местоимений, а также расширить сведения о характере употребления местоимений в ранненовофранцузский период.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные данные могут быть использованы в качестве дополнительного материала в преподавании истории французского языка и теоретической грамматики, при разработке спецкурсов по проблемам нормализации французского языка и истории лингвистических учений.

Объем и структура работы

Диссертационное исследование изложено на 190 страницах и состоит из введения, четырех глав и заключения.

Во **введении** обосновываются актуальность и новизна исследования, формулируются цель и задачи работы, излагаются положения, выносимые на защиту, перечисляются источники фактического материала, даётся описание основных приёмов и методов анализа, обосновываются теоретическая и практическая значимость исследования, указываются возможные области применения полученных результатов.

Две первые главы работы посвящены общетеоретическим вопросам исследования.

В **первой главе («Проблема местоимения в теории и истории французского языка»)** приводится обзор научной литературы по теме. Во-первых, это литература по теории французского языка, которые касаются класса местоимений. Во-вторых, это работы по истории французского языка. Анализируются вопросы, которые имеют отношение к эволюции системы французских местоимений в диахронии. В-третьих, рассматриваются особенности языка ранненовофранцузского периода с точки зрения системы, нормы и узуса.

Вторая глава («Французские грамматики XVI в.: общая характеристика») посвящена ранним французским грамматикам. Рассматривается их место в исследованиях по историографии лингвистики. Даётся описание наиболее известных французских грамматик XVI в., рассматриваются ключевые проблемы грамматики. Особое внимание уделяется освещению проблемы частей речи в ранних французских грамматиках.

Третья и четвертая главы исследования посвящены анализу принципов описания класса местоимений во французских грамматиках XVI в.

В **третьей главе («Системный аспект описания класса местоимений во французских грамматиках XVI в.»)** рассматривается вопрос о месте класса местоимений в системе частей речи. Затрагиваются такие вопросы, как определение местоимения, типы местоимений, которые выделяли авторы ранних французских грамматик, а также особенности описания грамматических категорий класса местоимений. Рассматривается роль категорий падежа и

склонения при описании местоимений. Определяется значение сопоставления французского языка с латинским и другими языками при описании местоимений.

В четвертой главе («**Норма и узус в описании французских местоимений**») исследуются нормативный и узуальный аспекты грамматического описания класса местоимений. Рассматривается соотношение «правило – пример» при описании данной части речи. Анализируются закономерности описания нормы и узуса французских местоимений. Уделяется внимание системе примеров, которая получила отражение в ранних французских грамматиках при описании класса местоимений.

В **заключении** обобщаются результаты проведенного исследования.

К тексту диссертации прилагается список использованной литературы, список словарей и список источников, которые включают французские грамматики XVI в., а также наиболее престижные работы, которые представляют греко-латинский канон грамматического описания (Донат, Присциан).

Исследование прошло **апробацию** в виде докладов на международных научных конференциях: «Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики» (Белгород, НИУ «БелГУ», 20-21 апреля 2016 г.), «XX-е Юбилейные Царскосельские чтения: (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина, 21-22 апреля 2016 г.), «Романское культурное и языковое наследие: история и современность» (Москва, МГОУ, 21-22 июня 2016 г.), «Взаимодействие языков и культур» (Череповец, ЧГУ, 26-29 апреля 2017 г.). В 2016 и 2017 гг. по результатам исследования были представлены доклады на ежегодной научно-практической конференции НИУ «БелГУ».

Основные положения диссертационного исследования отражены в 10 публикациях общим объемом 5,8 п.л., из них 3 публикации в ведущих рецензируемых изданиях из перечня ВАК. Личный вклад соискателя составляет 5,2 п.л.

Глава 1. Проблема местоимения в теории и истории французского языка

1.1. Класс местоимений в теории французского языка

1.1.1. Класс местоимений в теории языка

В теории языка класс местоимений занимает особое место по нескольким причинам. Е.Ф. Серебренникова объясняет пристальное внимание ученых к местоимениям тем, что они выступают как основное средство персонального дейксиса, играющего значительную роль в когнитивной системе языка и реализации им коммуникативной функции [Серебренникова 1999].

Как отмечает Э. Бенвенист, местоимения есть во всех языках, что позволяет говорить о них как о языковой универсалии. Однако, по мнению учёного, универсальность этих форм и понятий «побуждает поставить проблему местоимений одновременно как проблему языка вообще и как проблему конкретных языков» [Бенвенист 2002: 285].

В.Г. Гак пишет, что местоимения составляют особую часть речи из-за своей семантики, синтаксических форм и выражаемых ими грамматических категорий. Поэтому решение проблемы местоимения связано с решением других важных проблем языкознания, прежде всего с проблемой частей речи [Гак 2000: 233].

Существуют разные подходы к определению местоимения как части речи. Рассмотрим несколько определений, которые даны в авторитетных лингвистических словарях.

В «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо [Marouzeau 1933] местоимение определяется как «категория слов, которую античные грамматики рассматривали в качестве заместителя имени (гр. *ant-ônumia*, лат. *pronomem*), поскольку эти слова косвенным образом содержат в себе понятие лица или предмета» [Цит. по: Марузо 2004: 153].

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой (1966) местоимение определяется следующим образом: «Часть речи, категориальным

значением которой является указание на предмет (признак), исходя из данной ситуации, из обстановки данной речи. «Я» – субъект данного акта речи. «Он» – лицо, не участвующее в данном акте речи. «Этот» – находящийся вблизи говорящего. «Тот» – удалённый от говорящего [Ахманова 1966: 227].

В «Словаре лингвистических терминов» под редакцией В.Н. Ярцевой местоимение определяется как «лексико-семантический класс знаменательных слов, в значение которых входит либо отсылка к данному речевому акту, либо указание на тип речевой соотнесённости слова с внеязыковой действительностью» [Крылов, Падучева 2000: 294].

Как видим, в определениях местоимения как части речи используются разные критерии: этимологический (Ж. Марузо), прагматический (О.С. Ахманова). Такие учёные, как С.А. Крылов и Е.В. Падучева, используют несколько критериев: семантический, морфологический и функциональный.

Кроме проблемы определения местоимения в дискуссии о природе данного класса слов имеются и другие проблемы: 1) статус местоимения; 2) его место в иерархии частей речи; 3) типы (классы, роды или виды) местоимений для каждого языка; 4) грамматические категории местоимений; 5) синтаксические особенности местоимений. Как пишет Л.В. Александрова, разногласия возникают также по вопросам отнесения местоимений к знаменательным или незнаменательным частям речи, их номинативности или неноминативности и др. [Александрова 1996: 9].

Кроме того, есть ещё один вопрос, который неоднократно обсуждался в работах известных учёных. Этот вопрос касается термина, который используется в лингвистике для данного класса слов. Некоторые учёные считают термин «местоимение» (*pronomen, pronom, prounoun*) не совсем удачным, потому что местоимение может заменять в высказывании не только имя существительное или имя прилагательное, но также другие части речи, например, наречие. А иногда местоимение может заменять целое предложение. По мнению Н.М. Александрова, намного лучше для характеристики данного класса слов подходит термин

В.Г. Адмони «Fürwort» или термин индийских грамматистов «sarvanaman», т.е. «имя для всего» [Александров 1968: 112].

П. Кирчук считает термин «местоимение» неадекватным потому, что местоимение замещает существительное, а наоборот, существительное (pronom) заменяет местоимение. То есть, по его мнению, существительное вторично по отношению к местоимению на всех уровнях: морфологическом, семантическом и прагматическом [Kirtchuk 1994: 200].

Как отмечают многие учёные, проблемы, которые касаются класса местоимений в современной теории языка, обусловлены исторически.

1.1.2. Класс местоимений в истории грамматики до XVI в.

В античной грамматической традиции до III вв. до н.э. местоимение не рассматривалось как самостоятельная часть речи. Оно входило в состав имени вместе с существительными, прилагательными, числительными, артиклями. Потом артикли и местоимения были выделены в отдельный класс слов. В III-II вв. до н.э. учёные Александрийской школы разделили местоимения и артикли [Тронкий (1936) 1996; Robins 1967; Mounin 1967].

Дионисий Фракийский был первым из александрийских грамматистов, кто провёл различие между местоимением и артиклем. Ему также принадлежит первое определение местоимения: «Это слово, которое употребляется вместо имени и которое указывает на лица» [Цит. по: Античные теории 1996: 141]. К местоимениям он относил только личные и притяжательные местоимения, так как «они имеют лицо». В работах другого александрийского грамматиста, Аристарха Самофракийского, был установлен список из восьми частей речи, который стал каноническим для европейской традиции: имя, глагол, причастие, член (артикл), местоимение, предлог, наречие, союз [Kukenheim 1951: 78; Colombat 1988: 135].

Во II-I вв. до н.э. римские грамматисты приспособили для описания латинского языка учение о частях речи, которое было разработано для греческого языка. Но из-за того, что формы и значения некоторых слов не совпадали в

греческом и латинском языках, в эту схему были внесены изменения. Например, из-за того, что в латинском языке не было артикля, римские грамматисты ввели дополнительную часть речи – междометие, которое греческие учёные рассматривали как наречие. Таким образом, они сохранили такое же количество частей речи, как у александрийских грамматистов [Robins 1967; Mounin 1967].

В IV в. Элий Донат написал грамматику латинского языка, которая использовалась при обучении латинскому языку больше тысячи лет (до XV в.). Как пишет Л. Хольц, переработанные издания Доната использовались в школах Европы даже в XVIII в. [Holtz 1981: 125].

В грамматике Доната было две части: «Ars Minor» и «Ars Major». Первая часть была написана в жанре элементарной грамматики, а вторая была написана в жанре педагогической грамматики. Поэтому во второй описание частей речи были более подробными, чем в первой.

Интересно, что его первая грамматика была написана в жанре диалога, вторая – в жанре описания. Однако определение для местоимения в этих двух грамматиках одинаковое: «Что есть местоимение? Это часть речи, которая ставится вместо имени, имеет почти столько же значения и иногда принимает лицо» [Donatus (a): [http](#)]. «Местоимение – это часть речи, которая ставится вместо имени, имеет почти столько же значения и иногда принимает лицо» [Donatus (b): [http](#); Античные теории 1996: 139].

Ещё одна очень важная грамматика латинского языка была написана в VI в. Присцианом. Это самая объёмная грамматика латинского языка. Она относится к жанру объяснительной грамматики. В ней имеется 18 книг, из них две посвящены местоимению. Определение для местоимения в ней более развёрнутое, чем у Доната: «Местоимение должно определять следующим образом: слово, становящееся вместо имени, указывающее на определенные лица, разнящееся по падежам и числам, тогда как оно не выражает своим звуком рода. Всякое местоимение – либо указательное, либо относительное» [Priscianus 1855 II: 259; Античные теории 1996: 141].

Из этих определений видно, что для самых авторитетных античных грамматистов в определении местоимения общей была его способность к замещению имени, т.е. к субституции. В основу определения данной части речи у них был положен этимологический принцип. При определении признаков данного класса слов мнения Доната и Присциана не во всём совпадали. Общим для них было указание на категорию лица. Отличия касались списка акциденций, или грамматических категорий местоимений: род, число, падеж.

Как пишет Л. Хольц, в средневековой Европе на начальном этапе изучали латинский язык по учебникам Доната, а на продвинутом этапе – по трактату Присциана [Holtz 1981]. Поэтому авторы средневековых грамматик латинского языка опирались на эти грамматики и их определения. Но так как грамматики Доната и Присциана были написаны под влиянием Александрийской грамматической школы, то идеи александрийских грамматистов оказали большое влияние на создание европейской грамматической традиции [Mounin 1967: 28].

Как отмечает С. Ору, именно эти грамматики легли в основу канона грамматического описания. Французский учёный назвал его «Grammaire Latine Étendue», то есть «Большая Латинская Грамматика» [Augoux 1989]. Этот канон стал основой для описания частей речи в грамматиках новых языков в эпоху Возрождения. На него грамматисты ориентировались также при описании местоимения.

1.1.3. Местоимение с точки зрения современной теории французского языка

В.Г. Гак перечисляет следующие основные дискуссионные вопросы теории языка, которые связаны с французскими местоимениями: 1) правомерность выделения местоимения как части речи; 2) деление местоимения на подклассы (*nominaux* и *représentants*) и их статус внутри местоимений; 3) включение в их состав местоименных прилагательных; 4) природа приглагольных местоимений [Гак 2000: 233-234]. Как видим, общие вопросы, которые касаются описания

класса местоимений, и вопросы, которые касаются класса местоимений во французском языке, не совсем одни и те же.

Рассмотрим, каким образом решаются главные проблемы описания класса местоимений в теории современного французского языка.

В разное время некоторые учёные высказывались против выделения французских местоимений в самостоятельный класс слов. Например, Ф. Брюно считал, что данный класс слов сохраняется в грамматиках только для того, чтобы не изменять традиционную классификацию частей речи [Brunot 1936]. Такая же точка зрения представлена в работе Ж. и Р. Лебидуа, которые отказались от местоимения как части речи и разделили этот класс слов на отдельные группы. В каждой группе формы объединяются по признакам: самостоятельные и служебные, субстантивные и адъективные [Le Bidois 1968].

Но, по мнению большинства учёных, не следует отказываться от традиционной классификации слов по частям речи, в том числе нельзя отказываться от класса местоимений в этой классификации. Например, Л.М. Скрелина пишет: «Выбрасывать местоимение из его ячейки в этой номенклатуре и разносить выброшенные слова по другим ячейкам нет никакого резона. Местоимения относятся к именным частям речи, находясь рядом с именами существительными, прилагательными и наречиями» [Скрелина 1999: 26].

В теории французского языка были попытки заменить традиционный термин «местоимение» на другой. Например, Ф. Брюно предлагал рассматривать местоимения как класс репрезентантов (*représentants*), потому что они могут заменять существительные, прилагательные, глаголы, предложения. Термин «местоимение» он считал неудачным, потому что он указывает на то, что местоимение может стоять только вместо имени (*pro-nom*). По мнению учёного, можно говорить также о других типах репрезентантов: *pro-adjectifs*, *pro-verbes*, *pro-phrases* [Brunot 1936: 174-175].

Ж.Дюбуа предлагал заменить термин «местоимение» на «субститут», чтобы с его помощью показать, что местоимения могут заменять наречия, глаголы и др.

[Dubois 1965: 91]. Н.А. Слюсарева обратила внимание на то, что в английской грамматике класс субститутов получил особый термин «pro-forms», который образован по модели «pro-nouns» [Слюсарева 1986].

Однако, как отмечает Л.М. Скредина, не все французские местоимения – идеальные субституты. Например, личные местоимения 1-го и 2-го лица (je / moi; tu / toi), вопросительные местоимения qui, que, quoi, où и др. [Скредина 1999: 27-28].

Определение местоимений в работах современных учёных имеет много отличий, потому что за основу определения данного класса слов они берут разные признаки. При этом, как пишет Л.М. Скредина, определение класса местоимений почти никогда не начинается с формальных характеристик [Скредина 1999:26]. Это замечание касается определения для местоимения в словаре Ж. Марузо, который после сведений об этимологии термина «pronot» переходит к перечислению основных разрядов местоимений.

В отличие от другой именной части речи – имени существительного – многие учёные, например, Н.М. Васильева, Л.П. Пицкова, дают определение местоимению не по семантическому, а по функциональному признаку и рассматривают этот класс слов как заместители имени [Васильева, Пицкова 1991: 28-29].

У некоторых учёных на первом месте в определении местоимений стоит не идея замещения, а идея указания. При этом они обращают внимание не на роль местоимения в предложении, а на семантику многих французских местоимений, у которых основной функцией является указание. Именно так рассматривает данный класс слов Л.И. Илия: «Местоимения не называют предметы, а указывают на них и приобретают свою отнесенность к референту в конкретной речевой ситуации» [Илия 1979: 53]. Так же рассматривает местоимения В.Г. Гак: «В отличие от других частей речи местоимение не называет объекта непосредственно, но указывает на него в условиях данного акта речи» [Гак 2000: 234].

Как пишет Л.М. Скрелина, по семантической характеристике местоимения выделяются среди других частей речи своим отвлечённым, общим значением. Их противопоставляют вещественным словам, о них говорят как о «пустых» или «формальных» словах, содержание которых меняется в зависимости от употребления [Скрелина 1999: 30]. А. Сешэ писал, что местоимение – это всего лишь вид существительного, который не имеет конкретного значения, но который находит соответствие в одном из аспектов значения существительного [Séchéhaye 1950: 48]. Эту точку зрения разделял Л.Теньер [Tesnière 1988: 79].

О том, что любое местоимение – это номинальный, именной объект, писали Г. Гийом и Ж. Муанье. Они подчёркивали, что форма местоимения связана с какой-то определённой характеристикой имени. Например, важная черта существительных – лицо, или отнесённость имени к лицу. Это касается личных местоимений 1-го и 2-го лица, но у существительных этого признака нет. А 3-е лицо существительное имеет так же, как местоимение 3-го лица [Guillaume 1969; Moignet 1965].

Другой дискуссионный вопрос в современной теории французского языка – это вопрос о семантической классификации местоимений. Сравним предлагаемые разными учёными классификации.

Ж. Марузо делит местоимения на одиннадцать групп или подклассов: *personnels* (личные), *réfléchis* (возвратные), *possessifs* (притяжательные), *démonstratifs* (указательные), *relatifs* (относительные), *indéfinis* (неопределённые), *interrogatifs* (вопросительные), *distributifs* (распределительные), *collectifs* (собираательные), *assévératifs* (усугубительные), *réciproques* (взаимные) [Marouzeau 1933; Марузо 2004: 153].

Ж. Дюбуа выделяет четыре типа местоимений: личные, указательные, относительные, вопросительные. Неопределённые и притяжательные местоимения он рассматривает как неопределённые и притяжательные детерминативы, которые употребляются прономинально (*employés pronominalement*) [Dubois 1965: 82].

М. Гревисс рассматривает шесть типов местоимений: личные, притяжательные, указательные, относительные, вопросительные, неопределённые [Grevisse 1980: 529-530].

Л.И. Илия выделяет семь типов местоимений во французском языке: личные, личное возвратное местоимение *se*, притяжательные, указательные, относительные, вопросительные, неопределённые [Илия 1979: 80]. Как видим, личное возвратное местоимение *se* рассматривается как самостоятельный тип. То есть количество форм в данной классификации разное.

Н.М. Васильева и Л.П. Пицкова выделяют два класса внутри местоимения: субстантивные и адъективные субституты. По значению и отдельным грамматическим особенностям местоимения и местоименные детерминативы делятся на несколько классов: личные, притяжательные, указательные, относительные, вопросительные, неопределённые местоимения. Среди местоименных детерминативов выделяются притяжательные, указательные, неопределённые, а также *quel* вопросительное и *quel* относительное [Васильева, Пицкова 1991: 29].

В.Г. Гак выделяет шесть типов или лексико-семантических групп местоимений: личные (с возвратным), притяжательные, указательные, вопросительные, относительные, неопределённые. Первые три группы обозначают объект по соотнесённости с лицом речи, у трёх последних групп такое значение не выражается. По мнению учёного, среди этих лексико-семантических групп по значимости центральной группой являются личные местоимения, которые «выражают соотнесённость с лицом речи в наиболее чистом и вместе с тем дифференцированном виде» [Гак 2000: 241].

Как видим, в теории французского языка имеются разные подходы к решению данной проблемы. Типология местоимений в разных работах отличается по количеству типов местоимений, по количеству форм, которые рассматриваются как отдельный тип, а также по иерархии подклассов местоимений внутри данной части речи. Принято считать, что главный тип местоимений – это личные местоимения. Л.М. Скредина называет их «ядром этой

части речи, так как остальные местоимения ориентируются на них тем или иным способом» [Скрелина 1999: 35].

Больше всего разногласий в работах учёных по поводу таких местоимений, как *se / soi, en, y, on*. Например, некоторые учёные рассматривают местоимение «*se / soi*» как личные [Dubois 1965; Grevisse 1980], а другие рассматривают их как особый тип или примыкающий к личным [Moignet 1965; Илия 1979; Гак 2000]. Некоторые учёные рассматривают местоимения «*en*», «*y*» как личные [Dubois 1965; Илия 1979; Васильева, Пицкова 1991], а другие рассматривают их как адвербиальные местоимения [Moignet 1965]. Одни учёные рассматривают местоимение «*on*» как неопределённо-личное [Скрелина 1999], другие – как неопределённое [Grevisse 1980], третьи – как личное [Moignet 1965; Dubois 1993].

Имеются разногласия среди учёных даже по поводу личного местоимения 3-го лица *il, elle*. Э. Бенвенист не относит его к личным местоимениям, потому что оно относится в его концепции к репрезентантам или субститутам. Как пишет учёный, между функциями субститутов и функциями указательных местоимений нет ничего общего [Benveniste 1966: 127]. О том, что 3-е лицо – это не-лицо, писали также другие учёные, например, И.А. Бодуэн де Куртене, Л. Теньер и др. [Скрелина 1999: 43-44].

При описании частей речи обычно используют понятие «категория». Термин «грамматическая категория» имеет широкое и узкое значение. Например, Ж. Марузо рассматривает грамматические категории, с одной стороны, как синоним для термина «части речи» (категория имени, категория глагола). С другой стороны, он пишет о том, что различают категории рода, числа, лица, склонения и т.п. [Марузо 2004: 81-82].

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой грамматическая категория рассматривается как «одно из наиболее общих свойств лингвистических единиц вообще или некоторого их класса, получившее в языке грамматическое выражение» [Ахманова 1966:191]. Некоторые учёные рассматривают грамматическую категорию как единство грамматического значения и грамматической формы [Скрелина 1997: 27; Гак 2000: 64].

Различают разные типы грамматических категорий: общие и частные, скрытые и открытые, морфологические и синтаксические, классифицирующие и словоизменятельные, чисто грамматические категории и лексико-грамматические.

В.Г. Гак выделяет семь общих категорий для местоимений: предметность, одушевлённость, определённость, число, род, синтаксическая функция и самостоятельность (автономность). Для отдельных групп местоимений имеются специфические категории: лицо (у личных и притяжательных местоимений), указательность (у указательных), соотнесённость (у относительных). В большинстве случаев это классификационные категории. Только род и число в некоторых случаях являются словоизменятельными категориями. Категории неодинаково распределяются по классам местоимений и внутри них. Род и число различаются только у относительных местоимений (*lequel – laquelle – lesquelles*). Многие формы местоимений имеют несколько функций. К ним относится местоимение *pous*, которое выполняет такие же функции, как четыре разных местоимения 3-го лица множественного числа мужского рода: *ils – leur – les – eux* [Гак 2000: 242-243].

О том, что категории неодинаково распределяются по типам местоимений, написано в самой авторитетной грамматике французского языка «*Le Nouveau Grevisse*» (1993): «Местоимение – это слово, которое изменяется по родам и числам, кроме того, личные и притяжательные местоимения изменяются по лицам, личные, относительные и вопросительные местоимения изменяются по функциям» [Цит. по: Скрелина 1997: 26].

Многие учёные отмечают, что специфические особенности современных французских местоимений (форма, значение, функции) обусловлены исторически. В истории французского языка эта часть речи изменялась не так, как другие части речи из-за своей особой природы и из-за того, что этот класс слов имеет высокую частотность в речи. Именно поэтому в системе современных местоимений сохранилось много архаичных форм, а в употреблении местоимений изменения происходили даже тогда, когда произошла стабилизация системы французского

языка, то есть в новофранцузский период [Brunot 1936: 459; Grevisse 1980: 525-526; Chaurand 2006: 47; Гак 2000: 243].

Итак, анализ научной литературы показал, что при рассмотрении местоимения в современной теории французского языка есть дискуссионные вопросы. Они касаются определения данной части речи, статуса местоимений и их места в системе частей речи, типов (классов или разрядов) местоимений внутри данной части речи, грамматических категорий для каждого из типов местоимений, а также синтаксических особенностей местоимений.

1.2. Эволюция класса местоимений в истории французского языка

Эволюция класса местоимений в истории французского языка имеет большое значение для романского языкознания. Об этом писали многие учёные-романисты (Ф. Брюно, Ж. Вандриес, Э. Бурсье, Г. Гийом, Л.М. Скрелина, Г.М. Щерба, Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева и др.). Это связано с тем, что система местоимений в романских языках имеет латинскую основу, но её эволюция в каждом из романских языков имела свои особенности. Л.М. Скрелина пишет, что не во всех провинциях Романии приживались одни и те же формы. И сохранившиеся формы не всегда имели прежний статус [Скрелина, Становая 2005: 65].

Г.М. Щерба пишет об актуальности проблемы эволюции класса местоимений для романистики так: «В диахроническом плане изучены лишь отдельные разряды местоимений, как правило, без последовательного учёта межразрядовых связей; остаются нераскрытыми механизм и структура изменений как в отдельных разрядах, так и во всей системе в целом» [Щерба 1982: 21]. Кроме того, она отмечает, что в работах по романскому языкознанию мало изучен позднелатинский этап в развитии системы местоимений, а также почти не рассматривался вопрос о причинах и механизмах эволюции системы латинских местоимений в романских языках. Изучению этой проблемы посвящена её работа «Формирование системы местоимений французского языка» [Щерба 1982].

Как пишут Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева, наиболее радикальные изменения, которые произошли в системе местоимений и которые привели к появлению новых грамматических единиц, произошли на участке личных и указательных местоимений. Новыми грамматическими единицами для романских языков были определенный артикль, личное местоимение 3-го лица и личные местоименные частицы. Учёные объясняют причины изменений на этом участке системы увеличением нагрузки на эти местоимения как связующих элементов речи. Для других подклассов местоимений отличия романских языков от латыни касаются только означаемого или означающего отдельных единиц и почти не затрагивают системы неопределённых актуализаторов в целом [Алисова и др. 2004: 294].

Для того, чтобы увидеть, какие изменения происходили в системе местоимений в истории французского языка, следует рассмотреть вопрос о том, что представляла собой система местоимений латинского языка. Она имела следующие разряды местоимений: личные, возвратное, притяжательные, указательные, определительные, относительное, вопросительные, неопределённые и отрицательные. В.Н. Ярхо обращает внимание на то, что личные местоимения имеют общее происхождение не только в романских, но также в индоевропейских языках [Ярхо 2004: 60].

Г.М. Щерба пишет о том, что иерархический центр системы латинских местоимений представлен не личными, а указательными местоимениями. Она объясняет это тем, что парадигма личных местоимений в латинском языке была неполной, а местоименное выражение лица – плеонастическим и нечастым [Щерба 1982: 29; Сабанеева, Щерба 1990: 48]. Личные местоимения 1-го и 2-го лица (*ego, tu, nos, vos*) употреблялись в основном в диалогической речи. При этом они имели эмоциональную или логическую нагрузку. Указание на лицо (1-е, 2-е, 3-е) было у притяжательных (*meus, tuus, suus, etc.*) и у указательных местоимений (*ille, iste, is, hic*). Она пишет: «Указательные местоимения составляли ядро речевых подсистем системы местоимений латинского языка – диалогической и монологической». Ещё одно основание видеть в указательных местоимениях

иерархическое ядро системы латинских местоимений она видит в том, что для них характерна синкретичность значений. Это проявляется в том, что латинские местоимения совмещали значения указательности с основными разрядовыми значениями, а также указательные местоимения совмещали со значением указательности значения лица и поссессивности. Как отмечает автор, значение указательности пронизывало всю систему латинских местоимений [Щерба 1982: 35-36; Сабанеева, Щерба 1990: 48].

Рассмотрим, каким образом происходили изменения в системе местоимений в истории французского языка.

Многие ученые отмечают, что система местоимений современного французского языка представлена такими же разрядами, как и в латинском языке. Только изменились состав разных разрядов местоимений и характер противопоставлений форм внутри них.

Причины изменения в системе местоимений учёные объясняют по-разному. Например, по мнению А. Доза, история форм местоимений тесным образом связана с историей функций этих форм. По его мнению, основное отличие между французскими и латинскими местоимениями для него – это наличие ударных и безударных форм [Доза 1956: 294]. Г.М. Щерба видит главную причину изменения системы местоимений в постепенном отмирании письменного языка поздней латыни и в расширении сферы разговорного языка, для которого диалог был основной сферой существования [Щерба 1982: 98].

Как отмечают учёные, перестройка системы местоимений латинского языка, которая заложила основы формирования системы местоимений французского языка, началась в позднелатинский период [Доза 1956: 294-295; Сабанеева, Щерба 1990: 50; Скредина, Становая 2005: 65].

Система французских личных местоимений сохранила формы, значение и функции латинских местоимений 1-го и 2-го лица *ego*, *tu*, *nos*, *vos*. Но в истории языка система пополнилась формами 3-го лица (*il*, *elle*, *eux*, *elles*), которых в латинской системе личных местоимений не было. Новым было также появление

ударных и безударных местоимений (*me / moi, te / toi, etc.*), которые образовались из падежных форм личных местоимений.

Как пишет А. Доза, в вульгарной латыни *ego* очень рано стянулось в *eo**, *tu* сохранилось так же, как падежные формы *me, te*. Дательный падеж *mihi* стянулся в *mi*, форма *tibi* по аналогии изменилась и дала *ti**. В дальнейшем на севере Галлии шло выравнивание форм *mi > me, ti > te*. А на юге сохранялось противопоставление *mi / me, ti / te* [Доза 1956: 295]. Как отмечает Л.М. Скредина, эти формы позднее распределились по употреблениям [Скредина, Становая 2005: 66].

Формы личных местоимений имели много вариантов в истории французского языка. Как пишет Н.М. Васильева, в старофранцузский период для северо-восточных диалектов (валлонского, лотарингского, бургундского) характерно употребление форм объектных местоимений 1-го и 2-го лица *mi, ti* и возвратного местоимения *si* вместо *mei, tei, sei*, как в северо-западных диалектах. Местоимение *je* в бургундском и шампанском диалектах было представлено формой *gié*, а в пикардском формой – *jou (jo)* [Катагощина, Васильева 1997: 51].

Формы латинских личных местоимений множественного числа *nos, vos* изменились фонетически. В них произошла дифтонгизация, что получило отражение в их написании: *nos > nous, vos > vous*. Формы *nobis, vobis* исчезли вместе с флексиями на *-bus* [Доза 1956: 295]. Тексты старофранцузского периода показывают существование форм *nos, vos*. Как отмечает Э.Бурсье, переход от *nos* к *nous* и от *vos* к *vous* произошёл в XIII в. [Бурсье 2004: 297].

Как пишут Ж. Пикош и К. Маркелло-Низья, в классическом латинском языке не было формы вежливости. Местоимение *vos* в таком значении стали употреблять в начале V в. при дворе императора Гонория (Honorius). В старофранцузский период противопоставление *tu – vous* использовалось в речи для подчёркивания социальной разницы между говорящими. В новофранцузский период обращение на «вы» было распространено при дворе и в обществе образованных людей (*la société cultivée*). Это не относилось к слугам и к друзьям [Picoche, Marchello-Nizia 1998: 229].

Система личных местоимений рано пополнилась формами 3-го лица *il, elle, ils, elles*. Они были образованы из латинского указательного местоимения *ille, illa, illi, illae*. Кроме этого местоимения в системе латинских указательных местоимений было ещё три местоимения: 1) *is, ea, id*; 2) *iste, ista, istud*; 3) *hic, haec, hoc*. Но местоимение *is, ea, id* рано вышло из употребления. Местоимение *hic, haec, hoc* почти никогда не использовалось в роли подлежащего. Местоимение *iste, ista, istud* в позднелатинский период вошло в сферу личного местоимения *ego*, а в V в. в диалогической речи получило усиление: *ecce + iste > ecceiste*. Эта форма стала основой для образования во французском языке указательного прилагательного местоимения *ce, cette* [Щерба 1982: 63].

Как пишет А. Доза, после нескольких колебаний в выборе между указательным местоимением *ille* и определительным местоимением *ipse* вульгарная латынь предпочла последнюю форму [Доза 1956: 295].

Г.М. Щерба видит причину пополнения системы французских личных местоимений формой 3-го лица в изменениях, которые происходили в синтаксисе. В позднелатинский период активные конструкции начали преобладать над пассивными, а в старофранцузский период пассивная конструкция стала употребляться намного реже, чем активная. Это значит, что в период эволюции от латыни к французскому языку транзитивная синтаксическая модель стала преобладать над непереходной безобъектной моделью предложения. Это способствовало формированию транзитивной модели предложения: «глагол + прямое дополнение», в котором в качестве объекта действия выступало существительное или местоимение [Щерба 1982: 63; Сабанеева, Щерба 1990: 66-67].

Местоимение 3-го лица «*il*» не сразу получило форму множественного числа. Как пишут Ж. Пикош и К. Маркелло-Низья, формы на *-s (ils / ilz)* стали регулярно употребляться только с конца XIV в. Но старые формы *il* (мн.ч.) продолжали также использоваться в речи. И даже в среднефранцузский период имелись варианты: «*il / ils / ilz*». Кроме того, они могли употребляться вместо форм «*elle*», «*elles*». В этом учёные видят попытку создать форму

множественного числа без признака рода, как у форм «pous», «vous» [Picoche, Marchello-Nizia 1998: 228].

Личные местоимения постепенно закреплялись в роли подлежащего. В начале старофранцузского периода они вводились в речь с целью экспрессивного выделения лица. Постепенно они становились более частотными и теряли стилистическую окрашенность. К концу XIII в. частота употребления местоимения-подлежащего возросла. Морфологическая перестройка слов в старофранцузском языке преобразовала безударные местоимения в глагольные морфемы, а ударные местоимения сохранили за собой функцию выделения [Скрелина 1972: 109; Смирнова 1990: 15].

С.В. Власов обращает внимание на то, что в XVI в. наличие или отсутствие местоимения в предложении играло большую роль в противопоставлении побудительных, вопросительных и повествовательных предложений. Повествовательное предложение за некоторым исключением в это время начало характеризоваться обязательной препозицией местоимения в роли подлежащего, а вопросительное – постпозицией подлежащего [Власов 1986: 18].

В старофранцузский период система личных местоимений пополнилась также формами *eux* и *lor / lour* (современное местоимение *leur*) [Brunot 1927 II: 313; Скрелина 1972; Катагощина и др. 1976; Шигаревская 1984: 53]. Н.М. Васильева отмечает, что форма *els* имела много диалектных вариантов: в северо-западных диалектах употребляли *eaus*, в пикардском и шампанском – *aus*, а в лотарингском – *ols* [Катагощина, Васильева 1997: 51].

Как известно, в латинском языке личные местоимения склонялись. В отличие от существительных у них было не шесть, а пять падежей, так как у них не было форм вокатива. Система латинского склонения начала разрушаться ещё в позднелатинский период. К старофранцузскому периоду у существительных осталось два падежа, а у местоимений три: кроме прямого и косвенного (*cas sujet*, *cas régime*) употреблялись формы дательного падежа [Скрелина 1972: 175; Шигаревская 1984: 54]. К концу Средневековья местоимения стали несклоняемыми (*indéclinables*) [Picoche, Marchello-Nizia 1998: 228].

Возвратное местоимение *se / soi / soy* употреблялось как *me / moi / moy*, но только в функции дополнения. Постепенно его заменило местоимение *lui, eux*. Эта форма начала регулярно употребляться уже в старофранцузский период. С XVII в. эта форма представляла архаизм, но некоторые пуристы её сохраняли. В современном французском языке *soi* сохранилось только в выражениях общего характера с местоимением в функции подлежащего. Например: *chacun pour soi; on pense trop pour soi* [Доза 1956: 298; Picoche, Marchello-Nizia 1998: 233].

Местоимение *se / soi / soy* использовалось также при возвратных глаголах в функции рефлексива. Способы выражения рефлексива получили поэтапное развитие в истории французского языка. Н.В. Попова установила, что сочетание возвратного местоимения с глаголом в старофранцузский период характеризовалось неполной грамматикализацией. Это выражалось в относительной самостоятельности возвратного местоимения при глаголе. В среднефранцузский период произошло постепенное увеличение контактности между глаголом и возвратным местоимением в составе рефлексива. Сохранились безударная и ударная формы возвратного местоимения *se, sei (soi, soy)*. Употребление ударной формы являлось признаком автономии возвратного местоимения и, соответственно, незавершенности процесса грамматикализации рефлексивной конструкции. Этот процесс завершился только в современный период истории французского языка [Попова 2005: 13-14].

В системе указательных местоимений произошли самые значительные изменения по сравнению с другими типами местоимений. Как пишет Л.М. Скрелина, указательные местоимения традиционно рассматриваются по трём этимологическим парадигмам: 1) формы ближнего указания (*cist*); 2) формы дальнего указания (*ciil*); 3) указательное местоимение среднего рода (*ço*). Указательное местоимение среднего рода *ço* – это бывшее латинское местоимение *hoc*, которое было усилено частицей *esse*: *esse hoc > esseos > iceo > iço, se*. Это местоимение противопоставляется указательным местоимениям *cest* и *ciil* как независимая автономная форма и как местоимение во всех своих употреблениях. Как автономное местоимение оно выступало в предложении в разных функциях:

подлежащего, прямого и косвенного дополнения. В среднефранцузский период оно расширило сферу употребления и стало выступать как подлежащее в конструкциях с глаголом *être* (*c'est*). В новофранцузский период оно стало употребляться реже из-за появления местоимений *sesi* и *cela* [Скрелина 1972: 236-237; Скрелина, Становая 2005: 187, 196-197].

Историки языка обращают внимание на то, что ещё в дофранцузский период начался процесс усиления указательных местоимений, потому что эти местоимения быстро «стирались». Для этого использовался адвербиальный префикс *ессе*. Так была перестроена система латинских дейктических и анафорических демонстративов [Picoche, Marchello-Nizia 1998: 234]. Как отмечает А. Доза, быстрее всего этот процесс проходил на севере Галлии. Новые указательные местоимения были созданы ещё в вульгарной латыни с помощью усилительной частицы. В разных регионах Романии использовались разные частицы. В Галлии роль усилительной частицы играло *ессе* (*voici = вот*). Эта частица слилась с *ille* и *iste*, о чём говорят формы *ессиле* и *есцисте*, которые встречаются уже у латинских комиков. В старофранцузский период произошло деление форм на слабые и сильные, ударные и безударные: *icest – cest, icel -cel*. К концу среднефранцузского периода сильные формы исчезли [Доза 1956: 301-302]. Ж. Пикош и К. Маркелло-Низья обращают внимание на то, что эти формы не встречаются в текстах XII в., но сохраняются в юридических документах до XVII в. [Picoche, Marchello-Nizia 1998: 234].

Как отмечает Н.М. Васильева, в старофранцузский период постепенно стиралось противопоставление между *сiл* (которое указывало на отдалённость) и *сiст* (которое указывало на близость). У этих местоимений были следующие признаки: два числа, три рода (мужской, женский и средний) и три падежа [Катагощина, Васильева 1997: 64].

Ж. Пикош и К. Маркелло-Низья отмечают, что в системе указательных местоимений наиболее значительные изменения произошли в старофранцузский период. В XI-XII вв. эта система была организована следующим образом:

	MASCULIN		FEMININ	NEUTRE
CSS	cil /cist	}	cele /ceste	ce, ço
CRS ¹	cel /cest			
CRS ²	celui /cestui		celi /cesti	
CSP	cil/cist	}	cestes	
CRP	cels, ceus / cez		celes / cez (dét.)	

[Picoche, Marchello-Nizia 1998: 234].

Но уже в конце XII в. в этой симметричной системе начали происходить изменения, которые привели к появлению новых противопоставлений. В XIII в. система указательных местоимений была организована следующим образом:

	MASCULIN		FEMININ
CSS	cil /cist	}	cele /ceste
CRS ¹	cel /cest + Voyelle ce + Consonne		
CRS ²	celui /cestui		
CSP	cil/cist	}	celes / cestes / ces
CRP	ces		

[Picoche, Marchello-Nizia 1998: 235].

Среди современных указательных местоимений есть формы с усилительными частицами là и ci: celui-là, celle-là; ceux-là, celles-là; celui-ci, celle-ci; ceux-ci, celles-ci; cela, ceci. Как отмечают историки языка, аналитическое усиление местоимения cil с помощью наречных частиц là и ci появилось в старофранцузский период, но они стали более употребительными только в среднефранцузский период. Интересно, что сначала в функции усиления стала употребляться частица «ci (<ici)», а потом частица «là»: cist ci; cil là, celle là [Brunot 1927 II: 257; Marchello-Nizia 1999: 239; Скредина, Становая 2005: 355].

В среднефранцузский период были утрачены формы некоторых указательных местоимений: cil, cist, cel, cestu. Однако некоторые из этих архаичных форм (icelluy, cil, ceste) употреблялись ещё в среднефранцузской период (XIV-XV вв.). К концу XVI в. функции этих указательных местоимений выполняли cet, celle / ces, celuy, celle / ceux, ce, cela, ceci / сесу [Шигаревская 1984: 180].

Система латинских притяжательных местоимений сильно изменилась в истории французского языка за счёт увеличения количества форм. В латинском языке у этих местоимений было три лица и три рода:

sg.	pl.
meus, mea, meum	noster, nostra, nostrum
tuus, tua, tuum	vester, vestra, vestrum
	suus, sua, suum

В современном французском языке имеется больше форм, которые выполняют функции притяжательных местоимений. Среди них есть самостоятельные и несамостоятельные притяжательные местоимения или притяжательные прилагательные и притяжательные местоимения.

Притяжательные прилагательные представляют собой фонетически изменённые латинские формы: *mon, ton, son; ma, ta, sa; mes, tes, ses; notre, votre, leur*. Формы единственного числа изменяются по родам, формы множественного числа не изменяются по родам.

Притяжательные местоимения отражают значительные изменения, которые произошли в системе. Во-первых, они употребляются самостоятельно; во-вторых, они употребляются с артиклями; в-третьих, у них есть формы, которые изменяются по родам (*le mien, la mienne; le nôtre, la nôtre, etc.*), и формы, которые не изменяются по родам (*les nôtres; les vôtres; les leurs*).

Как отмечают историки языка, современная система форм притяжательных местоимений сложилась уже в XIII в. В этом виде она существует до настоящего времени. Как пишет Л.М. Скредина, в старофранцузский период произошло разделение притяжательных местоимений на группы в соответствии с двойной референцией: 1) референцией на обладателя (здесь выделяются формы единичности и множественности) и 2) референцией на обладаемое (здесь выделяются формы рода, числа, падежа или функций). Этимологические формы в парадигме притяжательных местоимений *mien, tuen, suen, meie, meies*. Остальные формы притяжательных местоимений были образованы по аналогии: *tuen* → *tuens*. С XIII в. в женском роде перед гласным существительного женского рода элидировались формы «*ma, ta, sa*». Например: *ma amie* > *m'amie*. Но, как

отмечают учёные, в англо-нормандских и франсийских рукописях такие формы были редкими, а в пикардских, валлонских, лотарингских и бургундских рукописях они не получили отражения [Скрелина, Становая 2005: 181-183].

Интересные наблюдения сделала Е.Г.Васильева применительно к особенностям формирования старофранцузских посессивов. Для притяжательных местоимений, которые указывают на одного обладателя, она использует термин «унипосессивы». Для притяжательных местоимений, которые указывают на нескольких обладателей, она использует термин «плюрипосессивы». Она отмечает, что пополнение системы плюрипосессивов формой «lor» способствовало установлению симметрии в системе французских притяжательных местоимений в целом. Таким образом, категория лица стала организующим началом, которое позволило сохранить устойчивость отношений между элементами системы притяжательных местоимений. Как отмечает автор, элидированные формы унипосессивов не только отличались вариативностью в данный период, но иногда приводили к образованию графически объединенных комплексов, которые состояли из определяемого, выраженного существительным, и определяющего, выраженного местоименной формой [Васильева 2001: 15].

Как пишут Ж. Пикош и К. Маркелло-Низья, в конце XIII в. новая форма притяжательного местоимения *leur* получила форму множественного числа *leurs*. В XV в. её употребление распространилось, но даже в начале XVI в. были примеры употребления формы «*leur*» без флексии множественного числа: «*leur navires*» [Picoche, Marchello-Nizia 1998: 239].

В среднефранцузский период сохранялось несколько старых форм, например, формы женского рода «*moie, toie, soie*» существовали наряду с формами «*mienne, tienne, sienne*». Элидированные формы «*m', t', s'*» употреблялись до XVII в. несмотря на то, что в этом значении уже употреблялись формы «*mon, ton, son*». В результате этого в системе притяжательных местоимений существовала широкая вариативность: «*m'amyе / mon amyе*» и т.д. [Доза 1956: 299; Скрелина 1972: 253; Шигаревская 1984: 94-96; Катагощина, Васильева 1997: 204; Tritter 1999: 179-180].

В латинском языке было одно относительное местоимение – *qui, quae, quod*. У него были категории рода, падежа и склонения. Формы этого местоимения использовались также в функции вопросительных местоимений. Были также два вопросительных местоимения-существительных: *quis* и *quid* [Ярхо 2004: 67-68].

В современном французском языке имеются простые относительные местоимения (*qui, que, quoi*) и сложные (*lequel, laquelle, lesquels, lesquelles; auquel, à la quelle, auxquels, auxquelles; duquel, de la quelle, desquels, desquelles*). К этому типу учёные относят местоимения *dont* и *où*. Так же, как в латинском языке (кроме *dont*), они могут использоваться в функции вопросительных местоимений. Как видим, в современном французском языке имеется больше форм, которые выполняют функции относительных и вопросительных местоимений.

М.А. Бородина объясняет появление большого числа сложных форм для относительных местоимений многозначностью *de qui* и распадом латинской системы именного склонения [Бородина 1965: 127-128].

А.Доза пишет о том, что в классической латыни была сделана попытка дифференцировать вопросительные и относительные местоимения, но вульгарная латынь смешала и унифицировала эти формы. *Quis* растворилось в *qui*, которое вытеснило форму женского рода *quae* [Доза 1956: 303-304].

Н.А. Катагощина и Н.М. Васильева отмечают, что в старофранцузский период в системе относительных местоимений были формы *qui, que, dont, quels, liquels*. У формы *qui* уже не было рода и числа, но было три падежа. К XIII в. они перестали различаться функционально. У местоимения среднего рода *que* были ударная и безударная формы (*que / quei > quoi*) и не было падежных форм, как у местоимения *qui* [Катагощина, Васильева 1997: 72-73].

Учёные отмечают появление во французском языке новых относительных местоимений *dont* и *où*. Они были образованы от латинских наречий: *de + unde > dont* и *ubi > où*. Между ними существует разница: *dont* – это настоящее относительное местоимение, *où* – относительное местоимение-наречие [Grevisse 1980: 454; Borodina 1965: 127-128; Катагощина, Васильева 1997: 73; Скрелина, Становая 2005: 198].

Адвербиальные местоимения «en» и «у» начали употребляться в речи в ранний старофранцузский период (IX-XII вв.). В то время они могли использоваться для субституции одушевлённых существительных. Такая особенность сохранялась до классического периода. Тогда, когда эти местоимения употреблялись при одном глаголе, сначала порядок слов был такой: «en у». С XIV в. порядок слов изменился: местоимение «у» стали ставить в препозицию к «en». Например: «Il у en a». Но в XVI в. архаичная конструкция ещё употреблялась в некоторых текстах (Et у en trouvons tant...) [Picoche, Marchello-Nizia 1998: 233; Tritter 1999: 183; Nuchon 2002: 117].

Même появилось в системе французских местоимений в старофранцузский период. Его написание в то время было meĩme(s). Эта форма употреблялась как прилагательное и как наречие. До XVIII в. между этими значениями местоимения не было чёткой границы, поэтому формы с окончанием -s и без -s могли употребляться одинаково: meĩme = meĩme(s). В среднефранцузский период началось разделение функций этого местоимения, хотя архаичные употребления продолжали использоваться в речи и в новофранцузский период (XVII в.). До XVIII в. это местоимение в роли прилагательного могло стоять не только перед, но и после существительного: de la même couleur / en lieu même [Picoche, Marchello-Nizia 1998: 242-243].

Таким образом, главные изменения в системе местоимений в истории французского языка были следующие: 1) пополнение системы новыми формами (il, elle, ils, elles; dont, où, en, у, même и др.), 2) устранение старых форм (ço, cil, cist, icel, iceluy, cestuy и др.), 3) усиление слабых форм (celui, celui-ci, celui-là и др.), 4) изменение характера функционирования некоторых местоимений, 5) появление новых для системы противопоставлений: «ударные / безударные» местоимения, «унипоссессивы / плюрипоссессивы» и др. Изменения в системе местоимений были связаны с изменениями в системе французского предложения, которые были обусловлены переходом грамматической системы от флективного типа к аналитическому.

1.3. Французский язык XVI в. с точки зрения системы, нормы и узуса

Учёные-диахронисты рассматривают ранненовофранцузский период как очень важный этап в истории французского литературного языка. Этот период принято датировать XVI веком. Среди историков французского языка имеются разные точки зрения на возможность выделения этого века в отдельный период. На лингвистических основаниях его относят к среднефранцузскому периоду (А. Доза, П. Гиро, М. Коэн, Л.М. Скрелина и др.), а на экстралингвистических основаниях выделяют в отдельный период (Ф. Брюно, Н.А. Катагощина, М.С. Гурычева, К.А. Аллендорф, Н.М. Васильева и др.). Некоторые современные французские учёные (Б. Коломба, С. Ору) называют его «le français préclassique», то есть «предклассический французский язык».

Ранненовофранцузский период имел большое значение для формирования французского словаря, для завершения перехода французской грамматической системы от синтетизма к аналитизму, а также для формирования норм французского письменно-литературного языка. Кроме того, это был самый важный период для французской орфографии, потому что в XVI в. начался переход от рукописной письменной традиции к печатной или типографской. Л.М. Скрелина отмечает ещё одну важную особенность этого периода: французский язык перестал быть только языком общения и стал объектом изучения. Это было связано с практическими нуждами того времени: развитием книгопечатания и необходимостью обучать французскому языку иностранцев и самих французов [Скрелина 1972: 183; Скрелина, Становая 2001: 301]. Кодификация французского языка, которая началась в XVI в., повлияла на особенности развития языка и на стабилизацию его норм.

Как отмечает Л.М. Скрелина, изменения в языке как системе происходят очень медленно. Они подготавливаются в речи, во всех её единицах и структурах. Некоторые изменения остаются на уровне узуса той или иной эпохи, а некоторые затрагивают систему языка в каком-то её звене и могут привести к сдвигу в

системе, потому что в системе всё взаимосвязано и взаимообусловлено [Скрелина 1972: 15; Скрелина, Становая 2001: 24].

В современной теории языка понятие «система» связано с понятиями «норма» и «узус». Л. Ельмслев и Э. Косериу были первыми учёными, которые стали рассматривать их в единстве. В результате этого в лингвистике сформировалось понятие триады «система – норма – узус». Эти три элемента рассматриваются во взаимосвязи и взаимообусловленности. Система рассматривается как совокупность форм и значений, норма – как совокупность правил, узус – как совокупность употреблений (или речь). Известные учёные (Э. Косериу, Б. Гавранек, Л.М. Скрелина, А. Рей и др.) обращали внимание на то, что все три элемента триады динамичны по своей природе. Только изменчивость узуса заметна, а норма и система производят впечатление стабильности. Но на самом деле эта устойчивость – свойство кажущееся, так как система и норма находятся в постоянном движении [Михайлова 1990: 14-15].

Л.М. Скрелина объясняет противоречивое сочетание в норме устойчивости и изменчивости как отражение устойчивости и изменчивости в языке. Данное противоречие подчеркивается двусторонней природой нормы: своей объективной стороной она связана с системой, а субъективной стороной – с обществом [Скрелина 1977: 114].

Норма – это сложное и динамичное явление. Она является сферой пересечения лингвистических и экстралингвистических факторов [Скрелина 1977], она развивается и меняется вместе с изменением системы языка. При этом на неё влияют экономические, политические, социальные, культурные, литературные и другие процессы, которые происходят в обществе. Обращение к внешним факторам имеет особую важность при изучении закономерностей формирования национальных литературных языков и их норм. В истории французского языка таким периодом является ранненовофранцузский период.

В XVI в. во Франции происходили значительные изменения, которые были связаны с созданием единого национального государства. Период политического

становления Франции был также периодом формирования французской нации и создания общенационального языка.

Н.А. Катагощина и Н.М. Васильева перечисляют признаки, которые характеризуют письменно-литературный язык национального периода:

1) Начинается процесс установления единых, устойчивых, фиксированных общеобязательных норм французского письменно-литературного языка (все передовые умы эпохи Возрождения ставят проблему нормализации языка).

2) Письменно-литературный язык становится многофункциональным: он выступает как государственный, деловой язык, язык науки, литературы, искусства и публицистики; исключением продолжают оставаться некоторые области науки и школа, где преобладала латынь.

3) Он становится общеобязательным почти на всей территории французского государства.

4) Диалекты начинают играть подчинённую роль в развитии французского письменно-литературного языка, который постепенно их поглощает [Катагощина, Васильева 1997: 289-290].

Ордонанс Виллер-Котрэ, который был подписан Франциском I в 1539 г., закрепил статус французского языка как государственного языка. Этот королевский указ предписывал употреблять во всех официальных документах, деловой переписке и в судопроизводстве только французский язык, а не латинский. Этот официальный лингвистический документ положил конец билингвизму, который господствовал в административной сфере и в судопроизводстве. Одновременно запрещалось употребление диалектов в деловой и официальной переписке [Brunot, Bruneau 1956: XI; Marchello-Nizia 1999: 119; Скрелина 1972: 181-182; Скрелина, Становая 2005: 297-300].

Ф. Брюно рассматривал Ордонанс Виллер-Котрэ не только как документ, который имел отношение к реформе судопроизводства. Он считал, что король понимал политическое значение использования французского языка в судопроизводстве во всей стране. Единство языка вело к унификации судопроизводства, администрации и королевства [Brunot 1927 II: 365-366].

Как пишет М.С. Гурычева, Франциск I сделал многое для усиления роли французского языка как ведущего языка страны. В первые годы своего правления он отдал распоряжение об издании на французском языке переводов античных авторов: Диодора, Ксенофонта, Фукидида, Гомера, Плутарха и других. При Франциске I в 1530 г. В Париже был открыт Collège des lecteurs Royeux, где преподавание велось на французском языке. Рамюс и Региус преподавали философию, а Форкадель – математику. Таким образом, французский язык проник в такую «цитадель» латинского языка, как высшая школа [Гурычева 1960: 205; Катагощина и др. 1976: 194].

В XVI в. во Франции сложилась сложная социолингвистическая ситуация. Учёные характеризуют её как ситуацию многоязычия. Э. Лодж пишет, что нельзя рассматривать Францию XVI в. как простое двуязычное сообщество. Он предлагает рассматривать её как противопоставление двуязычных сообществ, которые объединились вокруг одноязычного Парижского региона [Lodge 1993: 204].

В устной речи на территории Франции сосуществовало много диалектов, из которых в роли главного диалекта страны уже выступал франсийский диалект. Как отмечают учёные, этому во многом способствовала деятельность судебных органов и королевской канцелярии. Юристы внесли значительный вклад в развитие французского языка благодаря логичной, аргументированной прозе юриспруденции [Brunot 1927 II: 27-32; Dauzat 1930: 59-60; Nuchon 1998: 37-39; Скрелина, Становая 2005: 299; Rey 2008: 109].

В письменной речи главную роль до конца XVI в. играл латинский язык. Он был представлен во всех письменных сферах речи: в религии, науке, литературе и др. Но, как отмечают многие учёные, ещё в XIV-XV вв. появилось много переводов с латинского и греческого на французский язык. Короли и крупные феодалы (герцоги Бургундский, Бурбонский, Беррийский и др.) покровительствовали переводчикам. Благодаря их усилиям расширились сферы употребления французского языка. Ещё больше сделали для укрепления престижа

родного языка французские писатели и поэты [Dauzat 1930: 67-69; Yardeny 1971: 159; Lodge 1993: 189; Percival 1983: 319].

До XVI в. латынь господствовала в теологии. Но движение Реформации привело к тому, что французский язык проник также в эту сферу. Сначала на французский язык были переведены некоторые канонические религиозные тексты. Форкадель перевёл литургию, Ж. Лефевр д'Этампль – текст Библии. В 1541 г. на французский язык была переведена и опубликована книга Ж. Кальвина «Установления в христианской вере». Значение этой книги для развития французского языка было очень большим. Она заставила ведущих теологов вступить в полемику с Кальвином не на латинском, а на французском языке. Так появилась богатая теологическая литература на французском языке [Brunot 1927 II: 359-364; Clericot 1999: 187-189; Picoche, Marchello-Nizia 1998: 147-148].

В науке латынь также постепенно уступала место французскому языку. На родном языке писали свои работы хирург Амбруаз Парэ, создатель французской керамики Бернар Палисси, известный учёный Пьер де ла Раме, философ Мишель Монтень и др. По-французски писали книги по фармакологии, математике, фортификации, астрономии, географии, химии, физике, истории, естественным наукам [Brunot 1927 II: 33-79; Катагощина и др. 1976: 194; Nuchon 1998: 49-63].

Для французской литературы XVI в. также имел большое значение. Н.А. Катагощина и Н.М. Васильева обращают внимание на то, что в этот период на французском языке процветали разные жанры в поэзии и в художественной прозе: лирическая поэзия, новелла, роман-эпопея, роман-сатира, памфлет и др. В 30-е гг. XVI в. в литературных кругах началось движение, которое получило название «защита и прославление французского языка» по имени знаменитого трактата Ж. Дю Белле «Deffence et Illustration de la langue Françoise» (1549). Большую роль в этом движении сыграла литературная группа, которая известна под названием «Плеяда». Трактат Ж. Дю Белле стал манифестом не только для поэтов «Плеяды», но и для всех, кто хотел обогатить и улучшить французский язык. Как отмечают учёные, своим творчеством больше, чем своими теориями поэты «Плеяды» показали богатые возможности, которые таил в себе

французский язык, и дали пример для многих авторов этой эпохи [Катагощина, Васильева 1997: 285-287].

Расцвет французской литературы способствовал росту престижа французского языка в Европе. Благодаря поэтам и писателям, которые стремились обогатить французский язык, возникло понимание того, что язык можно улучшить, облагородить и сделать объектом гордости [Lodge 1997: 184-186; Nuchon 1998: 49-63].

Как пишет З.В. Гуковская, борьба с латинским языком в XVI в. не была только негативной, потому что защитники французского языка не требовали уничтожить латынь. С одной стороны, гуманисты вытесняли латинский язык из разных сфер деятельности, а, с другой стороны, сохраняли глубокое уважение к древним языкам. Так во Франции сложилось две тенденции: интернациональная и националистическая, которая, в конечном счёте, одержала верх [Гуковская 1940: 26].

Не только латынь оказала влияние на развитие французского языка в XVI в. Итальянский язык также сыграл большую роль в развитии и обогащении французского языка в это время. Итальянские войны (1494-1559), торговые контакты с Италией, а также династические браки французских королей и принцесс из дома Медичи привели к тому, что в XVI в. началась итальянизация французского общества и французского языка [Lodge 1993: 183; Picoche, Marchello-Nizia 1998: 145-146; Скрелина, Становая 2005: 294-295]. Ф. Брюно подчёркивает особую роль Италии в развитии французской литературы и литературного языка. Он пишет о том, что итальянские поэты Данте, Петрарка, Боккаччо показали своими произведениями, что народный язык может достичь совершенства так же, как древние языки [Brunot 1927 II: 4].

Итальянские гуманисты оказали большое влияние на становление лингвистической традиции во Франции. Труды Данте, Альберти, Валлы, Сперони и других итальянских авторов послужили французским гуманистам в качестве образца при написании их работ о французском языке. Из их сочинений французские кодификаторы заимствовали идеи, которые касались вопроса

обогащения родного языка, его «защиты и прославления» [Гуковская 1940: 32-34; Trudeau 1992: 78-79; Auroux 1992: 239].

Как пишет Э. Лодж, в начале XVI в. многие образованные французы хотели, чтобы их родной язык был таким же «благородным, богатым и правильным», как латинский и итальянский. Они воспринимали как большой недостаток то, что для французского языка в то время не было грамматик и словарей, как для латинского и итальянского языков. Поэтому, как пишет учёный, отсутствие кодификации воспринималось ими как преграда для признания французского языка в других странах Европы. Кроме того, он видит одну из причин появления французских грамматик, словарей и трактатов о языке в желании образованной части общества отличаться от простого народа. По его мнению, основная причина появления кодификации во Франции связана с желанием части общества подняться по социальной лестнице и показать свою близость к власти – королевскому двору, Парламенту, Университету и др. [Lodge 1993: 212-213].

Таким образом, XVI в. – это век поиска норм и начала кодификации французского языка. Однако, как отмечает Ж.Клерико, при решении вопроса о норме кодификаторов языка не устраивало простое географическое разделение страны на Иль-де-Франс и остальные регионы. В грамматиках и трактатах по языку обсуждались вопросы о том, на какой язык нужно ориентироваться при выборе «образцового французского языка». Велась работа по выработке социальной нормы, которая должна была показать сферу «образцового французского языка». Одни авторы видели этот «образцовый французский язык» при королевском дворе, другие – среди королевских советников, адвокатов, парижской интеллигенции, третьи считали, что норма связана с языком всего народа: «L'usage est le peuple même» (=Узус – это сам народ) [Clericot 1999: 167-168].

В связи с этим возник вопрос о том, что гуманисты и кодификаторы называли «le bon français» (хороший французский язык). В XVI в. впервые возник вопрос о норме французского языка. Р.А. Будагов пишет о том, что борьба французского языка с латынью определила широкое понимание литературной

нормы в XVI в. В норму литературного французского языка должно было входить всё, что помогало его «прославлению», что «защищало» его от давления латыни и способствовало его обогащению. Именно поэтому почти все грамматисты того времени стояли на антипуристических позициях. Они стремились создать такую грамматику и такие грамматические правила, которые учитывали бы особенности живой речи, то есть узуса [Будагов 1967: 357-358].

Как пишет Е.Н. Михайлова, широкий характер нормы в рассматриваемый период был обусловлен широким характером её объективной и её аксиологической стороны. Объективная норма отражала высокую степень вариативности в языке того времени. Это было вызвано ситуацией многоязычия, социальным и территориальным варьированием, а также перестройкой внутри системы языка – переходом её от синтетизма к аналитизму. Аксиологическая (субъективная) норма носила широкий характер из-за господствовавшей в среде нормализаторов языка идеи универсализма разума. В результате этого норма стала осознаваться как идеал, который в равной степени представлен во всех языках – классических и «вульгарных». Поиски этого идеала привели некоторых гуманистов к провозглашению норм классических языков в качестве образцовых, то есть вывели понятие нормы за пределы родного языка [Михайлова 1990: 8].

Все эти особенности эволюции французского языка в XVI в. по-своему оказали влияние на класс местоимений. Сосуществование диалектов привело к тому, что во французском языке имелось несколько вариантов для разных форм местоимений. Расширение функциональных возможностей национального языка привело к изменению характера употребления местоимений в речи. На особенности узуса и нормы местоимений ранненовофранцузского периода повлияли также латинизация и итальянизация французского языка, переводческая практика, деятельность поэтов, писателей и учёных, которые использовали в своих произведениях французский язык. Кодификация оказала влияние на сужение вариативности у данного класса слов. Поэтому при рассмотрении эволюции класса местоимений в ранненовофранцузский период нужно учитывать то, что в это время увеличилась роль сознательного вмешательства говорящих в

языковые процессы. Кодификаторы не просто описывали формы французского языка, а стремились упорядочить их, сделать язык более логичным и «правильным».

Выводы по первой главе

1. В современной теории французского языка в отношении местоимения имеются дискуссионные вопросы. К их числу относятся определение местоимения как части речи, статус местоимения, его место в системе частей речи. Главный вопрос связан с выделением типов (классов или разрядов) местоимений внутри данной части речи. Есть разные подходы к рассмотрению вопроса о грамматических категориях для каждого из типов местоимений. По-разному рассматривают учёные вопрос о синтаксических особенностях французских местоимений.

2. Особенности современных французских местоимений (форма, значение, функции) обусловлены исторически. Главные изменения в системе местоимений в истории французского языка были следующие:

1) Появление новых форм: (а) личных местоимений 3-го лица *il, elle, ils, elles* из указательного местоимения *ille, illa, illi, illae*; (б) личных объектных местоимений *le, la, me, te*; (в) неопределённого местоимения *il*; неопределённо-личного местоимения *on*; (г) притяжательного местоимения *leur*; (д) наречных местоимений *en, y*; (е) относительного местоимения *dont*.

2) Появление нового для системы противопоставления «ударные / безударные» местоимения (*je / me / moi; tu / te / toi, etc.*).

3) Изменение системы указательных и относительных местоимений за счёт усиления некоторых форм (*celui, celui-ci, celui-là, etc.*) и исчезновения устаревших форм (*ço, cil, cist, ice*).

4) Сохранение категории среднего рода для некоторых местоимений (се, cela, сесі, ça).

5) Изменение особенностей употребления многих форм и типов местоимений из-за изменений в системе французского предложения, которые связаны с переходом грамматической системы от флективного типа к аналитическому.

3. Стабилизация системы французских местоимений произошла в ранненовофранцузский период (XVI в.). Это связано с факторами внешней и внутренней истории. К экстралингвистическим факторам относятся особенности языковой ситуации во Франции в это время (ситуация многоязычия) и начало процессов кодификации и нормализации французского языка. К внутрилингвистическим факторам относятся завершение формирования аналитической системы французского языка, сужение вариативности в системе местоимений и стабилизация нормы в употреблении форм местоимений в речи.

Глава 2. Французские грамматики XVI века: Общая характеристика

2.1. Французские грамматики XVI в. в историографии лингвистики

Интерес к изучению ранних французских грамматик возник в середине XIX в. во Франции. Он был связан с успехами сравнительно-исторического языкознания и вниманием учёных к проблемам эволюции языка. Тексты грамматик заинтересовали учёных потому, что они давали возможность получить информацию о состоянии языка изучаемого периода «из первых рук», то есть от самих носителей языка [Percival 1988; Kibbee 1990; Lodge 1993; Chaurand 2006].

С тех пор в исследованиях по истории французского языка значительное место традиционно отводится вопросам его кодификации, то есть закономерностям его описания в грамматиках и словарях. Впервые полные сведения о французских грамматиках с XVI по XVIII вв. были представлены в «Истории французского языка» Ф. Брюно. Несколько глав во втором томе этой работы посвящены ранним описаниям французского языка [Brunot 1927, II: 93-160].

Однако во многих трудах по истории французского языка в XIX и в начале XX в. основное внимание было сосредоточено на грамматиках XVII-XVIII вв. А в отношении характера описания французского языка в грамматиках XVI в. содержалось большое число критических замечаний.

В исследованиях по истории языкознания до начала XX в. французские грамматики XVI в. также почти не изучались. И в адрес авторов этих грамматик тоже высказывались критические замечания. Это было связано с тем, что их рассматривали как «кальки с латинских грамматик», в отличие от грамматических трактатов более позднего времени (XVII-XVIII вв.). Такая точка зрения сохранялась до середины XX в. Например, известный французский лингвист А. Доза в своей работе «Histoire de la langue française» (1930) так отзывался о ранних описаниях французского языка: «Жак Дюбуа, автор любопытного сочинения, <...> представил первый, хотя и очень неумелый опыт исторической

фонетики; труду Робера Этьена <...> не хватает оригинальности, и он не заслуживает выпавшего на его долю успеха» [Dauzat 1930: Цит. по: Доза 1956: 21]. По мнению А. Доза, из всех грамматистов XVI в. внимания заслуживают только пять авторов: Ж. Дюбуа, Л. Мегре, Р. Этьен, П. Рамюс и А. Этьен.

В работах по истории французского языка второй половины XX в. список грамматик был расширен. В число кодификаторов французского языка были включены такие авторы, как Ж. Тори, Ж. Дю Белле, Г. Дезотель, Ж. Пелетье дю Ман, Ж. Пилло, Ж. Гарнье, А. Коши. Кроме того, в них представлена другая точка зрения на значение ранних грамматик в процессе нормализации французского национального письменно-литературного языка. Так, Р.Э. Лодж отмечает, что в XVI в. было создано большое число работ, в которых получила отражение прескриптивная норма французского языка. Кроме того, ещё до появления Французской Академии кодификаторы XVI в. предприняли первые серьёзные усилия по установлению образцового французского узуса («bon français») [Lodge 1993: 212-213].

Ж. Клерико обращает внимание на значение «лингвистического национализма» для развития и унификации французского языка в XVI в. Особое внимание автор обращает на понятие «узус» (usage), которое было тогда в центре обсуждения вопросов унификации французского языка. В это время возникают идеи пуризма, которые в XVII в. стали главными для французских академиков и литераторов [Cléricot 1999: 168-169].

Кроме отдельных глав или разделов в работах по истории французского языка сведения о французских грамматиках XVI в. представлены в специальных исследованиях по истории французской грамматики. В XIX в. их было написано немного.

К числу самых ранних исследований о грамматиках XVI в. относится труд Ш. Ливе [Livet 1859], в котором представлен общий очерк истории первых описаний французского языка. В нём даётся описание наиболее известных грамматик XVI в.: Ж. Дюбуа (1531), Л. Мегре (1550), П. де ла Раме (1562, 1672), Ж. Пилло (1550), Ж. Гарнье (1554), Р. Этьена (1556). Кроме того, в работе

Ш. Ливе рассматриваются разные трактаты о языке, в которых затрагивались вопросы апологии французского языка, орфографии, перевода и др. Это работы таких авторов, как Г. Дезотель (1548), Ж. Пелетье (1555), А. Матье (1559), А. Этьен (1565, 1578, 1579, 1582). Основное внимание Ш. Ливе обращает на то, каким образом в ранних французских грамматиках получило отражение описание частей речи. Ученый критически оценивает опыт грамматистов XVI в. в этом вопросе, потому что исходит из положений теории языка, которая сформировалась к середине XIX в., где в центре внимания была историческая грамматика. Поэтому в его работе имеется немало критических замечаний в адрес авторов ранних французских грамматик [Livet 1859: 69, 75, 86, 120, 220 и др.].

Следующей важной работой по истории французской грамматики является исследование А. Луазо [Loiseau 1866]. Оно посвящено грамматическим воззрениям Ж. Пилло, автора нескольких французских грамматик, которые, по данным Ж.-Кл. Шевалье, в течение XVI в. переиздавались около двадцати раз во Франции и в Германии [Chevalier 1968: 74-75]. Особенность исследования А. Луазо состоит в том, что взгляды Ж. Пилло на французский язык рассматриваются в контексте общего развития грамматики XVI в. В следующей своей работе А. Луазо [Loiseau 1873] рассмотрел историю французской грамматики от эпохи Возрождения до середины XIX в. и показал значение ранних описаний французского языка для становления французской национальной грамматической традиции.

Первое исследование справочного характера об истории филологических и грамматических сочинений во Франции было опубликовано в Париже в 1874 г. Его автор, Ж. Телль, собрал в нём все сведения о французских грамматиках и филологических сочинениях с 1520 по 1874 г. [Tell 1974]. В отличие от исследований Ш. Ливе и А. Луазо, в которых дан глубокий анализ проблем грамматического описания французского языка, в этой работе представлены сведения общего характера о том, когда и где была опубликована та или иная грамматика французского языка, а также перечислены вопросы, которые в ней рассматривались.

В большинстве исследований по истории французской грамматики основное внимание направлено на изучение того, как в них решалась проблема частей речи. Работа А. Бенуа [Benoist 1877] является одним из первых исследований, которое посвящено изучению вопросов синтаксиса в грамматиках XVI-XVII вв.

К концу XIX в. изучением истории французских грамматик занялись ученые Германии, где в то время была самая сильная в Европе научная школа. Так, в 1890 г. в Йене было опубликовано наиболее полное библиографическое описание французских грамматик с конца XIV до начала XVIII в. Составитель этого справочника Э. Штенгель [Stengel 1890], представил сведения обо всех грамматиках и их переизданиях за этот период. Это был наиболее полный и точный справочник по французским грамматикам до конца XX в., когда с развитием историографии лингвистики у ученых появились новые сведения о ранее неизвестных грамматиках.

В конце XIX в. наиболее глубоким исследованием по проблемам истории лингвистической мысли во Франции в эпоху Возрождения стала диссертация Л. Клемана [Clément 1898]. Она посвящена сочинениям А. Этьена – автора, который написал самое большое количество работ по вопросам филологии и грамматики в XVI в. В этой диссертации рассмотрены наиболее важные работы А. Этьена, которые были посвящены вопросам французского языка (А. Этьен написал также несколько работ по латинскому и греческому языкам). Хотя исследование Л. Клемана было посвящено филологической деятельности одного автора, в ней получили отражение сведения об особенностях развития лингвистической традиции во Франции в XVI в. Например, в нем показано влияние на формирование лингвистических взглядов А. Этьена поэтов «Плеяды», а также итальянских гуманистов. Большое внимание уделено роли сопоставительного метода, который А. Этьен широко использовал в своих лингвистических сочинениях [Clément 1898: 249-269].

В первой половине XX в. возник интерес к общим вопросам развития лингвистической мысли в Европе в эпоху Возрождения. Самой важной работой

этого периода является исследование голландского ученого Л. Кукенхайма, которое посвящено изучению западноевропейской грамматической традиции XVI в.: итальянской, французской и испанской [Kukenheim 1932]. Автор сравнивает вклад грамматистов каждой из этих стран и делает выводы о том, что для них является общим и особенным. В другой работе Л. Кукенхайма по истории французской лингвистической традиции рассматривается связь между изучением французского языка и проблемами общей лингвистики в истории французской традиции [Kukenheim 1962].

Новый этап в изучении французских грамматик XVI в. связан со становлением историографии лингвистики как самостоятельной отрасли языкознания. В 60-е гг. XX в. в разных странах Европы было опубликовано несколько общих работ по истории языкознания. К их числу относятся работы таких ученых, как В.А. Звегинцев [Звегинцев 1960], К. Тальявини [Tagliavini 1963], М. Леруа [Leroy 1963], И. Ивич [Ivić 1963, 1965], Р.Г. Робинс [Robins 1967], Ж. Мунен [Mounin 1967]. Наряду с работами общего характера в то же время появились частные исследования по истории языкознания. Наличие большого числа работ по истории языкознания Я. Малкиль охарактеризовал как «всплеск публикаций» [Malkiel 1969: 530]. Многие работы этого периода были направлены на поиск методологических оснований для изучения истории науки о языке. При этом во многих из них отмечалась большая роль авторов первых французских грамматик в создании основ западноевропейской лингвистической традиции.

Большое значение для изучения истории грамматики во Франции сыграла диссертация известного учёного Ж.-Кл. Шевалье «*La notion de complément chez les grammairiens. Etude de grammaire française (1530-1750)*» [Chevalier 1968]. Как видно из названия, это исследование посвящено изучению понятия дополнения в грамматиках XVI-XVIII вв., то есть вопросам синтаксиса. Но на самом деле в нём рассматривается широкий круг проблем, которые касаются теории и практики грамматического описания в истории французской грамматической традиции. Эта работа содержит наиболее полное библиографическое описание исследований по истории французских грамматик и первоисточников, в том числе сведения о

переизданиях сочинений XVI в. Значение этой работы состоит в том, что в ней сформулированы новые теоретические основания для изучения лингвистических трудов прошлых эпох.

Количество исследований, которые посвящены истории французских грамматик, заметно увеличилось к концу XX-началу XXI в. Это было связано с необходимостью выработки основных положений методологии историографии и историологии лингвистики. Исследования этого периода посвящены взглядам на язык отдельных авторов, общим и частным вопросам теории языка, а также особенностям отражения явлений французского языка в грамматиках XVI-XVIII в. Кроме того, к этому времени относится значительное число переизданий ранних грамматик. По выражению С. Ору, такая работа «создает материальную или документальную базу для эмпирических исследований» [Aurox 1989: 13]. Так как многие ранние описания французского языка были написаны по-латински или в них использовались особые способы печати (как у Л.Мегре или А.Матье), эти переиздания содержат точную копию текста оригинала, их перевод на современный французский язык, а также развёрнутые комментарии к текстам. Среди них самые известные – это работы К. Демезьер [Demaizière 1976], Ф.-Ж. Хаусманна [Hausmann 1980], Б. Коломба [Colombat 2003], А. Кюльер [Cullière 2006], А. Жактен-Годэ [Jacquetin-Gaudet 2008].

К числу наиболее важных исследований этого периода относится диссертация К. Демезьер, посвященная наиболее известным французским грамматикам XVI в., авторы которых были родом из Пикардии (Ж. Дюбуа, Ш. Де Бовель, А.Коши, П. де ла Раме, Ж. Боске, Г. Мерье) [Demaizière 1983]. В этом исследовании показан вклад пикардских грамматистов в процесс кодификации и нормализации французского языка в XVI в. В нём рассматриваются следующие общетеоретические и практические вопросы описания французского языка: проблемы орфографии, учение о частях речи, ранние описания французского синтаксиса, примеры изучения французской лексики с точки зрения этимологии. Исследование К. Демезьер содержит сведения о редких изданиях XVI в., например, о грамматиках Г. Мерье (1558), П. де ла Раме (1562), Ж. Боске (1586).

В настоящее время во Франции имеется научный центр, в котором под руководством известного французского философа и лингвиста С. Ору проводятся исследования по истории французской лингвистической традиции. Первым крупным исследованием этого центра стала коллективная монография «Histoire des idées linguistiques» [Auroux 1989; 1992; 2000]. Второй том этой работы (1992) содержит развёрнутый очерк истории французской грамматики XVI в. В нем показано, что становление французской грамматической традиции в XVI в. было частью большого процесса грамматизации (т.е. охвата грамматическим описанием) европейских языков. С. Ору является также автором нескольких работ, которые посвящены разным вопросам теории и практики описания языка во французских грамматиках [Auroux 1973; 1994; 2000; 2004; 2015].

Другой научный центр по изучению лингвистической традиции во Франции возглавляет известный французский лингвист Б. Коломба. Под его руководством создаётся «Большой Корпус Грамматик и Лингвистических Традиций» («Corpus représentatif des grammaires et des traditions linguistiques»), который включает цифровые версии грамматик XVI в., их переводы с латинского языка или ранненовофранцузского на современный французский язык, а также комментарии к текстам грамматик. Совместно с Б. Коломба работают такие известные специалисты по истории лингвистических учений, как К. Демезьер, Ж. Клерико, В. Айрес-Бенет и др. [Aures-Bennett, Colombat 2016].

Изучением ранних французских грамматик и лингвистического наследия французского Возрождения занимались и занимаются ученые не только во Франции, но и в других странах: Италии, Испании, Германии, Нидерландах, Великобритании. Наиболее сильные научные школы представлены в тех странах Европы, где в XVI в. было написано больше всего французских грамматик (Британия, Германия и Голландия).

Самый первый международный научный центр по изучению истории лингвистических традиций был создан в Амстердаме. Это связано с тем, что Амстердам всегда был крупным центром торговли в Европе. Кроме того, он был одним из самых крупных центров книгопечатания в XVI-XVII в. Там в настоящее

время издаётся специализированный журнал по истории лингвистических учений («*Historiographia Linguistica*»). В этом журнале регулярно публикуются статьи по истории ранних европейских грамматик, в том числе французских.

В Бельгии при Университете города Лёвен существует Научный центр по изучению лингвистической традиций (Center for the Historiography of Linguistics). Его возглавляет известный учёный П. Свиггерс. Он является автором интересных работ, которые посвящены истории европейской лингвистической традиции [Swiggers 1985; 1997; 2003]. Кроме работ по общим вопросам истории французской лингвистической традиции [Swiggers 2007 a; 2014] у него имеются работы, которые посвящены частным проблемам теории и практики описания французского языка в XVI в. [Swiggers 1989; 2007 b].

Большой вклад в изучение лингвистической традиции XVI в. внес американский учёный Д.А. Кибби. В его работах рассматривается история обучения французскому языку в Англии [Kibbee 1985; 1989; 1991], отражение языковой вариативности в грамматиках XVI в. [Kibbee 1990], проблемы двуязычной лексикографии [Kibbee 1986]. Кроме работ по общим вопросам истории французской лингвистической традиции у него имеются работы, которые посвящены лингвистическим воззрениям грамматистов XVI в., например, Дж. Пальстрава [Kibbee 1985] и Л. Мегре [Kibbee 2003].

Значительный вклад в изучение ренессансной лингвистической традиции внес известный американский ученый К. Персиваль. В его работах французские грамматики XVI в. рассматриваются как часть европейской лингвистической традиции [Percival 1975; 1988]. Ученый обращает внимание на тесную связь грамматики и риторики в трудах кодификаторов XVI в., а также на наследие и преобразования в этой традиции [Percival 1983; 1986].

В российской лингвистике также имеются исследования, которые посвящены ранним описаниям французского языка.

К числу первых глубоких исследований по истории французской лингвистической мысли XVI в. относится работа З.В. Гуковской «Из истории лингвистических воззрений эпохи Возрождения: Теория языка у “Плеяды”»

[Гуковская 1940]. Она посвящена лингвистическим воззрениям поэтов «Плеяды», в основном трактату Ж. Дю Белле «Защита и прославление французского языка» (1549). Лингвистическая концепция этого французского поэта показана на фоне сложной языковой ситуации во Франции в связи с событиями, которые повлияли на процесс формирования французского национального письменно-литературного языка. В работе З.В. Гуковской рассматриваются такие важные для лингвистической традиции XVI в. понятия, как «вульгарность и искусственность» в отношении к литературному языку, трактовки термина «слово» в понимании гуманистов, а также проблема нормы.

В 60-е гг. XX в. значительный вклад в изучение процесса нормализации французского литературного языка внёс выдающийся советский лингвист, специалист по романскому языкознанию Р.А. Будагов. В 1956 г. в журнале «Вопросы языкознания» была издана его статья «Понятие о норме литературного языка во Франции в XVI-XVII вв.» [Будагов 1956]. Она посвящена проблеме изменения понятия о норме литературного языка во Франции в XVI - XVII вв. Автор обращает внимание на то, что вопросы языка во Франции приобрели особо актуальное значение в эпоху, когда складывались условия для формирования нации [Будагов 1956: 13]. Р.А. Будагов подчёркивает, что сфера литературных языков – это пограничная сфера между лингвистикой, историей литературы и историей культуры [Будагов 1956: 21].

В 80-90-е гг. российскими учёными было выполнено несколько серьёзных исследований по истории начального этапа французской лингвистической традиции. В это время большой вклад в изучение ранних французских грамматик внесла Н.Ю. Бокадорова. В основном в ее научных работах исследуется французская лингвистическая традиция XVII-XIX вв. [Бокадорова 1974; 1985; 1987]. Вопросам описания французского языка в ранних сочинениях английских и французских авторов посвящена её статья «Первые опыты грамматических описаний французского языка в контексте культурной традиции XIV-XVI веков» [Бокадорова 1994]. В ней рассматриваются воззрения на французский язык таких авторов, как Г.В. Биббесворт, Дж. Бартон, А. Барклей, Дж. Пальсграв, Дж. Дьюис,

Ж.Лефевр д'Этампль, Ж. Тори, Ж. Дюбуа. Как отмечает Н.Ю. Бокадорова, интерес к народным языкам и развёрнутые опыты их грамматического описания в этих грамматиках являются проявлением гуманистического мышления [Бокадорова 1994: 113].

Значительный вклад в изучение ранних французских грамматик внесли диссертационные исследования, которые были выполнены под руководством известных российских романистов: профессора Н.А. Катагощиной (Москва, МОПИ) и профессора Л.М. Скрелиной (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена).

Кандидатская диссертация А.П. Тимониной (МОПИ) «Первые французские грамматики и их роль в кодификации общезападного письменно-литературного языка» [Тимонина 1980] посвящена выявлению значения грамматик в процессе стабилизации норм французского письменно-литературного языка в XVI в. В исследовании показано, что эволюция норм литературного языка носит объективный характер. В то же время доказывалось, что теоретики языка сыграли большую роль в деле стабилизации норм в ранненовофранцузский период. Автором исследования выявлены заслуги грамматистов XVI в. в постановке вопроса о том, на какие сферы общения должны ориентироваться говорящие в выборе образцового языка. При этом показано три направления в поисках первыми французскими грамматистами социальной основы нормы: дворянское, буржуазное и народное [Тимонина 1980: 15].

Диссертация Е.В. Милюковой (МОПИ) «Основные вопросы теории синтаксиса и принципы синтаксического анализа в трудах французских грамматистов XVI в.» [Милюкова 1995] посвящена проблемам синтаксиса в ранних грамматиках французского языка. В ней даётся обоснование точки зрения, согласно которой основы синтаксиса в истории французской грамматической традиции были заложены в XVI в. в грамматиках Л. Мегре, П. де ла Раме, А. Коши. До этого в романистике была принята точка зрения, согласно которой основы синтаксической теории во Франции сложились в XVII в. под влиянием

логики и риторики. Е.В. Милюкова приводит данные о понятиях, которые были введены в научный обиход авторами ранних французских грамматик, показывает, что в то время были заложены основы учения о французском синтаксисе и выработана методика синтаксического анализа [Милюкова 1995: 18].

В диссертационных исследованиях научной школы профессора Л.М. Скрелиной ранние французские грамматики анализируются с точки зрения их роли в становлении норм французского письменно-литературного языка [Власов 1986; Кузьмина 1987; Михайлова 1990; Тюрина 1998], их роли в становлении французской грамматической терминологии [Головкина 1996], а также их роли в формировании теории частей речи во французской грамматической традиции [Александрова 1996].

Изучением французской ренессансной традиции в России больше двадцати лет занимается Е.Н. Михайлова. В ее докторской диссертации [Михайлова 2000], которая была посвящена изучению принципов описания класса имен в грамматической традиции французского Возрождения, была предложена методика изучения принципов грамматического описания с учетом триады «система – норма – узус». В ее работах изучаются воззрения на язык отдельных представителей этой традиции (П. Рамюс, Ш. Де Бовель, Ш. Этьен и др.), а также принципы лингвистического описания французского языка в грамматиках, словарях и трактатах о языке. Французская национальная лингвистическая традиция XVI в. рассматривается в ее работах как феномен ренессансной культуры.

На основании проведенного анализа научной литературы можно сделать вывод о существовании двух этапов в изучении ранних французских грамматик. В работах учёных XIX в. и первой половины XX в. была описана небольшая часть грамматик. Для исследований этого времени был характерен критический взгляд на французское грамматическое наследие XVI в. В исследованиях, которые были выполнены в конце XX – начале XXI в., имеются новые сведения о забытых или малоизученных грамматиках. Кроме того, в это время появились комментированные переиздания ранних грамматик французского языка. А также

в работах этого времени проблемы описания языка рассматриваются под углом зрения теории и практики познания в эпоху Возрождения.

2.2. Этапы кодификации французского языка в XVI в.

XVI в. принято считать началом кодификации французского языка, потому что тогда появились первые французские грамматики, словари и трактаты о языке. В 30-е гг. началось движение в научных и литературных кругах, которое обычно называют «защитой и прославлением французского языка» по имени знаменитого трактата Ж. Дю Белле [Гуковская 1940: 37; Гурычева 1960: 204].

Как пишет Н.Ю. Бокадорова, в историографии лингвистики долгое время было распространено мнение о том, что до 30-х гг. XVI в., когда были опубликованы грамматики Дж. Пальсграва (1530) и Ж. Дюбуа (1531) собственно грамматик французского языка не было. Однако задолго до начала кодификации французского языка во Франции возникла потребность в пособиях по обучению французскому языку в некоторых странах Северной Европы [Бокадорова 1994: 99].

Англия стала первой страной, в которой появились грамматики французского языка. Самые ранние из них относятся к XIV в. При этом, как пишет Ф. Брюно, уровень описания языка в них был недостаточно высоким [Brunot 1927, II: 124]. После покорения этой страны нормандским герцогом Вильгельмом Завоевателем (1066 г.) французский язык стал там «языком нотариата, легистов, Парламента, Двора и куртуазной литературы» [Бокадорова 1994: 104]. В связи с ситуацией билингвизма, которая сложилась в Англии, знание французского языка там было престижным, поэтому грамматики и разного рода пособия по французскому языку были востребованными среди местного населения. Ж. Пикош и Кр. Маркелло-Низья объясняют это особым характером отношений между Англией и Францией в XIII-XV вв., то есть до и во время Столетней войны. Только в начале XV в. Генрих IV стал первым из английских

королей, для которого английский, а не французский был родным языком [Picoche, Marchello-Nizia 1998: 144].

Именно этим объясняется то, что самые первые пособия для обучения французскому языку появились в Англии. В их числе учёные называют сочинения Г. Биббесворта (начало XIV в.), Дж. Бартона (конец XIV в.), А. Барклея (1521), Дж. Дьюиса (1532), Дж. Пальсграва (1530) и Дж. Пинсона (1532), К. Холибанда (1566, 1573) [Brunot 1927 II: 124; Percival 1988: 72; Kibbee 1989: 54-55]. Авторами этих пособий были в основном англичане, которые хорошо знали французский язык. Например, Дж. Пальсграв, автор самой объёмной грамматики французского языка, которая была издана в Англии, несколько лет прожил во Франции, имел дипломы Кэмбриджа и Сорбонны и очень хорошо знал французский язык. Его грамматика была предназначена для обучения французскому языку младшей сестры английского короля Генриха VIII [Бокадорова 1994: 106].

Как отмечают учёные, французские грамматики, которые были изданы в Англии и были предназначены для англичан, не оказали влияния на французскую национальную грамматическую традицию, то есть традицию, которая сложилась во Франции. Не повлияли на становление французской национальной традиции также грамматики, которые были изданы в Голландии, Германии и в других странах Европы: Испании, Швейцарии, Италии [Kukenheim 1932; Chevalier 1968; Chaurand 1999; Colombat 2013].

В течение XVI в. было создано около пятидесяти грамматик французского языка, не считая переизданий. Только половина из них была опубликована во Франции, в основном в Париже. Остальные грамматики были изданы в других европейских странах и были предназначены для иностранцев, которые хотели изучать французский язык. И только небольшая часть грамматик XVI в. была предназначена французам, которые хотели улучшить свое умение «хорошо и правильно говорить и писать по-французски» [Brunot 1927, II: 15-16; Demaizière 1983: 29-30].

В результате усилий французских грамматистов сложилась французская национальная грамматическая традиция. Она представлена несколькими десятком работ, в которых по-разному дано описание французского языка.

Рассмотрим, каким образом складывалась французская грамматическая традиция. Е.Н. Михайлова выделяет три этапа в истории французской грамматической традиции XVI в.: начальный (30-40-е гг.), переломный (50-70-е гг.) и заключительный (конец XVI в. – начало XVII в.). Основание для такой периодизации она видит в том, что каждый из этапов представлен разным количеством работ; своим кругом проблем; наличием ведущего архетипа грамматического описания; изменением в понимании предмета и задач грамматики [Михайлова 2000: 66].

В первой половине XVI в. кодификация французского языка была представлена несколькими трактатами на разные темы. Среди них вопросы апологии французского языка, проблемы орфографии, замечания о правильности речи и др. Самые известные из них – это трактаты Ж. Тори (1529), Ш. де Бовея (1533), Л. Мегре (1542), Ж. Дю Белле (1549).

В этот период было написано всего две грамматики французского языка – это грамматики Жака Дюбуа и Жана Дрозе.

Ж. Дюбуа был автором первой грамматики французского языка, написанной французским автором. Эта грамматика была опубликована в 1531 г. в Париже, в типографии Робера Этьена – одного из самых известных издателей того времени. Ж. Дюбуа (1478-1555) был родом из Пикардии. В 30-40-е гг. XVI в. он был известным учёным, автором тридцати работ по медицине. Французская грамматика – это единственное его сочинение, которое было посвящено вопросам языка [Demaizière 1983: 51-52]. Во введении к своей работе он написал, что хочет переиздать ее, чтобы придать ей «более научный вид» [Dubois 1531: s.p.]. Но больше к вопросам языка он не обращался. Его грамматика была написана по-латински, так как в 30-е годы XVI в. во Франции не принято было использовать французский язык в качестве языка изложения для научных и учебных работ.

Ж. Дюбуа объяснял причины, по которым он решил написать свою грамматику: он считал, что человеку должно быть стыдно не знать своего родного языка [Dubois 1531: 5]. По мнению Ф. Брюно, одна из причин, которые привели его к написанию французской грамматики, была связана с особенностями преподавания медицины в то время в Европе: практикующие врачи (в особенности хирурги) не всегда знали латынь и нуждались в обучении своему ремеслу на родном языке [Brunot 1927 II: 129].

В историографии лингвистики грамматика Ж. Дюбуа получила неоднозначную оценку. И хотя большинство ученых признавали его заслуги в деле кодификации французского языка, долгое время было много тех, кто отказывал этой работе в оригинальности и обвинял автора в слепом копировании положений канонических латинских грамматик, в частности, знаменитой латинской грамматики Элия Доната (IV в.) [Tell 1874: 29; Brunot 1927 II: 133-135]. Однако уже по названию данной работы видно, что Дюбуа хотел написать именно латинско-французскую грамматику: «*In linguam gallicam Isagoge, una cum ieusdem Grammatica Latino-gallica, ex Hebraeis, Graecis et Latinis authoribus*» (=Элементарный курс французского языка, содержащий латинско-французскую грамматику, написанную сообразно авторам еврейских, греческих и латинских грамматик). Таким образом, это один из примеров сравнительной грамматики, которых в Европе в XVI в. было написано немало.

В 1544 г. была издана грамматика Жана Дрозе [Drosay 1544]. В ней были представлены латинский, греческий, древнееврейский и французский языки. В историографии лингвистики эта работа не рассматривалась в числе грамматик из-за особого характера описания этих языков, т.е. из-за отсутствия в ней грамматического канона. В то же время, как отмечает Ф. Брюно, в ней содержатся положения, которые заслуживают внимания из-за точности наблюдений автора за особенностями французского языка [Brunot 1927 II: 138-139]. В ней затронуты такие вопросы, как французский алфавит, слоги французского и латинского языков и некоторые особенности таких частей речи, как имя и глагол. Как

отмечает Ф. Брюно, классификация глаголов была им заимствована у Ж. Дюбуа [Brunot 1927 II: 138].

В 1550 г. была опубликована одна из самых известных и оригинальных грамматик XVI в. – грамматика Луи Мегре [Meigret 1550]. Это была первая французская грамматика, которая была написана не на латинском, а на французском языке. Кроме того, это была первая во Франции работа, которая была написана в жанре научной (объяснительной) грамматики [Hausmann 1980: 335-336]. Как отмечает Ш. Ливе, Л. Мегре был первым из грамматистов, кто подумал не об иностранцах, а о французах [Livet 1859: 49]. По мнению многих учёных, Л. Мегре был «подлинным творцом французской грамматики» [Доза 1956: 21; Mounin 1967: 165; Julien 1988: 59].

Учёные обращают внимание на то, что грамматика Л. Мегре не получила признания у современников, а в дальнейшем она была незаслуженно забыта из-за того, что была написана с использованием той системы орфографии, которую предложил сам Мегре [Chevalier 1968; Hausmann 1980; Kibbee 2003].

В истории французской лингвистической традиции Мегре известен как реформатор в области французской орфографии [Hausmann 1980: 335-336]. Но и в области грамматики он был новатором, так как переосмыслил положения греко-латинского канона, на который принято было ориентироваться при описании живых языков. При написании своей грамматики Мегре ориентировался на узус, поэтому при описании частей речи он использовал основные положения «Большой Латинской Грамматики». Так как работа Мегре была задумана как научная грамматика, на принципы описания частей речи в ней оказали влияние положения самой авторитетной научной грамматики – «Основы латинского языка» Присциана. Отступления от этой модели у Мегре вызваны расхождениями между французским узусом и греко-латинским каноном [Glatigny 1987: 150; Kibbee 2003: 65-66; Михайлова 2009 б: 217].

В 1550 г. была издана ещё одна грамматика французского языка – грамматика Жана Пилло. Это одна из самых авторитетных грамматик XVI в., если судить по количеству её переизданий. По данным Ф. Брюно, она была издана

впервые в октябре 1550 г. в Париже [Brunot 1027 II: 145]. В дальнейшем она переиздавалась около двадцати раз во Франции, а также в Германии и Нидерландах. При этом четырнадцать переизданий было сделано при жизни автора [Chevalier, 1968: 74-75; Colombat, 2003: X]. Ф. Брюно объясняет особый успех грамматики Ж. Пилло по сравнению с другими французскими грамматиками XVI в. тем, что она была просто и ясно написана. Кроме того, её успех был связан с тем, что она была написана на латинском языке, который в то время был общеевропейским языком науки и образования [Brunot 1927 II: 147].

В историографии европейской лингвистики имеется немало сведений о Ж. Пилло и его грамматике. Одним из первых исследований, которое было посвящено изучению его грамматических воззрений, является работа А. Луазо [Loiseau, 1866]. К числу глубоких исследований, которые посвящены лингвистическим воззрениям Ж. Пилло, относится работа Б. Коломба [Colombat, 2003]. Грамматика Ж. Пилло представляет собой значительный интерес для изучения, потому что она позволяет через сравнение разных изданий увидеть, какого рода дополнения и исправления автор грамматики вносил в ее содержание, чтобы сделать ее более понятной и удобной для преподавания французского языка иностранцам [Михайлова 2000: 129; Colombat 2003: X-XI].

Среди французских грамматик XVI в., которые были написаны французскими авторами и предназначены для обучения французскому языку иностранцев, учёные особо выделяют грамматику Жана Гарнье «*Institutio gallicae linguae*» (Основы французского языка) [Garnier 1558]. Сведений об этой грамматике во многих исследованиях XIX - начала XX в. очень мало. Ш. Ливе отмечает, что этот грамматист, так же, как и Ж. Пилло, заслуживает того, чтобы не быть забытым [Livet 1859: 270-271]. По мнению Б. Коломба, после грамматик Ж. Дюбуа (1531) и Ж. Пилло (1550) это была третья по значению грамматика французского языка, которая была предназначена для иностранцев [Colombat 2003: 64].

Впервые грамматика Ж. Гарнье была опубликована в 1558 г. в Женеве. В дальнейшем она неоднократно переиздавалась, что говорит о ее популярности

среди тех, кто хотел изучать французский язык как иностранный. Три переиздания грамматики Гарнье были сделаны в Швейцарии, одно издание – во Франции. Как отмечают историографы лингвистики, одним из достоинств этой грамматики была краткость изложения материала, другим – наличие большого количества примеров, которые отражали узус своего времени. Кроме того, она была написана на латинском языке, который в то время использовался как универсальный язык обучения. По мнению учёных, всё это способствовало её успеху [Livet 1859: 159; Cullière 2006: XV-XVI]. Грамматика Ж. Гарнье является важным памятником лингвистической мысли своего времени. При этом личность автора, который был проповедником из Авиньона, сыграла значительную роль в выборе материала для описания и систематизации явлений французского языка [Cullière 2006: XXII].

Больше других повлияла на становление принципов описания французского языка во Франции грамматика Робера Этьена [Estienne 1556]. Ф. Брюно назвал её самой известной французской грамматикой XVI в. [Brunot 1927 II: 147]. Впервые она была опубликована в 1557 г. в Париже и до конца XVI в. несколько раз переиздавалась не только во Франции, но и в других странах Европы. Трактат Р. Этьена – это пятая во Франции грамматика французского языка после работ Ж. Дюбуа (1531), Ж. Дрозе (1544), Л. Мегре (1550) и Ж. Пилло (1550) и вторая франкоязычная грамматика после грамматики Л. Мегре. Данная грамматика была очень популярной, о чем говорит то, что через два года после первой публикации она была переведена на латинский язык и переиздана в типографии Этьенов [Estienne 1558]. Кроме того, она несколько раз переиздавалась в 60-70-е гг. XVI в. [Renoird 1843; Stengel 1890; Chevalier 1996].

Успех этой грамматики учёные объясняют авторитетом Р. Этьена как известного издателя, эрудита, филолога, знатока классических языков (латинского, греческого и древнееврейского), а также живых языков [Chevalier 1968; Padley 1978; Armstrong 1986]. Р. Этьен был известен и как составитель первого французского словаря, что, как считают многие учёные, создало

репутацию его французской грамматике [Brandon 1967; Wooldridge 1977; Martin 1982].

В трудах по историографии лингвистики и истории французского языка встречаются разные оценки грамматики Р. Этьена. Некоторые учёные обвиняли его в слепом копировании знаменитых латинских грамматик (Доната, Присциана) и в использовании идей, которые до него были изложены в трактатах Ж. Дюбуа и Л. Мегре. Так, Ш. Ливе писал, что вторая часть грамматики Р. Этьена «копирует» грамматику Ж. Дюбуа [Livet 1859: 427]. Ф. Брюно считал, что этимологическая часть работы Р. Этьена лишена оригинальности [Brunot 1927 II: 148]. А. Доза и Л. Кукенхайм обвиняли Р. Этьена в слепом копировании латинских грамматик [Kukenheim 1932; Dauzat 1930; Доза 1956]. Однако во второй половине XX в. оценки в адрес грамматики Р. Этьена изменились, как и в целом изменилось мнение о других ранних французских грамматиках. Ж.-К. Шевалье пишет, что его грамматика отличается ясностью, которая основана на глубоком знании теории [Chevalier 1968: 215].

В исследованиях последних лет Р. Этьена называют автором оригинальной лингвистической концепции и создателем одним из самых удачных в XVI в. грамматических описаний французского языка [Тимонина 1980; Augoux 1992; Stéfanini 1994; Михайлова 2000, 2008 а].

В грамматике Р. Этьена получили отражение традиционные для грамматических сочинений того времени вопросы: орфография, учение о частях речи, вопросы образцового узуса. Новым для жанра грамматики была та часть его работы, которая была посвящена вопросам этимологии некоторых французских слов. А также в ней автор попытался доказать происхождение некоторых французских слов от латинских и выявить закономерности изменений, которые со временем произошли в этих словах [Mikhaylova 2012: 337-338].

Как отмечают многие учёные, Р. Этьен оказал большое влияние на лингвистические воззрения своего сына, Анри Этьена [Renoir 1843; Brunot 1927 II; Armstrong 1986; Boudou 2003]. По словам Л. Клемана, Р. Этьен дал общее направление филологической деятельности сына, поэтому А. Этьен – ученик и

последователь отца. При этом, как пишет учёный, те открытия, которые он сделал для французского языка и французской культуры, показывают, что он оставил отца далеко позади себя [Clément 1898: 457]. Как отмечает Е.Н. Михайлова, на формирование лингвистических воззрений А. Этьена большое влияние оказал также его дядя – эрудит, филолог, ученый-медик и издатель Ш. Этьен [Михайлова 2011].

По данным каталога А. Ренуара, итог филологической деятельности А. Этьена – это около 200 книг на разных языках. Из них 164 – это книги разных авторов (античных и современных), которые были изданы им на французском, латинском, греческом, древнееврейском языках, и 42 книги по вопросам языка, которые он написал сам [Renoir 1843]. Как пишет Л. Клеман, интерес А. Этьена к языкам и любовь к французскому языку не противоречили друг другу. Всё в его филологических воззрениях было взаимосвязано [Clément 1898: VIII].

Лингвистическая деятельность А. Этьена была направлена на защиту и прославление французского языка, т.е. на реализацию той программы, которая была сформулирована поэтами «Плеяды» и которая была представлена в трактате Ж.Дю Белле. Основные положения концепции А. Этьена по вопросам французского языка были изложены им в четырёх трактатах: «Traicté de la conformité du langage françois avec le grec» [Estienne 1569], «Deux dialogues du nouveau langage françois italianizé et autrement desguizé» [Estienne 1578], «La Precellence du Langage françois» [Estienne 1579], «Hipomneses de Gallica lingua» [Estienne 1582]. В этих работах затрагиваются почти все вопросы языка: произношение, орфография, этимология, словарь, морфология, синтаксис. Как пишет Ф. Брюно, несмотря на скорость, с которой он писал свои работы, в них содержатся глубокие и точные замечания о французском языке [Brunot 1927 II: 158].

Почти все сочинения А. Этьена, которые были посвящены вопросам нормализации французского языка, были написаны по-французски. Только трактат «Hipomneses de Gallica lingua» был написан на латинском языке. Учёные объясняют выбор языка изложения в этом трактате тем, что он был продолжением

незаконченной работы его отца, Р. Этьена [Clément 1898; Brunot 1927 II; Kukenheim 1932; Swiggers 1989].

Трактат о соответствиях между французским и греческим языками («Traicté de la conformité du langage françois avec le grec») был первой большой филологической работой А. Этьена. Эта книга была опубликована в 1565 г. в Женеве. В ней он пытался доказать, что французский язык, как и греческий, обладает богатством и гармонией. Как пишет Л. Клеман, при этом он опирался на высказывания древнеримских филологов о том, что латинский язык не так богат, как греческий. На этом основании А. Этьен пришёл к выводу, что самым совершенным языком является греческий. А так как французский язык имеет много общего с греческим, то он превосходит другие языки [Clément 1898: 198].

Следующая важная работа А. Этьена, которая сыграла большую роль в кодификации французского языка – это трактат «Deux dialogues du nouveau langage françois italianizé et autrement desguizé» (Genève, 1578). Эта объёмная работа была посвящена вопросам защиты французского языка от иностранных заимствований, в основном против итальянизмов, которых в то время во французском языке было много.

В отличие от первых двух трактатов А. Этьена его третий трактат («La Precellence du Langage françois») был опубликован не в Женеве, а в Париже в 1579 г. с посвящением французскому королю Генриху III. Это доказывает, что постепенно короли пришли к мысли о необходимости проводить языковую политику по унификации языка страны. Основная идея А. Этьена состояла в том, чтобы доказать превосходство французского языка над другими живыми языками. В ней он также продолжил борьбу за чистоту французского языка. По мнению Л. Клемана, это книга является лучшим филологическим сочинением А. Этьена [Clément 1898: 194].

По жанру три первые трактата А. Этьена представляют собой не грамматики, а рассуждения о языке. Трактат «Hirromneses de Gallica lingua» (Genève, 1582) представляет собой дополненный и расширенный грамматический трактат его отца, Р. Этьена. Ещё в 1568 г. А. Этьен подготовил перевод на

французский язык его французской грамматики [Estienne 1558]. На основе этой работы с добавлениями и своими наблюдениями над французским узусом он создал самое глубокое, по мнению многих учёных, описание французского языка [Clément 1898: 194; Brunot 1927 II: 158; Chevalier 1968: 258; Padley 1985].

Большое значение для кодификации французского языка и формирования его литературной нормы имели грамматики Пьера де ла Раме (П. Рамюса). В истории науки он известен как крупнейший философ своего времени, реформатор системы образования, известный математик, историк, человек, идеи которого намного опередили свое время. Он известен также как сторонник радикальной реформы французской орфографии и автор четырнадцати работ, которые посвящены проблемам языка. Это трактат по риторике [Ramus 1549], объемная работа по теории латинского языка [Ramus 1559; 1564], грамматики (как научные, так и практические) латинского, греческого [Ramus 155] и французского [Ramus 1562; 1572] языков. Лингвистические работы Рамюса не раз становилось объектом научного рассмотрения [Waddington 1855; Schmitt 1977; Vement 1928; Bahner 1976; Breva-Claramonte 1976; Demaizière 1983; Никитина 1980; Милюкова 1995]. Как отмечает Е.Н. Михайлова, отдавая должное его достижениям в области философии, диалектики, логики, математики, далеко не все учёные видели в нем автора оригинальной лингвистической концепции, усматривая в ней известную долю эклектизма и не во всем последовательное изложение идей и применение предложенного им метода анализа [Михайлова 2009 а: 119-120].

Для кодификации французского литературного языка и для становления французской национальной грамматической традиции имеют значение две французские грамматики Рамюса [Ramus 1562; 1572]. Первая его французская грамматика (Paris, 1562) была издана анонимно, в настоящее время это редкое издание. Вторая его грамматика французского языка представляла собой дополненную версию первой грамматики. Она была издана сначала на французском языке в Париже (Paris, 1572). В 1583 г. она была переведена на латинский язык и издана во Франкфурте. А в 1587 г. она была переиздана на французском языке в Париже [Stengel 1890; Chevalier 1968]. Это говорит, во-

первых, о том, что эта грамматика пользовалась успехом у тех, кто хотел изучить французский язык. Во-вторых, это говорит о том, что латинский язык по-прежнему использовался в качестве языка обучения в Европе.

Как пишет К. Демезьер, П. Рамюс обратился к вопросам французской грамматики в то время, когда гуманисты занимались вопросами защиты и прославления родного языка. Для него важно было «установить правила» для французского языка, поэтому он опирался на наблюдения за узусом [Demaizière 1983: 246-247]. В решении кардинальных вопросов грамматики Рамюс представил отличную от других авторов концепцию. Это касается учения о частях речи и вопросов синтаксиса. До него во французских грамматиках раздела синтаксиса не было. В основном грамматисты ограничивались сведениями о правилах чтения и орфографии и описанием частей речи. Поиск «новых оснований грамматики» привел его к выработке собственного метода, поэтому некоторые учёные видят в нём предшественника Декарта и авторов «Грамматики Пор-Рояль» [Waddington 1855; Vement 1928; Breva-Claramonte 1976]. Из-за того, что в основе определения классов слов у него лежал не семантический, а формальный критерий, ведущие историографы языкознания называют Рамюса предшественником «формальной грамматики» [Mounin 1967; Chevalier 1968; Demaizière 1983; Тимонина 1980 и др.].

Ещё одна оригинальная лингвистическая концепция получила отражение в трёх изданиях трактата Абеля Матье «Devis de la langue francoyse» [Matthieu 1559; 1560; 1572]. Первое упоминание об этом авторе встречается в работе Ш. Ливе. Он пишет, что это не грамматика в традиционном понимании, а диссертация, в которой представлены пространные рассуждения о языке [Livet 1859: 271]. В XIX в. принято было критически оценивать взгляды на язык авторов первых описаний французского языка. Однако Ж. Телль дал высокую оценку воззрениям на язык А. Матье. По его мнению, в его работе представлены философские размышления о языке, а его многочисленные наблюдения за узусом имеют большое значение для изучения французского языка XVI в. [Tell 1874: 23]. Как отмечают учёные, в трактате А. Матье получили отражение все актуальные для

XVI в. проблемы: происхождение французского языка, способы его обогащения, вопросы орфографии, перевода, поэтики. Вопросы грамматики представлены во второй книге «*Second devis et principal propos de la langue francoyse*» (1560) [Peach 1993: 592; Jacquetin-Gaudet 2010: 29].

Большое значение для кодификации французского языка во Франции и в других странах Северной Европы сыграла грамматика Антуана Коши. Так же, как грамматики Ж. Пилло и Ж. Гарнье, она была предназначена для иностранцев, преимущественно жителей Германии. Поэтому она была написана на международном языке науки и образования – на латинском языке. По данным Э. Штенгеля, за пятнадцать лет (1570-1586) она была шесть раз переиздана в разных городах Европы: в Париже, Базеле, Антверпене, Страсбурге [Stengel 1890]. В отличие от грамматик Ж. Пилло, которые автор сам редактировал и дополнял несколько раз, грамматика А. Коши при переизданиях почти не подвергалась изменениям. На это обращают внимание многие учёные [Chevalier 1968: 359; Demaiziére 1983: 326-327; Swiggers 2007: 603]. Ф. Брюно пишет об этом: «Название первого издания книги и минимальные исправления во втором издании показывают, что А. Коши был очень доволен собой» (Cauchie <...> était extrêmement satisfait de lui-même) [Brunot 1927 II: 156].

По мнению учёных, успех грамматики А. Коши был связан с простотой и ясностью изложения правил и большим количеством удачных примеров [Chevalier 1968: 363; Demaiziére 1983: 339]. Его грамматика четко структурирована. В ней имеется три части: произношение (орфография), учение о частях речи (этимология), синтаксис. После грамматики П. Рамюса это была вторая во Франции грамматика, в которой излагались вопросы синтаксиса. Большое значение в ней уделялось описанию парадигмы склонения. В его грамматике есть много интересных замечаний о французском языке, а также об ошибках, которые делают в речи жители разных французских провинций. Таким образом, в его работе получил отражение образцовый узус, который был ориентирован на Париж и его окрестности. Как пишет Ф. Брюно, его грамматика заслуживает почётно́го места в ряду лучших грамматик своего времени, потому

что в ней нет философских излишеств и догматизма [Brunot 1927 II: 157]. К. Демезьер пишет, что грамматика А. Коши, так же, как грамматика П. де ла Раме, – это самый серьёзный труд по грамматике в XVI в. [Demaiziére 1983: 326]. Многие ученые давали высокую оценку грамматике А. Коши [Kukenheim 1932; Padley 1985; Swiggers, Van Hoescke 1989; Auroux 1992; Chevalier 1996].

В работах по истории лингвистической традиции отмечается, что в конце XVI в. грамматик французского языка было издано немного, причём в основном не во Франции, а в других странах Европы: Англии, Германии, Голландии, Италии, Испании. Ж.-Кл. Шевалье охарактеризовал это время в истории французской грамматики как «время застоя», потому что в это время преобладали компилятивные или элементарные грамматики [Chevalier 1968: 430-431]. Исключением стала грамматика Шарля Мопы [Maupas 1607]. Это самый объёмный грамматический трактат того времени: в нём 360 страниц. Грамматика Ш. Мопы была предназначена для иностранцев и для всех, кто хотел усовершенствовать свой французский язык («en faveur des estrangers qui en sont désireux»). Она была написана по-французски, что говорит о повышении престижа французского языка в Европе. Кроме того, согласно точке зрения Б.А. Ольховикова, для формирования жанра национальных грамматик характерно постепенное устранение расхождения между языком-объектом и языком-инструментом грамматического описания [Ольховиков 1985: 139].

В названии трактата Ш. Мопы были перечислены вопросы, которые в нём излагались: «совершенные и точные правила» (*reigles bien exactes et certaines*) произношения и орфографии, словосочетания и узуса (*usage de notre langue*). В этой грамматике значительное внимание уделялось вопросам синтаксиса словосочетания и предложения.

В историографии лингвистики грамматика Ш. Мопы получила неоднозначную оценку. Во-первых, нет одной точки зрения относительно принадлежности этой грамматики к традиции XVI или XVII в. В одних исследованиях (Ж. Телль, Л.В. Александрова) она рассматривается как грамматика эпохи Классицизма наряду с грамматикой С. Удэна и «Грамматикой

Пор-Рояль». Основанием для этого является хронологический критерий, т.е. время публикации этой работы. Известно, что впервые грамматика Ш. Мопа была опубликована в 1607 г., а в 1625 и 1635 гг. она была переиздана. Другие учёные, например, Л. Кукенхайм и Ж.-Кл. Шевалье, рассматривают его работу как грамматику эпохи Возрождения [Kukenheim 1932: 59; Chevalier 1968: 431]. Основание для этого они видят в том, что в ней сохранились основные признаки ренессансных грамматик: корпус ключевых проблем, методы описания языка, а также система аргументации, которые были характерны для грамматик того времени. По словам Ж.-Кл. Шевалье, в этой грамматике «отразился дух уходящей эпохи» [Chevalier 1968: 431].

Во-вторых, нет одной точки зрения относительно того, каким образом описан французский язык в грамматике Ш. Мопа. В исследованиях XIX в. имеется много критических замечаний в адрес автора этой грамматики. Так, Ж. Телль отмечает, что всё, о чём пишет автор, достаточно слабо («*Tout cela est très faible encore*») [Tell 1874: 42-43]. В исследованиях XX в. оценки в отношении грамматики Ш. Мопа изменились. Например, Л. Кукенхайм пишет, что грамматика Ш. Мопа является важным сочинением, в котором содержатся интересные рассуждения о словосочетании и предложении, а также имеется самое большое количество примеров по сравнению с другими грамматиками [Kukenheim 1932: 58-59]. Ж.-К. Шевалье пишет, что в грамматике Ш. Мопа содержится оригинальная авторская концепция, в которой проблема частей речи уже не зависит от влияния греко-латинского канона, а строится на основе французского узуса. Учёный подчёркивает, что в этой грамматике подводятся итог всему, что было сделано грамматистами XVI в. в выработке принципов описания французского языка [Chevalier 1968: 431-432].

Таким образом, благодаря ранним описаниям французского языка в течение XVI в. были заложены основы французской национальной грамматической традиции. Больше всего грамматик было написано в 50-70 гг. Несмотря на то, что ранние французские грамматики имели некоторые отличия в структуре, у каждой

из них были свои особенности в описании французского языка и свой адресат, все они были направлены на совершенствование французского языка.

2.3. Ключевые проблемы описания языка во французских грамматиках XVI в.

2.3.1. Истоки французской грамматической традиции XVI в.

Как отмечают многие историографы лингвистики, принципы описания французского языка имеют существенные отличия в грамматиках XVI в., поэтому говорить о традиции в полном смысле этого слова довольно трудно. По своему содержанию ренессансные грамматики эклектичны, так как система знания о языке в это время была ориентирована не только на наиболее авторитетные труды предшественников, но и на сочинения современников [Kukenheim 1932; Trudeau 1992; Auroux 1992; Tavoni 2005].

В качестве образца для написания собственных работ западноевропейские грамматисты использовали преимущественно труды позднеантичных грамматистов Доната (IV в.) и Присциана (VI в.). Как отмечают ученые, их работы были необходимы как модель для понимания канонического языка латинской грамматики, а также для его интерпретации и воссоздания его в новых условиях общественно-языковой практики, которая была ограничена узкой сферой [Тронский 1996: 32; Ольховиков 1985: 98; Амирова 2003: 143].

Грамматика Доната сыграла важную роль в процессе формирования школьных учебников и грамматической терминологии современных европейских языков. О ее популярности говорит тот факт, что в течение многих веков имя Доната было синонимом слова «грамматика» [Шубик 1980: 250-251; Holz 1981: 129].

После грамматики Доната «Курс» Присциана был самым распространенным учебником латинского языка. Он также служил основой

лингвистической теории в странах Западной Европы до XIV в. Влияние Присциана было значительным еще в XVIII в. [Шубик 1980: 255; Ольховиков 1985: 98-99].

По-своему оказала влияние на ранние грамматики новых языков средневековая грамматическая традиция. Во многих исследованиях XX в. отмечается, что грамматисты эпохи Возрождения отказались от средневекового наследия [Merrill 1962; Ivić 1965; Bahner 1966; Bursill-Hall 1970].

В исследованиях последнего времени речь идёт о сохранении значительного количества положений средневековой грамматики в ранних описаниях новых языков. М.А. Косарик отмечает: «На примере развития идей универсального языка ясно прослеживается непрерывная линия от лингвистических воззрений Античности через схоластику, сочинения XVI-XVII вв., Пор-Рояль и лингвистику XVIII-XIX вв. к современному языкознанию» [Косарик 1998: 43].

Большое влияние на развитие грамматики во Франции оказали также авторы новых грамматик латинского языка. К их числу относятся Лоренцо Валла, Эразм Роттердамский, Линакр, Юлий Цезарь Скалигер, Филипп Меланхтон, Франческо Санчес и др. [Kukenheim 1951; Bursill-Hall 1970; Colombat 1999].

В ранних французских грамматиках имеются упоминания имён разных авторов, работы которых послужили им в качестве опоры при написании их собственных работ. Например, в грамматике Ж.Дюбуа встречаются имена следующих известных грамматистов: Варрон, Проб, Марцеллин, Кальпэн [Dubois 1531: a.iiiiv]; Присциан, Капелла [Dubois 1531: b.i.]; Донат [Dubois 1531: a.iiiiv, 1, 12, 57, 113, 119].

Таким образом, на создание французской грамматической традиции XVI в. оказали влияние идеи античной, средневековой и ренессансной традиций. Это привело к тому, что в них не было единства взглядов по многим вопросам грамматики.

2.3.2. Понимание предмета грамматики

Н.Б. Мечковская отмечает: «Грамматика представляет собой один из наиболее репрезентативных по отношению к своей культуре текстов. В ней концентрируются коммуникативно-филологические проблемы общества и их определенное решение в теоретическом и в практическом аспектах. Отобранный и включенный в грамматику языковой материал приобретает значимость нормативно-лингвистического, идеологического и эстетического канона в социуме» [Мечковская 1986: 3].

Перед авторами ранних французских грамматик стояла сложная задача: выработать принципы описания родного языка с опорой на положения традиционной грамматики, которая была создана для латинского языка. В результате преобразования этого канона возникли изменения, которые были вызваны двумя причинами. Первая причина – это новые установки грамматики, прежде всего ее практическая направленность. Вторая причина – это аналитическая природа французского языка, которая не давала возможности для простого копирования положений «Большой Латинской грамматики».

В XVI в. изменился подход к пониманию задач и содержания грамматики. В античности на грамматику смотрели как на «искусство понимать прозаиков и поэтов». В XVI в. грамматику рассматривали как совокупность правил, которые нужны для того, чтобы правильно говорить и писать на изучаемом языке. Интересно, что в ранних описаниях французского языка определение грамматики отсутствует, что можно объяснить их практической направленностью. Как отмечают некоторые учёные, из-за того, что эти грамматики писались с практической целью, в них не поднимались теоретические вопросы [Neumann 1959; Padley 1985 ; Kibbee 1989; Swiggers 1989].

Новое понимание предмета грамматики получило отражение в названиях некоторых описаний французского языка. Приведем несколько примеров: «L'éclaircissement de la langue française [= an introductorie for to lerne, to rede, to pronounce and to speke French trewly] [Palsgrave 1530]; «Grammatica Gallica, suis

partium absolutior quam illus ante hunc diem ediderit» [Cauchie 1570] ; «Elemens et Institutions de la langue française, propres pour façonner la jeunesse à parfaitement et nayvement entendre, parler et escrire icelle langue.» [Bosquet 1586]; «Exact et Tres-facile Acheminement a la Langve Francoise» [Masset 1606] ; «Grammaire et Syntaxe Françoisse contenant reigles bien exactes et certaines de la prononciation, orthographe, construction et usage de notre langue, en faveur des estrangiers qui en sont désireux» [Maupas 1607].

В текстах некоторых грамматик также представлены объяснения нового понимания предмета грамматики. Например, Рамюс считал, что в основе грамматики должны быть «элегантность и чистота речи» [Ramus 1565: I, 14]. Кроме того, он писал: «Грамматика – это искусство хорошо и правильно пользоваться речью при разговоре и на письме» [Ramus 1572: 5]. Почти такое же определение дано в грамматике Ж. Боске: «Грамматика – это искусство, которое учит правильно говорить и правильно писать» [Bosquet 1587: A1]. Ш. Мопэ считал, что грамматика должна представлять собой общие правила языка и исключения из них [Maupas 1607: aiiiv].

Всё это позволяет говорить о том, что грамматисты XVI в. видели главную задачу грамматики в установлении общих правил для французского языка. Однако каждый из них понимал нормы французской речи по-разному. Для гуманистов XVI в. понимание нормы было очень широким. По мнению Р.А. Будагова, к этому привела борьба «вульгарного» (французского) языка с латынью. В норму литературного французского языка должно было входить всё, что помогало его «прославлению», что «защищало» его от давления латыни и способствовало его обогащению [Будагов 1956: 17]. Как пишет А.П. Тимонина, среди грамматистов можно выделить группу «этимологизаторов» и сторонников узуса. Первые следовали правилам латинских грамматик, а вторые стремились отражать в грамматиках особенности французской живой речи. К первым относятся Ж. Дюбуа, Р. Этьен, Ж. Гарнье, Ж. Пилло. К сторонникам узуса относятся Л. Мегре, П. Рамюс, А. Матье, А. Коши, Ш. Мопэ [Тимонина 1980: 10].

Кроме того, широкое понимание языковой нормы учёные объясняют тем, что французский литературный язык в то время находился в процессе становления, поэтому выбрать один вариант из множества сосуществующих вариантов языка было сложно. При этом одни грамматисты ориентировались на нормы устной речи, а другие видели образец нормы в письменной речи.

К началу XVI в. франсийский диалект занял первое место по престижу и важности для государства среди других французских диалектов. На это указывают все авторитетные грамматики французского языка. Особенно это касается грамматик, которые предназначались для иностранцев. Например, в грамматике Дж. Пальсграва написано, что правильную французскую речь можно найти только в Париже [Palsgrave 1530: 25]. В то же время он указывал на французских авторов, язык которых можно рассматривать как образец правильной речи. Среди них он называл в основном поэтов XIV-XV вв. Это Жан де Мен, Октавиан де Сен-Желе, Ален Шартье, Гильом де Машо и др. [Palsgrave 1530: 27].

В некоторых грамматиках получили отражение разные диалектные формы. Особенно много их во французской грамматике Ж. Дюбуа, который был родом из Пикардии. Его современники обращали внимание на это как на недостаток его работы. Р. Этьен в предисловии к своей грамматике написал, что многим, кто хочет выучить французский язык, пикардские слова мешают пользоваться грамматикой Ж. Дюбуа [Estienne 1557: s.p.].

Выбор образцовой нормы привёл грамматистов к поиску социальной основы «правильной французской речи». А.П. Тимонина пишет, что в грамматиках XVI в. было три направления в поисках социальной основы нормы: дворянское, буржуазное и народное. Дворянское направление было ориентировано на узус королевского двора и придворного дворянства. Буржуазное направление было ориентировано на нормы более широких общественных кругов, например, на речь образованных людей и на язык королевской канцелярии, Парламента, Суда. Народное направление было ориентировано на язык всего народа [Тимонина 1978: 104].

Кроме того, на сложность выбора нормы повлияло то, что в лингвистической традиции XVI в. смешивались такие понятия, как «грамматическая правильность» и «эlegantность речи». Как отмечают учёные, это было вызвано особенностями преподавания языков, которые были ориентированы, с одной стороны, на грамматики Доната и Присциана, а с другой – на концепцию Лоренцо Валлы. Такой подход свидетельствует о прочных связях, которые сохранялись между грамматикой и такими дисциплинами, как риторика и стилистика [Chevalier 1968; Holtz 1981; Colombat 2008].

2.3.3. Структура первых французских грамматик

Вопрос о структуре грамматики относится к числу важных проблем описания вернакуляров. Французские грамматики имеют некоторые отличия в структуре и последовательности рассмотрения описываемых форм. Л.Г. Степанова объясняет разнообразие композиций грамматик того времени «общими установками ренессансной культуры с ее декларативной приверженностью к свободной форме изложения» [Степанова 2000: 391]. Е.Н. Михайлова видит причину отсутствия единства в структуре текстов ранних грамматик в одном из фундаментальных принципов ренессансного мировоззрения – принципе разнообразия (*varietas*) [Михайлова 2012: 408].

В античных грамматиках сложилась традиция выделять такие разделы, как орфография (в которой рассматривались вопросы произношения и написания слов), этимология (в которой рассматривались части речи и их грамматические категории), синтаксис и просодия.

В большинстве французских грамматик имелось только два раздела – орфография и этимология. В разделе орфографии рассматривались правила чтения. Поэтому в них получили отражение вопросы произношения и орфографии. При этом многие из грамматистов не видели разницы между терминами «звук» и «буква». В разделе этимологии рассматривалось учение о

частях речи, т.е. вопросы морфологии. В этом этимологии также рассматривались вопросы словообразования.

Грамматик, в которых был раздел синтаксиса, в течение XVI в. было написано мало. Синтаксис как специальный раздел имеется в грамматиках П. де ла Раме, А. Коши и Ш. Мопе. Не только во французских, но и в испанских и итальянских грамматиках XVI в. раздел синтаксиса представлен всего несколькими работами [Kukenheim 1932: 59]. М.М. Раевская объясняет это тем, что в XVI в. вопросы синтаксиса по традиции относились к риторике [Раевская 2006: 159].

В некоторых грамматиках имелись небольшие тематические словари, в которых были представлены названия дней недели, месяцев, времен года, списки существительных на разные темы, списки глаголов и других частей речи. Самый большой тематический словарь представлен в грамматике Дж. Пальсграва. Так как его грамматика написана на двух языках – французском и английском, то и словарь двуязычный – французско-английский.

2.3.4. Вопросы произношения и орфографии

Любая французская грамматика начиналась с описания алфавита и правил чтения для каждой буквы. В грамматиках первой половины XVI в. содержится мало фонетических сведений. Интерес к вопросам произношения возрос во второй половине XVI в. Кроме текстов грамматик они получили отражение в нескольких специальных трактатах. Автором одного из таких трактатов был Якоб Аарус. Его иногда называют первым фонетистом нового времени. В небольшой работе «De litteris libri duo» (О буквах две книги) [Aarhus 1586] он дал систематическое описание звуков речи и способов их образования [Березин 1975: 17]. Вопросам французского произношения посвящена также работа Теодора де Беза «De franciscae linguae recta pronunciatione» (О правильном произношении французского языка) [Bèze 1584]. В ней дана общая характеристика французской

речи: ее быстрота, плавность и слитность слов. Автор также пишет об особенностях произношения звуков французского языка [Vèze 1584].

К освещению вопросов произношения грамматисты подходили по-разному: одни представляли подробное описание этого уровня, а другие ограничивались только отдельными замечаниями о букве / звуке, слоге и ударении.

К числу достижений первых французских грамматистов учёные относят наличие системного подхода к описанию звукового строя французского языка. Это проявляется в противопоставлении гласных и согласных звуков и дальнейшей их классификации. Так, в грамматике Ж. Гарнье в разделе «О буквах» перечислены буквы, которые используются во французском языке. Кроме того, указано, что в словах бывают «немые» буквы, которым ничто не соответствует в произношении [Garnier 1554: s.p.]. Об артикуляции звуков Гарнье ничего не пишет.

Французские грамматисты уделяли намного больше внимания вопросам орфографии. Это было связано с развитием книгопечатания в Европе в XVI в. Необходимость формирования единых норм письменной речи привела к тому, что вопросы орфографии рассматривались во всех грамматиках, а также в специальных орфографических трактатах. Один из самых известных трактатов – это работа Л. Мегре «*Traité touchant le commun usage de l'écriture françoise*» [Meigret 1542].

Учёные видят причину интереса к вопросам орфографии в описаниях народных языков не только в том, что вопросы орфографии были важны в связи с развитием книгопечатания. Другую причину учёные видят в том, что вопросы орфографии были тесным образом связаны с педагогической деятельностью и с обучением чтению и письму [Kukenheim 1932: 37; Colombat 1999: 37-39].

Особенно важным достижением того времени в области орфографии принято считать то, что тогда было сформулировано основное орфографическое правило применительно к французскому языку. Грамматисты цитировали правило, которое сформулировал ещё Квинтилиан: «Мы должны писать так, как говорим, и говорить так, как пишем» [Цит. по: Античные теории 1996: 159].

Попытки применить это правило к французской орфографии получили отражение в большинстве проектов реформы орфографии XVI в.

Большой интерес с точки зрения реформы орфографии представляют собой грамматики Л. Мегре и П. Рамюса. Как известно, оба они были сторонники кардинальной реформы французской орфографии [Catach 1968; Катагощина и др. 1976; Катагощина, Васильева 1996; Скрелина 1972].

Л. Мегре обратил внимание на то, что во французском языке письменность на основе латинского алфавита не имеет строгих правил, как в латинском языке. Он писал, что письменность – это только изображение речи (*la vray' image de la parole*), и ее будут считать неверной и вводящей в заблуждение (*on l'estimera fausse et abusive*), если она не будет соответствовать звукам [Meigret 1550]. Главные изменения, которые предложил Мегре, относятся к написанию слов. Он возражал против этимологических написаний. Кроме того, он предложил особую систему диакритических знаков, которые должны были помочь устранить расхождение между звуком и буквой. Предложенная Мегре реформа письменности не имела успеха; сохранилось лишь использование знака ç [Catach 1968].

Более точный фонетический анализ и более радикальную реформу графики предложил Пьер де ля Раме (Рамюс). Он ссылаясь на мнение Квинтилиана о необходимости писать так, как говорят [Ramus 1572]. Большим достижением Рамюса является утверждение, что расхождение между написанием и произношением – это результат изменений в речи говорящих. Он возражал против написания в словах произносимых букв. А для того, чтобы буква соответствовала звуку, он, как и Мегре, предложил систему диакритических знаков [Catach 1968].

2.3.5. Вопросы синтаксиса

В XVI в. во Франции сложились условия, которые вызвали большой интерес к вопросам синтаксиса. Они касались изучения правил согласования

различных частей речи, а также глагольного и именного управления. По мнению Дж.А. Пэдди, это соответствовало типичному для того времени подходу, согласно которому в разделе синтаксиса рассматривались отношения между словами [Padley 1988: 225]. Как отмечают известные учёные, синтаксический уровень описывался в то время с помощью понятий морфологии, что говорит об отсутствии чётких границ между уровнями грамматического описания в рамках данной традиции [Chevalier 1968: 99; Demaizière 1983: 739].

Е.В. Милюкова видит важное отличие грамматики XVI в. от античной в признании правил грамматического искусства на синтаксическом уровне. Грамматика XVI в. – это уже не грамматика отдельных слов. При обсуждении различных лингвистических вопросов речь шла не только об отдельных словах, но и о структуре речи. В ее исследовании названы основные отличия французской традиции от античной в изучении вопросов синтаксиса: 1) В центре внимания грамматистов оказываются вопросы культуры речи и, соответственно, формальный аспект языка. 2) Подъём национального самосознания во Франции привлёк внимание грамматистов к самобытности французского языка, в котором синтаксические отношения играли важную роль. 3) Возросла роль грамматики и стремление грамматистов отделиться от таких наук, как логика и риторика. 4) В поле зрения грамматистов оказались разноструктурные языки (греческий, иврит, французский). Сопоставление различных способов выражения одних и тех же грамматических значений позволило ученым более отчётливо осмыслить синтаксис как специфический уровень языковой системы, который обладает собственными закономерностями [Милюкова 1995: 15].

Раздел синтаксиса отсутствовал во французских грамматиках первой половины XVI в. В некоторых объяснительных грамматиках, которые были написаны во второй половине XVI в., раздел синтаксиса был представлен. В педагогических грамматиках этот раздел отсутствовал. Всё внимание в них было направлено на описание частей речи. Однако авторы таких учебников также уделяли внимание вопросам структуры речи. К таким работам относятся грамматики Р.Этьена, Г.Мерье, Ж.дю Веза.

Трактат Л. Мегре заслуживает особого внимания при анализе взглядов французских грамматистов XVI в. на синтаксис. Как пишет Е.В. Милюкова, это первая французская грамматика, в которой был выражен общий взгляд на синтаксис как на научную дисциплину и на характер синтаксического строя французского языка. Вопросам синтаксиса в его работе посвящено всего две страницы, но Л. Мегре был первым грамматистом в XVI в., кто представил основные положения синтаксического описания французского языка. Как пишет Е.В. Милюкова, в его работе впервые были намечены предмет синтаксического описания, а также пересмотрены основные синтаксические понятия конструкции, нормы, предложения. Л. Мегре также впервые сформулировал мысль о синтаксисе как о самостоятельном уровне языковой системы и о специфике синтаксических закономерностей в конкретных языках. Л. Мегре видел предмет синтаксиса не в универсальных закономерностях, а в правилах построения французской речи, то есть в *usus*. Он считал, что место части речи в высказывании определяется сложившимся обычаем, а не ее значением [Милюкова 1995: 15].

В грамматике Ж. Гарнье вопросам синтаксиса посвящено три страницы. О синтаксисе он пишет: «*Haec enim pars est potissima Grammatices, quae concordantiam generum et regimen verborum, atque legitimum partium in oratione docet*» (=Это важнейшая часть грамматики, которая учит согласованию родов и управлению глаголов и правильному расположению элементов речи) [Garnier 1554: 75]. По его мнению, синтаксис легче всего выучить через употребление (*usus*) и добиваться совершенства в этом через упражнения.

Оригинальная синтаксическая теория представлена в грамматиках П. Рамюса. Он видел задачу грамматики в создании простых правил, которые должны быть ориентированы на практику речи. Поэтому он рассматривал синтаксис как языковую дисциплину, которая отличается от логики и которая описывает языковой обычай (*usus*). П. Рамюс определял синтаксис как «*bastement des mots entre eux par leurs propriétés*» (правила построения слов). Синтаксические правила он рассматривал не только как «взаимное соответствие и согласование

частей речи» («convenance et mutuelle communion des proprietéz»), которые находятся в прямой зависимости от их семантики и от логических свойств речи [Ramus 1572: 124-125].

Синтаксис как особый раздел есть также в грамматике А. Коши. Вопросам синтаксиса в разных переизданиях его работы посвящено от 80 до 100 страниц. Он писал: «Синтаксис – это очень важная часть грамматики» (*maximeque necessaria Grammatices pars*) [Cauchie 1570: 270]. Поэтому он считал, что необходимо углубить синтаксический анализ, и предлагал разработать новый метод синтаксического описания, который должен отличаться от латинских грамматик. Он объяснял это отличиями французского грамматического строя от латинского. Главное в синтаксическом анализе А.Коши видел в понимании роли грамматических конструкций во французском языке. В его грамматиках предложение не выделяется как синтаксическая единица, но имеется описание сочетаний глагола с различными падежами. Как пишет К. Демезьер, синтаксические конструкции с глаголами, прилагательными и другими частями речи у него представляют собой описание различных моделей предложений во французском языке [Demaizière 1983: 361-363].

Итак, к числу важных проблем описания языка в ранних французских грамматиках относится проблема выбора модели грамматического описания. Грамматисты используют в основном позднеантичные латинские грамматики для описания французского языка. Понимание предмета грамматики оказывает влияние на структуру и характер описания французского языка в большинстве работ. Во всех грамматиках рассматриваются вопросы произношения и орфографии, что связано с развитием книгопечатания. Вопросы синтаксиса выделены в специальный раздел только в нескольких грамматиках. В основном они получили отражение при описании артиклей и падежей. Самая главная проблема ранних французских грамматик – это проблема деления слов на классы, то есть проблема частей речи.

2.4. Проблема частей речи во французских грамматиках XVI в.

Проблема частей речи является важной частью любой лингвистической традиции, как древней, так и современной. В современной лингвистике на проблему частей речи высказывались разные точки зрения. Ф. Брюно считал, что «время частей речи ушло», и что части речи – это «схоластика, которая должна исчезнуть» [Brunot 1936: XX]. Ж.Вандриес отмечал, что проблема разделения слов по классам является очень трудной, поэтому никто ещё не создал удовлетворительной классификации частей речи [Вандриес 1937: 114]. Л. Теньер называл традиционную классификацию слов по частям речи «непоследовательной» и «порочной в своей основе» [Tesnière 1959: 63]. Однако несмотря на то, что в лингвистике не было выработано единого мнения по вопросу частей речи, учёные продолжают опираться на теорию, которая была выработана ещё в античности для древнегреческого и латинского языков, а затем была адаптирована для описания новых языков.

Уже в IV в. до н.э. Аристотель выделял «части словесного изложения» [Античные теории 1936: 62]. Как пишет В.А. Плотникова, при этом на равных правах он называл собственно разряды слов: имя, глагол, член, союз (или связку) и отдельные звуки, слог, падеж. В Александрийской грамматической школе Аристарх Самофракийский и Аполлоний Дискол впервые выделили восемь частей речи (*partes orationis*): имя, глагол, причастие, член, местоимение, предлог, наречие, союз. Те же части речи выделены в грамматике римского автора Варрона (только вместо члена, т.е. артикля, введено междометие) [Плотникова 2000: 578-579]. В дальнейшем такая классификация слов по классам стала частью канона грамматического описания, т.е. «Большой Латинской Грамматики». В самых авторитетных грамматиках поздней античности, у Доната и Присциана, для латинского языка выделено восемь частей речи [Tagliavini 1963: 57; Шубик 1980: 198-201; Holz 1981: 125].

Главной проблемой в ранних французских грамматиках также было учение о частях речи. Оно было представлено в разделе, который в терминологии того

времени назывался «этимология» (*etymologia*). Как пишут исследователи европейской лингвистической традиции, на начальных этапах её истории (XVI-XVII вв.) раздел о частях речи являлся наиболее полным по сравнению с другими разделами учения о языке [Kukenheim 1932; Chevalier 1968; Padley 1988; Delesalle, Mazière 2003].

Авторы ранних французских грамматик использовали систему описания частей речи, которая была выработана в античности на материале греческого и латинского языков. Долгое время историки лингвистики рассматривали это как слабость ренессансной грамматической традиции [Loiseau 1866: 124; Benoist 1877: 55; Marty-Laveau 1907: 17-18]. Ж.-К.Шевалье был одним из первых учёных, кто иначе посмотрел на использование кодификаторами XVI в. основных положений греко-латинского канона грамматического описания. Он писал, что уже в середине XVI в. французская грамматика перестала быть элементом двуязычной педагогики и превратилась в посредницу между культурами, которые были представлены разными языками, т.е. французским и латинским. В этом он увидел причину поисков гуманистами общих черт грамматики для разных языков, в том числе для французского [Chevalier 1968: 211-212].

Во французских грамматиках проблема частей речи получила неоднозначное решение, о чём писали многие ученые. Расхождения касались таких вопросов, как номенклатура частей речи, их иерархия, границы, а также вопрос о грамматических категориях каждой части речи. Однако, как пишет Б. Коломба, главной проблемой грамматик XVI в. было разделение слов по классам [Colombat 1988: 62]. При этом вопрос о необходимости выделения частей речи или ненужности такой классификации перед ними не стоял. Это было связано с особенностями процесса кодификации французского языка и стремлением французских гуманистов с помощью грамматик поднять престиж родного языка.

Одни авторы французских грамматик строго придерживались греко-латинского канона грамматического описания и выделяли восемь частей речи для родного языка. Это такие части речи, как имя, местоимение, глагол, наречие,

причастие, союз, предлог, междометие. Н.И. Кузьмина объясняет обращение авторов первых французских грамматик к канонической модели педагогической направленностью их работ, нежеланием усложнять сведения о французском языке теоретическими положениями [Кузьмина 1987: 11].

К числу авторов, которые следовали за каноном, относятся Ж. Дюбуа (1531), Л. Мегре (1550), Ж. Боске (1586). Как отмечают некоторые историки языкознания, желание сохранить систему из восьми частей речи связано с авторитетом Аристотеля, в учении которого было представлено восемь «членов словесного изложения». Однако и в канонических грамматиках (Донат, Присциан) также представлено восемь частей речи. Поэтому можно говорить о том, что авторы первых французских грамматик за основу грамматического описания родного языка брали авторитетные латинские грамматики. На это указывали многие историки языкознания [Kukenheim 1932; Neumann 1959; Padley 1978; Glatigny 1987; Colombat 2013].

Однако некоторые авторы французских грамматик отходили от канонической модели, потому что видели разницу между латинским языком, в котором была богатая система окончаний, и французским языком, в котором широко использовались служебные слова. Поэтому одни грамматисты увеличивали, а другие сокращали количество частей речи для французского языка. Сокращение количества частей речи в системе грамматического описания происходило за счет объединения нескольких классов слов в один. Чаще всего такие классы слов, как артикль, местоимение, причастие, предлог и междометие оказывались включенными в другие части речи. Как правило, они составляли дополнительные разряды слов внутри таких частей речи, как имя и наречие.

В качестве принципов выделения частей речи в ранних французских грамматиках использовались традиционные критерии: формальный, семантический и функциональный. Первые два критерия были представлены в грамматиках эксплицитно, а функциональный – имплицитно. Каждый грамматист предпочитал какой-то один критерий, иногда учитывал два. Например, в грамматиках Л. Мегре и Р. Этьена главным был семантический критерий. В

описании частей речи Л. Мегре опирался на учение Присциана, у которого этот критерий был главным. В то же время он считал, что деление слов на классы необходимо «для построения речи» [Meigret 1550: 21]. Поэтому при определении частей речи он опирался также на функциональный критерий.

В качестве особого критерия для выделения частей речи некоторые грамматисты называли «изменяемость / неизменяемость» слов. Поэтому в грамматиках части речи делятся на изменяемые (*declinables*) и неизменяемые (*indeclinables*). Такая точка зрения представлена в грамматиках Дж. Пальсграва, А. Коши, Ж. Боске, которые считали этот признак наиболее правильным способом деления слов по частям речи. К первому типу в их грамматиках относились имя, местоимение, артикль (в случае, если он имел статус самостоятельной части речи), глагол и причастие; ко второму – предлог, наречие, междометие и союз.

У П. Рамюса формальный критерий был главным для деления слов на классы. Он считал, что грамматика должна быть освобождена от значимой стороны. Так как он считал основной задачей грамматики «чистоту речи», он писал, что логике с ее понятиями не должно быть места в грамматике [Kukenheim 1962: 18; Magnard 1986: 7; Никитина 1979: 91; Михайлова 2009 а: 120].

Ж. Пилло был среди тех грамматистов, которые стремились сохранить внешние признаки канона. В его грамматике для французского языка представлено восемь частей речи, как у Доната. Однако, как отмечают ученые, он был первым из французских грамматистов, кто внес некоторые изменения в номенклатуру частей речи. Именно Пилло впервые в истории французской традиции в качестве самостоятельной части речи ввел артикль [Loiseau 1866: 85-86; Colombat 2003 а: LXIX]. Поэтому в его грамматике получили описание следующие части речи: артикль, имя, местоимение, глагол, наречие, причастие, предлог, союз.

Анализ французских грамматик XVI в. показывает, что наибольшие трудности касаются выделения таких классов слов, как прилагательное, наречие, а

также классификации тех форм французского языка, которые находились в процессе эволюции, т.е. местоимения и артикля.

Инвентарь (или номенклатура) частей речи во французских грамматиках XVI в. подвергся пересмотру в некоторых грамматиках. Как правило, педагогические грамматики содержали те же части речи, какие были в канонических грамматиках. Традиционные восемь частей речи представлены в грамматиках Ж. Дюбуа, Ж. Дрозе, Ж. Гарнье, Ж. Боске. Наибольшее число изменений имеется в узуальных и объяснительных грамматиках. Это касается работ Л. Мегре, Р. Этьена, П. де ла Раме. В разных переизданиях грамматики Ж.Пилло, которая была самой популярной педагогической грамматикой во второй половине XVI в., имеются изменения, которые касаются инвентаря частей речи.

Больше всего противоречий при описании частей речи имеется для артикля. Это говорит о том, что грамматисты испытывали затруднения с выделением этого класса слов в самостоятельную часть речи [Yvon 1955: 241-242; Chevalier 1968: 359]. Анализ грамматик XVI в. показывает, что в них имеются разные решения проблемы артикля. Как пишет Е.Н. Михайлова, главным отличительным признаком предложенных в то время решений являются размытость и подвижность грамматической парадигматики и отсутствие целостного описания артикля. Сведения о французском артикле как бы «рассеяны» по текстам грамматик. Они получают свое отражение, во-первых, при описании разных частей речи: имени, предлога или артикля (в том случае, если артикль имеет статус части речи. Во-вторых, они получают свое отражение при рассмотрении различных категориальных признаков имени (т.е. на морфологическом уровне). В третьих, описание артикля представлено на синтаксическом уровне (при описании отношений между словами в именной группе) [Михайлова 2006 а: 246].

При этом систематизация форм артиклей практически в каждой работе имеет свои особенности. Дж. Пальсграв был первым грамматистом, который наделил французский артикль статусом самостоятельной части речи [Kibbee 1985]. Однако концепция Дж. Пальсграва не повлияла на французскую национальную грамматическую традицию. Л. Мегре писал, что во французском

языке восемь частей речи («как у Присциана»), «не считая артиклей» (*oultre les articles*) [Meigret 1550: 19]. Таким образом, у него сохранено каноническое число частей речи, хотя и отмечен особый статус артиклей.

Во французских грамматиках артикль был представлен как девятая часть речи в первый раз в трактате Р. Этьена [Estienne 1557: 7]. Иначе проводил деление слов по частям речи П. Рамюс. Он включил артикли в состав такой части речи, как имя. В результате этого в класс имён в его грамматике были включены существительные, прилагательные, артикли и числительные, т.е. все именные части речи. Основание для такого объединения разных классов слов в одну часть речи он видел в том, что у всех этих слов есть такие категории, как число и род [Vement 1928; Breva-Claramonte 1976; Никитина 1980; Михайлова 2009 а]. Ж.Пилло и П. Рамюс объединяли в одну часть речи наречия и междометия. При этом, как пишет Б. Коломба, они опирались не на латинские, а на античные греческие грамматики [Colobat 1988].

М.А. Косарик объясняет различный состав грамматических классов слов разными критериями выделения частей речи (морфологическими, семантическими, синтаксическими). Они отличаются не только у разных авторов, но и в одной и той же грамматике при описании разных частей речи [Косарик 1998: 24].

Анализ грамматик XVI в. также показывает, что в вопросе об иерархии частей речи их авторы искали наиболее удачные способы для систематизации классов слов. В большинстве грамматик описание частей речи начиналось с имени. Однако в грамматиках Дж. Пальсграва и Ж. Пилло в иерархии частей речи на первом месте стоит артикль [Palsgrave (1530) 1852: 65; Pillot 1550: 7; Pillot 1586: 38]. У Р. Этьена артикль занимает второе место в иерархии частей речи. Его описание дано между именем и местоимением [Estienne 1557: 21-24]. Эти небольшие изменения, которые французские грамматисты вносили в решение вопроса об иерархии частей речи, говорят о том, что в течение XVI в. происходило переосмысление канона и его адаптация к особенностям французского языка.

Согласно канону, грамматическое описание каждой части речи должно содержать ее определение, перечень её грамматических категорий, характерные для нее правила словоизменения и / или словообразования, примеры к приводимым правилам и замечания об особенностях её употребления в речи. Во французских грамматиках XVI в. нет единого решения ни по одному из этих вопросов.

Не во всех грамматиках приводятся определения для частей речи. Особенно это типично для обучающих и элементарных грамматик. Например, в грамматиках Ж. Дюбуа, А. Коши, Ж. Массе вместо определений частей речи даются отсылки к латинским грамматикам, в которых эти определения есть. В объяснительных грамматиках (Л. Мегре, Р. Этьен, П. Рамюс, А. Этьен и др.) приводятся определения авторов для частей речи. Иногда это дословный перевод определений из канонических грамматик, иногда это собственные определения французских грамматистов.

Значительные расхождения в вопросе определения частей речи видно не только при анализе второстепенных частей речи, но и в определениях главных частей речи – имени и глагола. Например, Л. Мегре определяет имя как класс слов, который «обозначает собственное или общее качество всех вещей» [Meigret 1550: 20]. Р. Этьен даёт своё определение имени: «Имена – это слова, обозначающие тело или вещь, которые можно потрогать или увидеть (Liure, Arbre), или нельзя потрогать или увидеть (Esprit, Dieu)» [Estienne 1557: 15]. В этих определениях имени видно влияние канонических определений, которые были сформулированы Донатом. В его грамматике имя определяется как «часть речи, которая имеет падеж и обозначает тело или вещь собственным или общим образом» [Donatus a: http]. В грамматике Ж. Гарнье вместо определения имени дано описание его типов. Автор пишет, что среди имён следует различать две разновидности: имена собственные и нарицательные, которые, в свою очередь, делятся на существительные и прилагательные. При этом автор делает сравнение французских имён с латинскими (*vti apud Latinos*) [Garnier 1558: 8].

Что касается глагола, то в его определении также имеются значительные расхождения, которые касаются критериев выделения данного класса слов. Например, Р. Этьен определяет эту часть речи как «действие (aimer) и как претерпевание (Je suis aimé, Je suis baftu)» [Estienne 1557: 37]. П. Рамюс приводит определение, которое основывается на главном для его грамматики – формальном критерии: «Глагол – это слово, у которого есть число, время и лицо» [Ramus 1572: 75]. Ж. Гарнье не даёт определения для глагола. Он начинает описание данной части речи с перечисления ее категорий. Как и в описании имени, он проводит сравнение французского глагола с латинским [Garnier 1558: 43-44].

Большие отличия имеются также при описании грамматических категорий разных частей речи. Это связано с тем, что в качестве модели грамматического описания каждый из них использовал грамматику Доната или Присциана. Как правило, в описательных, педагогических и элементарных грамматиках (Ж. Дюбуа, Ж. Пилло, Ж. Гарнье, Ж. Массе и др.) в качестве модели использовались руководства Доната – «Ars minor» или «Ars major». Объяснительные грамматики (Л. Мегре, Р. Этьен, А. Этьен и др.) больше ориентировались на модель грамматики Присциана. При этом все грамматисты использовали положения этих грамматик критически, с учётом особенностей французского узуса.

Как отмечают учёные, одной из закономерностей грамматик вернакуляров был неполный характер охвата грамматическим описанием языкового материала. Л.Г. Степанова пишет об этом: «Грамматисты XVI века не стремились к описанию всего состояния языка, обращая внимание в первую очередь на те явления, которые представлялись им наиболее «неупорядоченными» в речевом употреблении» [Степанова 2000: 391]. В ранних французских грамматиках основное внимание было направлено на описание таких частей речи, как имя, местоимение и глагол. Другие части речи получили менее подробное описание. Например, в грамматике Ж. Боске дано описание только изменяемых частей речи. Это имя, местоимение, глагол и причастие. Описания неизменяемых частей речи

он не даёт и объясняет это тем, что «они ничего не значат», поэтому «не заслуживают внимания» [Bosquet 1586: 42].

Также по-разному описаны в ранних грамматиках акциденции частей речи, то есть их грамматические категории. Как показывает количественный анализ текстов грамматик, при описании именных частей речи грамматисты уделяли основное внимание категории падежа. При этом они отмечали, что во французском языке нет падежей, как в латинском языке. При описании глагола основное внимание грамматисты обращали на категории лица и времени. При описании прилагательного основное внимание обращали на категории рода и степени сравнения.

Описание частей речи в ранних французских грамматиках отличается также по характеру презентации материала. В одних грамматиках при описании частей речи преобладают правила, в других имеется множество примеров, которые дополняют то, что в грамматике не получило описания или объяснения. В элементарных грамматиках правил почти нет, их заменяют примеры, которые часто представлены в виде парадигм.

Таким образом, в описании частей речи в ранних французских грамматиках имеются большие отличия. Они касаются таких вопросов, как номенклатура частей речи, их иерархия, границы, а также вопрос о грамматических категориях каждой части речи. Главной проблемой грамматик XVI в. было разделение слов по классам с опорой на канонические грамматики, которые были написаны для латинского языка. Множество решений проблемы частей речи во французской грамматической традиции XVI в. отражает поиск наиболее удачного описания французского языка.

Выводы по второй главе

В историографии лингвистики ранние французские грамматики неоднократно становились объектом исследований, которые проводили как французские, так и зарубежные, в том числе российские учёные. Особенно активно разные исследования проводились с 80-х гг. XX в. В настоящее время имеются значительные достижения в изучении ранних французских грамматик. В частности, выявлены предпосылки появления грамматических описаний французского языка в XVI в., рассмотрены вопросы структуры и содержания грамматик, изучены многие вопросы, которые касаются учения о частях речи. В то же время нерешенным остается немало вопросов, в числе которых находится изучение принципов описания такой части речи, как местоимение.

Становление французского национального государства в XVI в. привело к формированию у французов национального самосознания, которое изменило их отношение к родному языку. В это время на роль ведущего диалекта Франции выдвинулся франсийский диалект, который за короткий период стал сначала общезападнорейнским, а затем французским национальным письменно-литературным языком. С целью его нормирования и обучения ему желающих во Франции и в других странах Европы стали создаваться первые французские грамматики. Распределение этих грамматик по времени издания было неравномерным. В течение XVI в. отчетливо выделяются три периода грамматизации: первый период приходится на 30-40-е гг. XVI в., второй период – на 50-60-е гг. XVI в., третий период – на конец XVI в.

В качестве языка-инструмента грамматического описания в первых французских грамматиках, которые были изданы во Франции, использовался сначала латинский язык, а в конце XVI в. французский, что отражает рост престижа этого языка в Европе.

В ранних французских грамматиках получили отражение ключевые для того времени вопросы: защита и прославление родного языка, вопросы

произношения и орфографии, учение о частях речи и элементы синтаксиса, проблема образцового узуса и поиск идеальной нормы.

Большинство французских грамматик XVI в. состояли из двух частей: орфографии (учения о правилах произношения и письма) и этимологии (учения о частях речи). Раздел синтаксиса был представлен всего в нескольких грамматиках (П. Рамюс, А. Коши, Ш. Мопя). Ключевым вопросом во всех французских грамматиках XVI в. было учение о частях речи.

Несмотря на то, что в основе описания частей речи лежал греко-латинский канон грамматического описания, в решении проблемы частей речи в ранних французских грамматиках имелись расхождения. Одни грамматисты, следуя античной традиции, выделяли восемь частей речи. Другие авторы пересматривали критерии выделения и каноническую номенклатуру частей речи, в результате этого выделялось от пяти до десяти классов слов. Количество частей речи зависело от принципов их выделения, основными из которых были семантический и формальный. Функциональная характеристика получила отражение при описании местоимения и служебных частей речи.

Глава 3. Системный аспект в описании класса местоимений

3.1. Местоимение в системе частей речи

Анализ французских грамматик XVI в. показывает, что при описании класса местоимений имеется много противоречий, хотя они создавались с опорой на общий грамматический канон. Противоречия касаются таких вопросов, как: 1) полнота грамматического описания местоимений; 2) статус местоимения как части речи и его границы; 3) место данного класса слов в иерархии частей речи; 4) определение местоимения; 5) типы местоимений, которые получили отражение в грамматиках; 6) состав (номенклатура) грамматических категорий местоимений; 7) соотношение между системным, нормативным и узуальным аспектами при описании местоимений.

Все эти вопросы можно рассмотреть с трёх точек зрения. Во-первых, это вопросы, которые касаются внешних атрибутов канона грамматического описания. К ним относятся: полнота грамматического описания местоимений, статус местоимения как части речи, его границы и его место в иерархии частей речи. Во-вторых, это вопросы, которые касаются содержания грамматического описания. К ним относятся: определение местоимения, типы местоимений, которые получили отражение в грамматиках, номенклатура грамматических категорий местоимений. В-третьих, это вопрос, который касается соотношения между системным, нормативным и узуальным аспектами при описании данной части речи.

Рассмотрим вопросы, которые связаны с внешними атрибутами канона грамматического описания или того, что Н.Ю. Бокадорова назвала «структура знания о языке» [Бокадорова 1987]. Эти признаки позволяют увидеть, в чём авторы французских грамматик следовали канону грамматического описания, а в чём от него отступали.

Л. Кукенхайм одним из первых обратил внимание на то, что при описании данной части речи в ранних французских грамматиках было очень много

неясностей и неопределенности. При этом он заметил, что то же самое было характерно и для ранних испанских и итальянских грамматик [Kukenheim 1932: 128]. М.А. Косарик пишет, что такая же закономерность была характерна для ранних португальских грамматик [Косарик 1998: 25]. Таким образом, можно сказать, что это была общая черта той западноевропейской грамматической традиции, которая была связана с описанием вернакуляров.

Как отмечает Л.Г. Степанова, авторы грамматик новых языков обращали особое внимание на явления, которые были наиболее «неупорядоченными» в речевом употреблении [Степанова 2000: 391]. Класс местоимений занимал одно из первых мест в их числе. В рассматриваемый период в системе местоимений происходили изменения не только во французском языке, но и в других романских языках. Неустойчивость норм и вариативность узуса данного класса слов привели к тому, что на него было обращено пристальное внимание у всех авторов ранних грамматик народных языков.

Местоимение описано во всех грамматиках с разной степенью полноты. Во многом это зависит от жанра каждой грамматики. В педагогических и элементарных грамматиках описанию местоимений отводилось мало места. Так, в грамматике Ж. Дюбуа описание местоимений занимает 6 страниц, в грамматике Ж. Дрозе – 4 страницы, в грамматике Ж. Боске – 10 страниц, в грамматике Ж. Массе – 3 страницы. Интересно, что в грамматике П. де ла Раме, которая относится к жанру объяснительных грамматик, описание местоимений занимает всего 4 страницы. В других объяснительных грамматиках описание местоимений занимает больше места, иногда столько, сколько главные части речи – имя и глагол. Например, в трактате Л. Мегре местоимениям отведено 30 страниц. Наиболее подробное описание класса местоимений дано в грамматике Ш. Мопы – 66 страниц. В ней имеется самый полный список французских местоимений, а также много примеров, которые показывают особенности употребления местоимений в речи.

Пример переизданий грамматики Ж. Пилло показывает, как со временем изменялось его отношение к вопросу о важности данной части речи. Так, в

издании 1550 г. описание местоимений занимает 13 страниц, а в издании 1586 г. уже 34 страницы. Это показывает, что Ж. Пилло стремился максимально подробно описать этот важный для языка класс слов.

Интересно также сравнить, какое место авторы французских грамматик отводили описанию местоимения по сравнению с другими частями речи. Например, в грамматике Р. Этьена (1557) описанию местоимений отведено 13 страниц. Для сравнения: имени отведено 7 страниц, артиклю – 3, глаголу – 45, наречию – 12. Соотношение между полнотой описания имени как самой главной частью речи и местоимения говорит о том, что грамматист видел значимость местоимений «для построения речи», поэтому уделил им даже больше внимания, чем имени. Разное соотношение при описании частей речи имеется и в других грамматиках. Например, в элементарной грамматике Ж. Массе (1606) описанию местоимения отведено 3 страницы, артиклю – 4, имени 2,5, глаголу – 20. Это показывает, что для автора этой грамматики самой важной частью речи был глагол.

Можно заметить также, что описание данной части речи в грамматиках XVI в. не ограничивается разделом местоимений. В разделе глагола многие авторы грамматик приводят примеры, которые показывают особенности употребления в речи французских личных приглагольных и других типов местоимений. Нередко там же приводятся разные комментарии к этим примерам. Это связано с тем, что в отличие от латинского языка, на который было ориентировано грамматическое описание вернакулярных, при спряжении французских глаголов употребление личных приглагольных местоимений было уже обязательным. Кроме того, местоимения упоминаются при описании таких частей речи, как имя, артикль и наречие. При этом проводится сравнение между этими разными частями речи, чтобы показать, в чём состоят отличия между ними. В текстах грамматик есть много примеров, которые показывают особенности употреблений других типов французских местоимений в речи. В основном это касается разных синтаксических конструкций.

Таким образом, описание местоимений как бы «рассеяно» по текстам грамматик. Такую особенность в описании частей речи в грамматиках XVI в. учёные объясняют расхождением природы языка-эталона грамматического описания (латыни) и языка-объекта грамматического описания (французского языка). Явления французского языка не укладывались в канонические классификации и парадигмы, потому что на смену флективным латинским формам пришли аналитические формы французской грамматической системы [Chevalier 1968; Colombat 2003 b; Михайлова 2000].

В грамматиках XVI в. имелись разные решения вопроса о статусе местоимения как части речи и о его границах, хотя их авторы опирались на греко-латинский канон, где местоимение было представлено как самостоятельная часть речи.

В большинстве грамматик местоимение также рассматривается как самостоятельная часть речи. В грамматике П. де ла Раме нет ясности о статусе местоимения. Он пишет, что во французском языке есть только десять слов, которые можно назвать местоимениями [Ramus 1572: 70]. Однако в его грамматике нет списка этих слов, поэтому только примеры позволяют понять, что он относит к местоимениям. Это личные, некоторые указательные и притяжательные местоимения. По сравнению с грамматиками Ж. Пилло, Р. Этьена, Ж. Коши и особенно Ш. Мопя класс местоимений у Рамюса включает только самые употребительные в речи формы.

Наиболее важная проблема в определении границ местоимения была связана с отделением артикля от местоимения. Как отмечает Л. Кукенхайм, из трактата Присциана грамматисты XVI в. знали о том, что эта проблема решалась по-разному ещё в античной традиции. Присциан писал, что стоики понимали под термином «артикль» собственно артикли и местоимения. Зенодот (около 300 г. до н.э.) был первым грамматистом, кто разделил эти части речи. Если для латинских грамматик проблема разделения артиклей и местоимений не была важной, потому что в латинском языке не было артиклей, то для авторов грамматик вернакуляров эта проблема имела большое значение. Л. Кукенхайм видит в сходстве артиклей и

местоимений в романских языках причину многих «ошибок». Некоторые грамматисты называли личные местоимения 3-го лица (il, ils) артиклями. По мнению учёного, эти ошибки были связаны с тем, что латинский язык не мог служить в качестве образца (*le latin ne pouvait leur servir de guide*). Среди французских грамматистов учёный выделяет особенно Ж. Пилло и А. Матье, которые «не поняли» эту проблему [Kukenheim 1932: 118].

Ж. Жюльен отмечает, что в основном проблема классификации слов по частям речи касалась форм “le, la, les”. Грамматисты XVI в. рассматривали их или как артикли или как относительные местоимения (Л. Мегре, Ж. Гарнье, А. Коши и в какой-то степени Рамюс) [Julien 1988: 76]. Р. Этьен, который взял у Ж. Дюбуа идею о «заимствовании» из латинского языка французских форм, писал в своей грамматике: «*Quelque fois ils sont relatifs, & lors sont pronoms*» (=Иногда они являются относительными и тогда являются местоимениями) [Estienne 1557: 20]. А. Коши подчеркнул синтаксические особенности этих форм. Если они употребляются с существительными, то это артикли (*Le & la, substantiuis adhaerentia, articuli sunt relatiua*). Если они употребляются самостоятельно, то это относительные местоимения (*pronomina sunt relatiua, si ijsdem destituantur*) [Cauchie 1570: 92].

В грамматике Ш. Мопя, в которой дано самое подробное описание класса местоимений, эта проблема рассматривается так же, как у других авторов объяснительных грамматик. В частности, Ш. Мопя пишет: «*Le, La, Les devant quelque verbe sont pronoms, ordinairement accus. prepositif <...>. Mais devant quelques autre partie d’oraison, ils sont articles*» (=Le, La, Les перед глаголом являются местоимениями, в основном в роли препозитивного accusativa <...>. Но перед другими частями речи они являются артиклями) [Maupas 1606: 118-119].

Анализ грамматик показывает, что в иерархии частей речи чаще всего местоимение занимает второе место после имени. В грамматике Ж. Боске глава о местоимении названа именно так: «*Dv Pronom, seconde partie d’oraison*» (=О местоимении, второй части речи) [Bosquet 1586: 63].

Как и в латинских грамматиках, класс местоимений занимает промежуточное положение между именем и глаголом. Это соответствует принципам канона грамматического описания, в котором части речи рассматривались как то, что в современной лингвистике принято называть «члены предложения». Таким образом, эта иерархия частей речи по-своему отражала особенности структуры предложения.

Однако в тех грамматиках, в которых в качестве самостоятельной части речи был выделен артикль, местоимение могло занимать третье место после артикля и имени. Это зависело от того, какую из этих частей речи автор грамматики ставил на первое место – артикль или имя. В грамматике Ж. Пилло в списке частей речи артикль стоит на первом месте, поэтому местоимение рассматривается после имени. В грамматике Р. Этьена «*Traicté de la Grāmaire Francoise*» [Estienne 1557], а также в трактате его сына А. Этьена «*Nymphomneses de Grallica lingua*» [Estienne 1582] на первом месте среди частей речи стоит имя. Артикль стоит на втором, а местоимение занимает третье место после имени и артикля.

В грамматике Ж. Дрозе в списке частей речи местоимение стоит не перед глаголом, а после него. Грамматист объясняет это тем, что имя и глагол – главные части речи, а все остальные от них зависят [Drosay 1544: 133].

Итак, при описании класса местоимений в ранних французских грамматиках выявлено множество проблем. Они обусловлены тем, что «Большая Латинская грамматика» не могла использоваться в качестве образца для описания французских местоимений, так как системы местоимений в латинском и французском языках имели слишком много различий. Кроме того, сложности при описании данной части речи были связаны с неустойчивостью норм в употреблении почти всех типов местоимений, а также наличием вариантов многих форм местоимений из-за сосуществования диалектов в ранненовофранцузский период.

3.2. Проблема определения местоимения

Главный вопрос, который касается содержания грамматического описания частей речи, связан с особенностями их определения. В нашем случае это особенности определения класса местоимений в ранних французских грамматиках. Этот вопрос связан с общими принципами грамматического описания, которые были выработаны в XVI в. к описанию частей речи.

Многие учёные обращали внимание на то, что в ранних описаниях вернакуляров отсутствуют определения для ключевых понятий грамматики (слово, словосочетание, категория, предложение). Мало, а иногда и совсем нет определений для понятия «части речи», хотя это самая главная единица анализа во всех грамматиках [Kukenheim 1932; Demaizière 1983, Auroux 1988]. Ж. Жюльен объясняет это тем, что авторы ранних грамматик стремились делать описание как можно проще, чтобы не затруднять тех, для кого они были предназначены – для детей и для других читателей. Именно это объясняет то, что определения встречаются редко, а иногда используются остенсивные определения (*Ce qui explique la rareté de définitions, et la prédominance des définitions par ostention*) [Julien 1988: 76].

Анализ французских грамматик показывает, что определений для местоимения нет в грамматиках первой половины XVI в., а также в большинстве педагогических грамматик и во всех элементарных грамматиках. Интересно, что определения для местоимения как части речи даются также не во всех объяснительных грамматиках. А там, где они есть, они отличаются друг от друга, хотя грамматисты ориентировались на канон, который представлен в основном грамматиками Доната и Присциана. Однако у Присциана кроме собственного определения для данной части речи были представлены точки зрения на местоимения других авторов латинских и греческих грамматик. Поэтому у грамматистов XVI в. были сведения о том, как по-разному принято было определять местоимения в древности. Всё это оказало влияние на то, что определений для класса местоимений во французских грамматиках немного.

В первой французской грамматике (Ж. Дюбуа 1531) определение для местоимения отсутствует. Раздел этимологии, то есть раздел, который посвящён описанию частей речи, автор начинает с замечания о том, что излишне повторять на страницах данной работы определения, которые известны всем, кто знаком с латинской грамматикой [Dubois 1531: 90]. Описание местоимения как части речи автор начинает с перечисления его грамматических категорий [Dubois 1531: 105].

Такой же приём использовали и многие другие авторы ранних грамматик. Например, у Ж. Пилло определение для местоимения нет не только в первом (1550), но и в расширенном издании (1586). Во всех переизданиях его грамматики описание местоимений начинается с характеристики их признаков, при этом названий грамматических категорий Ж. Пилло не даёт. То есть и на этом уровне грамматического описания у него представлены остенсивные определения.

У Ж. Гарнье также отсутствует определение для местоимения. Автор ограничивается замечанием о том, что во французском языке имеются такие же местоимения, как и в латинском: «Pronomina apud Gallos ea ipsa sunt quae & apud Latinos» [Garnier 1558: 23]. В этом видно стремление автора опираться на канонические грамматики. Как у Ж. Дюбуа, в его грамматике латинский язык выступает как исходная точка грамматического описания (*langue de départ*), а французский язык выступает в роли переводного языка (*langue cible*). Поэтому в текст его грамматики были включены только те местоимения, для которых он нашёл соответствия в латинском языке.

Грамматика Ж. Массе, которая относится к жанру элементарных грамматик, даёт интересный пример остенсивного определения для данной части речи. Автор пишет: «*Je, tu, il, ils, seruent de support aux verbes, & iamais moy, toy, foy, don't nous vfons absolument ainfi*» (= *Je, tu, il, ils*, служат для поддержки глагола, и никогда [так не употребляются местоимения] *moy, toy, foy*, которые мы часто используем) [Masset 1606: 8]. Из этого определения видно, что автор обращает внимание только на синтаксическую роль местоимения, причём только в глагольной группе.

Определения для класса местоимений нет также в грамматике П. де ла Раме (1572), хотя по жанру это объяснительная грамматика. В то же время определение для данной части речи он приводит во всех своих работах по латинскому и греческому языкам [Ramus 1559; 1562 a; 1564]. Ж.-Кл. Шевалье отмечает, что семантический анализ местоимений в его грамматике представлен имплицитно, потому что это «маленький учебник» (*Cette analyse sémantique des pronoms est en grande partie implicite dans la Gramere qui est un petit manuel*) [Chevalier 1982: 58].

У Ш. Мопя, то есть в самой объёмной грамматике французского языка рассматриваемого периода, также нет определения для класса местоимений. Как у большинства авторов, в его трактате описание местоимения начинается с перечисления его типов и его грамматических категорий. Интересно, что для некоторых типов местоимений он приводит определения, например, для неопределённых местоимений (*Indefinis*), относительных (*Relatifs*), притяжательных (*Possessifs*) [Maupas 1606: 171-172]. В его грамматике есть также определения для некоторых терминов, например, «*Prespositifs*» и «*Postpositifs*» [Maupas 1606: 119].

В истории французской грамматической традиции первое определение для местоимений сформулировал Л. Мегре. Описание всех частей речи в его трактате начинается с их определений, это является одной из особенностей жанра объяснительной грамматики. Для местоимений у него дано следующее определение: «*Le Prono, ęt vne partie du lęgaj' inuentęe pour supplier le Nom, tant propre q'appellatif, fans aicune finification de tęms, denotęt toufiours quelqe ęertaine pęrsonę*» (=Местоимение – это часть речи, которую изобрели для того, чтобы не употреблять имя, как нарицательное, так и собственное; [у местоимения] нет указания на время, но всегда есть указание на некое лицо) [Meigret 1550: 47]. Л. Мегре лишь частично опирался на каноническое определение данной части речи, которое было сформулировано в работе Присциана. В характеристике местоимения главным признаком является не форма и не значение, а функция, т.е. его способность выступать в роли заместителя имени в высказывании. Как пишет Л. Мегре, местоимения «помогают избегать повторов в речи и таким образом

делают ее более понятной» [Meigret 1550: 47]. Важное отличие определения для местоимения у Л. Мегре – это указание на то, что у данной части речи нет значения времени, но есть значение лица.

Как пишут Ж. Стефанини и С. Ору, новая трактовка местоимения в истории грамматики появилась благодаря Дж. Пальсграву и Л. Мегре. Она могла соперничать (*rivaliser*) с авторитетными латинскими грамматиками, в которых также были свои неясности в описании данной части речи. Появление нового взгляда на местоимение у грамматистов XVI в. связано с влиянием работ древнеримского филолога Марка Теренция Варрона. Он предложил для местоимения термин «*Prouocabula*» и по-новому сформулировал его признаки: часть речи, которая склоняется, не имеет значения времени и указывает на лицо [Stefanini, Augoux 1994: 163]. Таким образом, определение местоимения у Л. Мегре показывает, что формирование воззрений французских авторов в вопросах грамматики не ограничивались только работами Доната и Присциана.

В трактате Р. Этьена глава о местоимении также начинается с достаточно подробного описания его характеристик. Как и Л. Мегре, он начинает описание местоимений с определения: «*Pronōs est vne sorte de mots qui seruent pour supplier le Nō tant propre, qu'appellatif, sans aucune significatiō ou declaration de tēps, denotā toufiours quelque certaine perfonne*» (=Местоимение – это такой класс слов, который служит для замещения имён, собственных и нарицательных; оно не имеет значения и не изменяется по временам; оно всегда указывает на какое-нибудь лицо) [Estienne 1557: 24]. Как видим, на Р. Этьена оказала влияние грамматика Л. Мегре, текст которой он хорошо знал. В этом определении представлены основные признаки, которые традиционно перечислялись для местоимений в канонических грамматиках. При этом основное внимание всегда уделялось не значению или форме данной части речи, как, например, в определениях имени или глагола, а его функции, т.е. роли «заместителя имени». В отличие от определений местоимения у Доната и Присциана Л. Мегре и Р. Этьен опираются на учение о частях речи Варрона и обращают внимание на то, что у местоимений нет категории времени.

Затем Р. Этьен переходит к объяснению термина «Pronō» через объяснение его элементов: «Ce mot Pronō est cōposé de pro Latin, qui signifie *pour*, & ce mot *nom* : comme qui diroit, *pour Nom*, ou *au lieu du Nom*» (=«Pro» – это то, что соответствует французскому «pour» (вместо), а «nō» – это то, что соответствует французскому «nom» (имя)) [Estienne 1557: 24]. Таким образом, он еще раз указывает на особое назначение местоимений как заместителей или субститутов имени.

В знаменитом трактате «*Hipomneses de Gallica lingua*», который написал А. Этьен, сын Р. Этьена, дано следующее определение для местоимений: «*Pronomina sunt genus quoddam vocabulorum quae voce Nominis tam proprii quam appellativi ponuntur, sine vlla singnificatione aut declaratione temporis indicantia semper certam aliquam persona*» (=Местоимение – это особый род слов, которые заменяют имена как собственные, так и нарицательные, без всякого указания на время, а только на какое-то лицо) [Estienne 1582: s.p.]. Таким образом, определения для класса местоимений в этих трёх грамматиках (Л. Мегре, Р. Этьен и А. Этьен) имеют много общего, при этом они не во всём следуют за определениями канонических грамматик.

Проведенный анализ показывает, что Л. Мегре и Р. Этьен использовали в своих грамматиках учение о частях речи древнеримского автора Варрона. А. Этьен использовал также идеи из трактата о латинском языке итальянского гуманиста Л. Валлы, имя которого много раз упоминал в своей работе. Всё это говорит о том, что авторы ранних французских грамматик не слепо копировали канон, а творчески его перерабатывали с опорой на авторитетные грамматик и трактаты о латинском языке авторов разных эпох.

Грамматика Ж. Боске представляет интерес в связи с тем, что она написана в жанре диалога, так же, как и грамматика Доната «*Ars Minor*». Поэтому описание частей речи в ней дано в виде вопросов и ответов. Также в вопросно-ответной форме в ней дается определение для местоимения: «*Qu'est de pronom? C'est vne partie d'oraison, laquelle se met au propre lieu d'un nom, et signifie certaine personne*» (=Что есть местоимение? Это часть речи, которая ставится вместо имени и

обозначает какое-то лицо) [Bosquet 1586: 63]. Это определение представляет собой перевод на французский язык определения для местоимений из грамматики Доната.

Обращение к двум изданиям словаря Ж. Нико «Thresor de la langue francoyse» [Thresor 1573; Tresor 1606] показывает, что в нём также нет определения для местоимений, хотя есть определение для артикля, имени, глагола, наречия и других частей речи.

Интересно, что остенсивные определения для класса местоимений сохранялись даже в грамматиках XVII в. Например, в знаменитой «Общей и рациональной грамматике Пор-Рояль» (1660) нет определения для класса местоимений. Авторы этой грамматики, так же, как Л. Мегре и Р. Этьен, объясняют причины возникновения данной части речи, но не объясняют, что следует понимать под местоимением. А. Арно и Кл. Лансло пишут об этом так: «Так как люди были вынуждены в одном и том же тексте говорить часто об одних и тех же вещах, а повторение одних и тех же имён производило бы слишком назойливое впечатление, пришлось придумать слова, которые замещали в речи эти имена, и потому их называли местоимениями» [Арно и Лансло 1998: 121-122].

Таким образом, как показывает проведённый анализ, несмотря на то, что в основе описания частей речи в ранних французских грамматиках использовался греко-латинский канон, в них нет общего подхода к определению местоимения как части речи. В большинстве грамматик французского языка представлены остенсивные определения. В основном это педагогические, сопоставительные и элементарные грамматики. В объяснительных грамматиках, в которых определения для местоимения есть, они отличаются разнообразием. Каждый из грамматистов по-своему адаптировал определения из авторитетных канонических грамматик и из сочинений Варрона, Л. Валлы и других авторов и давал своё определение для данной части речи. Главный признак местоимения, на который все французские грамматисты обращали внимание, это его способность к субституции имени.

3.3. Типы местоимений в системе грамматического описания

Наиболее противоречиво во французских грамматиках XVI в. представлены сведения о типах местоимений. На эту особенность ранних грамматик народных языков указывали многие учёные [Livet 1859; Kukenheim 1932; Persival 1975; Padley 1988].

В большинстве грамматик сведения о типах местоимений даны в имплицитной форме. Понять, какие именно типы местоимений описаны в каждой грамматике, можно только по примерам, которые приводятся авторами в виде перечисления или в виде разных парадигм.

Можно выделить два основных направления в описании типов местоимений в ранних французских грамматиках: 1) описание по модели латинской грамматики Доната и 2) описание с опорой на особенности французского узуса.

Для тех грамматик, в которых авторы опирались на канон и ориентировались на грамматику Доната при описании французских местоимений, есть свои особенности:

1) В большинстве из них, как и у Доната, нет деления местоимений по типам. Также в них даётся описание общих признаков для разных по природе местоимений (личных, притяжательных, указательных и др.). В грамматиках, в которых есть распределение местоимений по типам, каждый из авторов по-своему описывает данную часть речи.

2) В таких грамматиках описана незначительная часть местоимений. В основном это личные, притяжательные и некоторые указательные местоимения. При этом наиболее полное описание дано для личных и притяжательных местоимений. Списки указательных местоимений в грамматиках разные. Они отличаются по количеству и по степени детализации описания. Вопросительные и относительные местоимения получили отражение не во всех грамматиках. Это связано с тем, что не для всех французских местоимений авторы грамматик могли найти аналоги латинским местоимениям. Например, в системе указательных местоимений в латинском языке было только четыре местоимения (*ille, illa, illud*;

iste, ista, istud; is, ea, id; hic, haec, hoc), а во французском языке в XVI в. было много указательных местоимений.

3) В таких грамматиках при описании французских местоимений основное внимание обращается на категории падежа (*casus, cas*) и склонения (*declinatio, declinaison*). Однако содержание этих двух категорий во французских грамматиках переосмыслено. Особенно это касается категории склонения. Этот признак использовался грамматистами XVI в. в значении «разделение местоимений по типам». Поэтому в грамматиках есть местоимения первого, второго и третьего склонения: *Declinatio prima, Declinatio secunda, Declinatio tertia*. К первому склонению грамматисты относили в основном личные местоимения, ко второму склонению – указательные, а к третьему – притяжательные. Но даже тогда, когда в качестве модели для описания местоимений выступала грамматика Доната, каждый автор французской грамматики вносил в эту модель свои исправления и дополнения.

Свои особенности есть также в тех грамматиках, в которых авторы опирались на узус при описании французских местоимений:

1) Их авторы опирались на канон не во всём, потому что они видели отличия между латинскими и французскими местоимениями. В таких грамматиках имеется много замечаний, которые указывают на такие особенности французских местоимений, как их формы, значения и особенности их употребления в речи.

2) В таких грамматиках описано больше местоимений, чем в тех, авторы которых опирались на канон. Кроме личных, притяжательных и большого количества указательных местоимений в них описываются также относительные, вопросительные, отрицательные, а иногда также наречные местоимения *en, y*. Кроме того, в узуальных грамматиках в разделе, который посвящён местоимению, приводится намного больше примеров, чем в других типах грамматик. При этом примеры даны для разных типов предложений, а не только для словосочетаний местоимений с предлогом или глаголом.

3) Категории падежа и склонения представлены во всех узуальных грамматиках так же, как в сопоставительных и педагогических грамматиках. При этом их авторы отмечали, что у французских местоимений нет падежа и склонения. Если в сопоставительных и особенно в педагогических грамматиках эти категории использовались как «элемент двуязычной педагогики», то в узуальных и объяснительных грамматиках у них было другое назначение. Они использовались не для того, чтобы показать сходство или отличие между латинским и французским языками, а для классификации форм французских местоимений. В то же время некоторые канонические категории были исключены из грамматического описания французских местоимений или для них было дано очень краткое описание. Это касается категорий качества, вида, фигуры.

Как показывает проведенный анализ грамматик, в течение XVI в. было предложено много решений по вопросу о распределении местоимений на подклассы. Частью этой проблемы была выработка терминологии для обозначения разных типов местоимений.

В некоторых грамматиках авторы указывали количество слов, которые можно отнести к местоимениям. Например, Р. Этьен писал, что во французском языке их только двенадцать: «Il y a douze pronoms, *Ie, Tu, Soy, ou Se, Il, Ce, Cest, Eux, Mon, Ton, Son (ou Mien, Tien, Sien), Noftre, Voftre*» (=Есть только двенадцать местоимений: *Ie, Tu, Soy, ou Se, Il, Ce, Cest, Eux, Mon, Ton, Son (ou Mien, Tien, Sien), Noftre, Voftre*) [Estienne 1557: 25].

Для классификации местоимений по типам в грамматике Р. Этьена служит категория вида. Французские местоимения представлены в ней следующим образом: во-первых, в ней получили отражение не все типы местоимений, во-вторых, при их систематизации в одну группу включены разные по природе местоимения. Согласно этой классификации, местоимения делятся на простые (*primitifs*) и производные (*derivatifs*). Среди простых указываются следующие подтипы: указательные (*démonstratifs*), относительные (*relatifs*), указательные и относительные (*démonstratifs & relatifs*) [Estienne 1557: 25]. Эта классификация не имеет ничего общего с современными принципами классификации местоимений.

Первое, на что можно обратить внимание, это отсутствие личных местоимений в этом списке. Однако это не говорит о том, что личные местоимения в этой грамматике не описаны. Они представлены в данной грамматике, но автор рассматривает их как разные типы местоимений. Формы первого и второго лица (ie, tu) отнесены к указательным местоимениям, одни формы третьего лица (il, eulx) отнесены к относительным, а другие – к указательным и относительным местоимениям (li, luy) [Estienne 1557: 25]. Интересно, что в качестве примеров для иллюстрации форм местоимений разных типов автор приводит только формы единственного числа. Это говорит о том, что формы множественного числа рассматриваются им как производные.

В грамматике Ж. Гарнье описаны три типа местоимений: указательные (demonstratiua), притяжательные (possessiua) и относительное (relatium) [Garnier 1558: 23-24]. Описание каждого из этих типов местоимений дается по одной схеме: сначала рассматриваемый тип описывается с точки зрения категорий (падеж, род, число), затем с точки зрения особенностей употребления местоимений в речи. К первому типу (Primus est demonstratiuorū) грамматист относит семь следующих местоимений: ego, tu, fui, ille, ipse, iste, hic. Как видим, этот список, во-первых, представлен не французскими, а латинскими формами. Во-вторых, он включает разные типы местоимений: наряду с личными местоимениями (ego, tu) в него включены также указательные местоимения (ille, iste, hic), определительное местоимение (ipse) и форма датива возвратного местоимения (sui). Что касается личных местоимений, то есть самого главного в системе местоимений класса, он представлен в его работе только двумя формами единственного числа: 1 л. (ego) и 2 л. (tu). Что касается форм множественного числа (nos, vos), то они рассматриваются им как производные от единственного. Таким образом, в классификации местоимений ведущим принципом является словоизменение.

П. де ла Раме также видит ограниченное количество местоимений во французском языке. По его мнению, их всего десять: «Dix nōs font icy appellez pronōs» (=Десять имён здесь называются местоимениями) [Ramus 1572: 70].

Список этих местоимений он не даёт, но по описанию можно понять, что он пишет о разных типах местоимений. Это личные, указательные, притяжательные местоимения и местоимение, которое он называет «reiteratif». Это местоимение «Mefme, Mefmes» [Ramus 1572: 70-74]. Личные местоимения *Ie & Tu* в его классификации относятся к первому и второму типу, а также к четвёртому (*Le quatriefme est demõstratif auffi bien que Ie & Tu*) [Ramus 1572: 72].

Ж. Пилло начинает описание французских местоимений с перечисления их разрядов или типов. В издании 1550 г. представлено пять типов местоимений: это простые (*primitiva*), производные (*derivativa*), указательные (*demonstrativa*), относительные (*relativa*) и притяжательные (*possessiva*). В издании 1586 г. вместо пяти представлено три типа местоимений: указательные, относительные и притяжательные. Как видим, среди типов данной части речи отсутствуют личные местоимения, т.е. самый главный в системе местоимений класс. В современной теории языка их принято относить к языковым универсалиям, потому что они свойственны всем языкам [Скрелина 1999: 35]. Несмотря на отсутствие термина «личные местоимения» они получили подробное описание в грамматике Пилло. При этом в разное время автор относил их к разным типам местоимений. В издании 1550 г. они рассматриваются как простые местоимения, а в издании 1586 г. они рассматриваются как указательные местоимения. В результате такой классификации личные местоимения (*Ie, moy, Tu, toy*) оказались в одной группе с указательными местоимениями (*cestuy-cy, cecy, cestuy-là, celà*), местоимения третьего лица *il, elle* – в группе указательных (*demonstratiua*), а местоимения *luy, leur* – в группе относительных местоимений (*relatiua*) [Pillot 1550: f. 16].

Ж. Боске пишет, что во французском языке есть четыре типа местоимений: указательные, относительные, притяжательные и взаимные (*demonstratifs, Relatifs, possessifs, & Reciproques*) [Bosquet 1586: 63]. Это одна из немногих грамматик XVI в., в которой кроме списка местоимений для каждого типа есть также объяснение для каждого термина. Например: «*Qu'est-ce que Demonstratif? Ce quy denote la chose par-auant demonstree. Quels sont demonstratif? Ie, moy, tu, toy, cecy, cestuy-cy, cestuy-là, ceste-là, celle-là, celà, ceste, ces*» (=Что такое демонстратив? Это то, что

обозначает вещь, на которую указали. Какие местоимения к ним относятся? Это *Je, moy, tu, toy, cecy, cestuy-cy, cestuy-là, ceste-là, celle-là, celà, ceste, ces*) [Bosquet 1586 : 63]. Как видим, в этом списке кроме собственно указательных местоимений находятся ударные и безударные формы личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа (*Je, moy, tu, toy*). То, что они стоят на первом месте, говорит об их значении в иерархии местоимений данного типа. Формы 1-го и 2-го лица множественного числа личных местоимений (*nous, vous*) в этом списке не указаны. Это говорит о том, что Боске рассматривал их как производные от форм единственного числа. Кроме того, в этом списке нет личных местоимений 3-го лица (*il, elle, ils, elles*). Местоимения «*Luy, elle*» рассматриваются в данной грамматике как относительные.

Наиболее полное и системное описание вопроса о типах местоимений представлено в грамматике Ш. Мопя (1606). В ней перечисляются следующие типы французских местоимений: личные (*Personnels*), указательные (*Demonstratifs*), относительные (*Relatifs*), безличные (*Impersonnels*), притяжательные (*Possessifs*) и неопределённые (*Indefinis*). Личные местоимения делятся ещё на три группы: препозитивные, постпозитивные и общие (*prepositifs, postpositifs, communs*) [Maupas 1606: 116-117]. Для каждого типа местоимений приводится много примеров.

Разногласия в распределении местоимений по подклассам в грамматиках XVI в. связаны с адаптацией канона грамматического описания к особенностям французского языка. В первую очередь это касается личных местоимений. Во многих грамматиках она называются местоимениями первого склонения, указательными местоимениями или для них используются остенсивные определения. Термин «личные местоимения» к ним стали употреблять некоторые грамматисты только в конце XVI в.

Особенно много противоречий имеется при описании указательных местоимений. Они рассматриваются как местоимения второго склонения или как указательные местоимения (*demonstratifs*). Остенсивные определения для них не используются. Самые большие расхождения касаются состава местоимений,

которые в грамматиках называются указательными. В их число входят личные, собственно указательные и иногда относительные местоимения.

Притяжательные местоимения рассматриваются как местоимения третьего склонения или как притяжательные местоимения (*pronoms possessifs*). Этот термин вводится в грамматическое описание уже первыми авторами французских грамматик (Ж. Дюбуа, Ж. Дрозе и др.). Р. Этьен стремится совместить оба эти признака: «*Cette tierce declinaison contient les pronoms possessifs*» (=Это третье склонение содержит притяжательные местоимения) [Estienne 1557: 34].

Не все грамматисты описывают в своих работах местоимения «*dont*», «*у*» и «*en*», хотя они уже были важной частью французского узуса. Как правило, об этих формах нет упоминаний в переводных и сопоставительных грамматиках, в которых в качестве основы выступала модель латинского языка. В других грамматиках, в которых учитывался французский узус, они получили отражение. Однако в вопросе об их статусе и о том, к какой части речи их относить, есть много разногласий.

Первый из грамматистов, кто написал о формах «*dont*» и «*у*» в разделе о местоимениях, был Л. Мегре. Однако он их назвал частицами (*particules*) [Meigret 1550: f 59 a]. В первом издании грамматики Ж. Пилло написано о формах «*у*» и «*en*». Он обращает внимание на то, что они указывают на отношения [Pillot 1550: a 18]. В издании 1586 г. он дополнил описание этих местоимений новыми примерами [Pillot 1586: 107-111]. Ж. Массе называл «*у*» и «*en*» частицами (*particules*). В его грамматике их описание дано после местоимений перед глаголом [Masset 1606: 10-11]. Таким образом, в этой грамматике они не входят в число местоимений, то есть не имеют статуса данной части речи. В грамматике Ш. Мопа формы «*у*», «*en*», «*dont*» рассматриваются в разделе местоимений, но для их характеристики он использует следующие термины: «*слоги*» (*syllabes*) и «*относительные частицы*» (*particules relatives*) [Maupas 1606: 154-155].

Как показал проведённый анализ, авторы французских грамматик XVI в. по-разному решали проблему распределения местоимений по типам. С одной стороны, это связано с разными подходами к решению этой проблемы в

канонических грамматиках. С другой стороны, это связано с различиями между системами латинских и французских местоимений.

3.4. Грамматические категории местоимений

Как показал проведенный анализ, в ранних французских грамматиках проблема грамматических категорий для класса местоимений имеет много решений. Так, в каждой из них по-своему решаются такие вопросы, как номенклатура категорий, их иерархия в системе описания данной части речи, типы местоимений, для которых характерны (*accidunt*) данные грамматические признаки.

Рассмотрим, каким образом авторы французских грамматик подходили к решению проблемы грамматических категорий для местоимений.

3.4.1. Номенклатура акциденций

В связи с тем, что авторы большинства грамматик опирались на канон, рассмотрим, какие категории (или акциденции) представлены для латинских местоимений в авторитетных латинских грамматиках.

В грамматике Элия Доната «*Ars minor*» имеется шесть категорий для местоимений: «*pronomini quot accidunt? sex. quae? qualitas, genus, numerus, figura, persona, casus*» (= Сколько акциденций у местоимения? шесть. какие? качество, род, число, фигура, лицо, падеж) [Donatus a: <http>]. Такие же категории перечисляются в его грамматике «*Ars Maior*».

У Присциана в список категорий для местоимений входят лицо, падеж, число, род. Кроме того, у него написано, что древние грамматисты называли такие признаки для местоимений, как «*personae, genera, numeri, casua, figurae, species*» (=лица, роды, числа, падежи, образы, виды) [Priscianus 1855, II: 259; Античные теории 1996: 141]. Как видим, уже в «Большой Латинской Грамматике» было несколько подходов к характеристике местоимений через акциденции.

Рассмотрим несколько французских грамматик для того, чтобы понять, какие именно категории входили в обязательные признаки местоимения как части речи, какое место они занимали в системе описания данной части речи и как они были представлены для разного типа местоимений.

В грамматике Ж. Дюбуа описание местоимения начинается не с его определения, а с перечисления его акциденций. Их в его работе семь: качество (*qualitas*), род (*genus*), число (*numerus*), фигура (*figura*), лицо (*persona*), падеж (*casus*), склонение (*declinatio*). Этот список не совсем совпадает со списком акциденций для класса местоимений в грамматике Доната, в копировании которой не раз обвиняли Ж. Дюбуа. Разница состоит в том, что у Доната склонение не имеет статуса акциденции, а Дюбуа ставит данный признак в один ряд с падежом (*Casus declinatione ita cognoscentur*) [Dubois 1531: 105].

У Ж. Дрозе для местоимений выделено шесть категорий, как в грамматике Доната. Это вид, лицо, число, род, падеж, склонение. Между ними автор видит различие: в разных языках вид, лицо и число «похожи» (*font semblables*), род, падеж, склонение «различаются» (*varient*) [Drosay 1544: 150]. Как видим, вместо категории качества, как у Доната, Ж. Дрозе описывает категорию вида, о которой пишет Присциан. Иерархия категорий для местоимений в его грамматике также другая: в ней категория лица стоит выше, чем род, число и падеж. Кроме того, в списке нет категории фигуры, но есть категория склонения.

В трактате Л. Мегре в списке также шесть категорий. Это вид, лицо, род, фигура, число и падеж [Meigret 1550: f 48 a]. Как видим, в этом списке нет склонения, как у авторов двух более ранних грамматик (Ж. Дюбуа и Ж. Дрозе). Но, как у Присциана, в его грамматике есть категория вида, которую он использует также для описания другой части речи – имени. То есть вид выступает как общая категория при описании именных частей речи. Это говорит об использовании им принципа аналогии при описании частей речи.

В грамматике Р. Этьена у местоимений семь акциденций: вид, лицо, род, фигура, число, падеж и склонение [Estienne 1557: 25]. Список категорий у него отличается от того, что был у Доната, а также от того, что предлагали Ж. Дюбуа и

Л. Мегре. Это показывает, что Р. Этьен не копировал другие работы, а по-своему описывал французский язык. Для Р. Этьена, как для Присциана и Л. Мегре, в иерархии местоименных категорий лицо стоит выше, чем другие категории – род, число и падеж.

У Ж. Гарнье в списке категорий имеются склонение, падеж, род и число [Garnier 1558: 23]. И хотя он пишет, что французские местоимения такие же, как в латинском языке (*Pronomina apud Gallos ea ipsa sunt quae & apud Latinos*), его список категорий отличается от канонического. Во-первых, вместо шести у него только четыре категории. Во-вторых, в иерархии категорий у него падеж и склонение занимают первое место. У Доната падеж находится в конце списка категорий, а у Присциана на первом месте стоит категория лица. Интересно, что в списке категорий для класса местоимений у Ж. Гарнье нет категории лица. Это связано с тем, что он использовал при описании местоимений такие же категории, как для имени (*quemadmodum nomina*) [Garnier 1558: 23]. А у существительных и прилагательных категории лица нет.

Грамматика Ж. Пилло представляет собой интерес потому, что в ней нет списка категорий, так же, как нет определения для данного класса слов. Во всех переизданиях его грамматики описание местоимений начинается с характеристики его признаков, при этом названий грамматических категорий Ж. Пилло не дает. Интересно замечание автора относительно их полного совпадения с категориями латинских местоимений (*quae cum Latinis sunt communia*) [Pillot, 1586, p. 89].

В работе Ж. Массе также нет списка грамматических категорий для класса местоимений. Однако, зная основные положения канонических грамматик, можно увидеть, что он описывает класс местоимений с опорой на такие категории, как качество (*qualité*), род (*genre*), число (*nombre*), фигура (*figure*), лицо (*persone*), склонение (*declinaison*). Из всех категорий наиболее подробно описано склонение, а другие категории описаны в основном с помощью простого перечисления примеров. Они представлены в виде парадигм, которые расположены в столбик.

Интересное решение для проблемы грамматических признаков местоимений дано в грамматике Ш. Мопя. Сначала он перечисляет типы местоимений, а потом пишет: «Et ce font toutes les diction, que j'entens comprendre sous le titre des Pronoms, esquelles est à confiderer, le genre, la declinaison, & l'usage» (=И это все слова, которые я рассматриваю как местоимения, для них следует обращать внимание на род, склонение и узус) [Maupas 1607: 117]. Это замечание Ш. Мопя показывает, что к концу XVI в. грамматисты пересмотрели положения канона и отказались от некоторых принципов описания языка, например, от некоторых канонических категорий.

3.4.2. Категории вида, качества, фигуры

В канонических грамматиках категории вида (*species*), качества (*qualitas*) и фигуры (*figura*) использовались для распределения частей речи по типам. Для категории вида использовались такие признаки слова, как «простое» или «производное» (*primitif; derivatif*). Для категории качества использовались такие признаки слова, как «определённое» или «неопределённое» (*finita; infinita*). Для категории фигуры использовались такие признаки слова, как «простые» или «производные» (*simplicia; composita*) [Михайлова 2000].

Как показал проведённый анализ, при описании местоимений эти категории получили отражение не во всех французских грамматиках. Определений для этих категорий грамматисты не дают, вместо этого они перечисляют местоимения, которые относятся к какому-то из подтипов. Поэтому описание этих категорий занимает от двух до пяти строк в разных грамматиках. В иерархии грамматических категорий они занимают разное место.

Категория качества (*qualitas, qualité*) представлена только в грамматике Ж. Дюбуа, который написал об этой категории следующее: «Qualitatem Latinorū rerinemus, qua quaedam finita sunt, quaedam infinita» (=Мы сохраняем качество, как в латинском языке, это определённые и неопределённые местоимения) [Dubois 1531: 105]. То есть при описании данной категории он обращает внимание на

сходство французского языка с латинским и использует классификацию местоимений из грамматики Доната. В его грамматике нет сведений о том, что надо понимать под терминами «определенные» и «неопределенные». Однако эти сведения можно получить из грамматики Доната. Интересно, что в списке форм, которые приводятся как примеры для определенных и неопределенных местоимениях, у Ж. Дюбуа перечисляются только формы единственного числа местоимений. Из этого можно сделать вывод, что он (как Донат) рассматривал формы множественного числа как производные от форм единственного.

Интересно, что в двух грамматиках Доната описание категории качества отличается. В грамматике «Ars Minor» эта категория описана очень кратко: «qualitas pronominum in quo est? bipertita est: aut enim finita sunt pronomina aut infinita. quae sunt finita? quae recipiunt personas, ut ego, tu, ille. quae sunt infinita? quae non recipiunt personas, ut quis quae quod» (=В чём состоит качество местоимений? Оно двоякое: местоимения бывают или определённые или неопределённые. Какие определённые? Те, которые имеют лица, как ego, tu, ille. Какие неопределённые? Те, которые не имеют лица, как quis quae quod) [Donatis a: http]. Как видим, в этом описании категория качества для местоимений связана с категорией лица, то есть главной отличительной категорией у класса местоимений среди других именных частей речи.

В грамматике «Ars Maior» категория качества описана более подробно. С её помощью выделяются разные подтипы определённых и неопределённых местоимений: препозитивные (praepositiva), сослагательные (subiunctiva), притяжательные (possessiva), качественные (qualitatis), количественные (quantitatis), указательные (demonstrativa), относительные (relativa), более указательные (magis demonstrativa) [Donatis b: http]. Как видим, в этой части грамматики Доната при описании категории качества учитываются разные признаки местоимений.

Сравнение грамматики Ж. Дюбуа с грамматиками Доната показывает, что Ж. Дюбуа использовал при описании французских местоимений «Ars Minor». Как

и у Доната, в его грамматике категория качества занимает первое место в иерархии грамматических категорий у местоимений.

В других французских грамматиках чаще описывается категория вида (*species, espere*). Она занимает первое место в иерархии местоименных категорий. Как пишет Е.Н. Михайлова, в ренессансных грамматиках это была категория лексико-семантическая. Она была обязательным атрибутом объяснительной (или научной) грамматики. Она получила наиболее развернутое описание в латинской грамматике Присциана. Согласно его учению, в рамках данной категории рассматривалось деление имен на первичные (*primitiva*) и производные (*derivativa*) [Михайлова 2000: 289].

В грамматике Ж. Дрозе упоминается о том, что у французских местоимений есть категория вида, но ничего о ней не написано. У Л. Мегре так же, как у Присциана, написано о первичных (*primitiue*) и производных (*deriuatiue*) местоимениях. К первичным он относит *je, tu, il, ce*, а к производным – *mien, tien, sien*. При этом он пишет, что производными от первого лица являются местоимения *mon, ma, de moy, me*, а также *mien, mienne*, а от местоимения *pous* – *noz, nostre* [Meigret 1550: f 48-50]. В его грамматике описаны и другие личные местоимения. Таким образом, категория вида используется им не для того, чтобы показать все типы местоимений, а для того, чтобы объединить в одну группу местоимения, которые имеют отношение к какому-нибудь лицу: *tu ; moy, te ; ton, ta, tien / vous, voz, votre*.

У Р. Этьена для категории вида дано более подробное описание, которое показывает на то, что он опирался на «*Ars Maior*» Доната, только термин «качество» он заменил на «вид». Кроме того, в его грамматике перечисляется больше местоимений и делается разделение между ними по типам на указательные и относительные: «*Les vns font primitifs, comme Je, Tu, Soy, Il, Ce, Cest. Les autres font deriuatifs, comme Mon, Ton, Son (ou Mien, Tien, Sien) Nostre, Vostre. De ces primitifs, il en y a quatre demonstratifs, Je, Tu, Ce, Cest. Et trois relatifs, Soy, Il, Eulx*» (=Одни <местоимения> простые, как *Je, Tu, Soy, Il, Ce, Cest*. Другие производные, как *Mon, Ton, Son (ou Mien, Tien, Sien) Nostre, Vostre*. Из этих

простых четыре указательные – *Ie, Tu, Ce, Cest*. И три относительные *Soy, Il, Eulx*) [Estienne 1557: 25].

Как показал проведенный анализ, категория фигуры (*figura*) получила отражение только в грамматиках Ж. Дюбуа, Л. Мегре и Р. Этьена. Согласно канону, в рамках данной категории принято было выделять две разновидности – простые и сложные формы. У Ж. Дюбуа при описании категории фигуры основное внимание уделено только нескольким формам указательных местоимений. Для простых местоимений в качестве примера приведено указательное местоимение *chè*, для сложных – *cheſt, chèli*. Другие указательные местоимения и другие типы местоимений при описании категории фигуры в этой грамматике не получили отражения.

В грамматике Л. Мегре категория фигуры представлена также разными типами местоимений. В качестве простых форм называются *je, tu, il, mon, ton, ſon, qî*, а в качестве составных – *çetuy çu, çetuy la, toęmęme, luymęme* [Meigret 1550: 51]. Так как Мегре не приводит для них комментариев и примеров, их описание соответствует жанру элементарных, а не объяснительных грамматик.

Краткое описание акциденции фигуры дано также в грамматике Р. Этьена. Согласно канону, в ней выделяется два типа местоимений: простые (*simples*) и составные (*composées*). В качестве примеров для первых приводятся личные и притяжательные местоимения (*Ie, Tu, Il, Mon, Ton, Son*), а для вторых – личные ударные и указательные (*Cestuy ci, Cestuy la, Moymesme, Toymesme, Luymesme*) [Estienne 1557: 25]. Другие местоимения при описании данной категории в этой грамматике не получили отражения.

Другие грамматисты не использовали категорию фигуры для описания французских местоимений. Такую же закономерность в грамматиках XVI в. Е.Н. Михайлова выявила при описании имени как части речи. Она пишет, что Ж. Пилло был первым грамматистом, кто исключил категорию фигуры из списка именных категорий, заменив её на категорию вида. В этом она видит влияние на его учение о частях речи идей Скалигера (1540), который писал: «Из двух

категорий вид важнее, потому что без фигуры речь существовать может, а без вида – нет» [Михайлова 2000: 161].

3.4.3. Категория лица

Категория лица (*persona, persone*) также имеет противоречивое описание в ранних французских грамматиках, хотя это один из главных признаков класса местоимений. Эта категория представлена во всех грамматиках, только у одних авторов её описание дано очень кратко, а у других её описание дано имплицитно. Это можно объяснить влиянием канона, особенно описанием этой категории в грамматике Доната.

У Доната в грамматике «*Ars Minor*» эта категория описана следующим образом: «*personae pronominum quot sunt? tres. quae? prima, ut ego; secunda, ut tu; tertia, ut ille*» (= Сколько лиц у местоимений? Три. Какие? Первое: *ego*; второе: *tu*; третье: *ille*) [Donatus a: http].

Во французских грамматиках категория лица занимает разное место в иерархии грамматических категорий. В грамматиках Ж. Дюбуа, Ж. Дрозе, Л. Мегре, Р. Этьена она занимает второе место после качества или вида. Это показывает, что эти грамматисты отводили данной категории важное место при характеристике местоимений. Но эти грамматики отличаются по степени детализации описания.

Категория лица представлена у Ж. Дюбуа не так, как у Доната. О том, что эта категория есть у французских местоимений, можно понять по терминам, которые уточняют формы падежей при описании склонения личных местоимений: *persona prima, persona secunda, persona tertia* [Dubois 1531: 105-106]. Подробное описание данной категории дано в разделе глагола [Dubois 1531: 119], то есть не применительно к отдельно взятой форме (слову), а применительно к глагольному словосочетанию. Кроме того, при описании категории лица в качестве примеров приводятся только формы единственного числа трёх личных местоимений (*je, tu, il*). Из этого можно сделать вывод, что он рассматривал

формы множественного числа как производные от форм единственного. В этом Ж. Дюбуа следует за Донатом.

В грамматике Л. Мегре категория лица занимает второе место в иерархии местоименных категорий. Основное внимание при ее описании уделяется примерам, которые показывают особенности сочетания личных местоимений в зависимости от формы глагола. Например: «*toę ę moę ferons çela: toę, moę ę luy irons la; toę ę luy ferez çela*» (=ты и я сделаем это; ты, я и он пойдем туда; ты и он сделаете это) [Meigret 1550: 50]. Таким образом, при описании данной категории ведущим принципом является нормативный.

Р. Этьен начинает описание категории лица с замечания о том, что она у местоимений такая же, как у глаголов [Estienne 1557: 25]. Таким образом, в описании данной категории используется принцип аналогии. В целом описание данной категории в его грамматике очень короткое, при этом основную роль в объяснении природы каждого лица играют примеры, которые должны восполнить краткие объяснения. Например, про первое лицо он пишет: «Первое лицо – это такое лицо, когда говорят о себе: *Ie vi à mon aise*» [Estienne 1557: 25].

В некоторых грамматиках категория лица описана имплицитно. Это связано с тем, что эта категория имеется не у всех типов местоимений, а только у личных и притяжательных. К таким грамматикам относятся работы Ж. Пилло, П. де ла Раме, Ж. Гарнье, Ж. Массе. В них категория лица получила отражение в парадигмах склонения личных местоимений. Например:

<i>Ie, primæ declinationis sic declinatur.</i>	
Numerus singularis.	
Nominatiuus	<i>Ie vel moy, ego</i>
gen.et abla.	<i>de moy, mei vel à me,</i>
datiuus	<i>à moy vel me, mihi,</i>
accusatiuus	<i>moy vel me, me,</i>
Numerus pluralis.	
Nominatiuus	<i>Nous, nos,</i>
gen.et abla.	<i>de nous, nostrum, nobis, à nobis,</i>
datiuus	<i>à nous, nobis,</i>
accusatiuus	<i>nous, nos</i>

[Pillot 1550: 14].

Ie, moy, de moy, a moy,
 Nous, de nous, a nous,
 Tu, toy, de toy, a toy, etc. [Masset 1606: 8].

3.4.4. Категория рода

Категория рода (*genus, genre*) имеет более подробное описание, чем категории вида, качества, фигуры и лица. Она получила отражение во всех грамматиках. Однако в ходе анализа выявлены разные подходы к её описанию. Это касается места категории рода в иерархии грамматических категорий, количества родов, которые грамматисты видели у французских местоимений, а также степени полноты при её описании.

Противоречия при описании категории рода связаны, во-первых, с изменениями в системе именных частей речи, а именно: в том, что у французских имён уже не было среднего рода, как у латинских.

Во-вторых, эти изменения были обусловлены трудностями, которые возникали при попытке применить каноническую модель грамматики к описанию французского узуса. В канонических грамматиках было две модели для описания категории рода. Первая – это модель Доната. Вторая – модель Присциана. В этих грамматиках род занимал разное место в иерархии грамматических категорий, кроме того, в них имелось разное количество родов, которое античные авторы видели у латинских имён. Донат видел четыре рода: «*masculinum, femininum, neutrum, commune*» (мужской, женский, средний, общий). Кроме того, для местоимений «*ego, tu*» он выделял ещё термин «*trium generum*» (тройной род) [Donatus a; b: <http>].

А в грамматике Присциана выделено семь субкатегорий рода: «*masculinum, femininum, neutrum, omnium, epicoenum, commune, dubium*» (=мужской, женский, средний, всякий, общий, единый, сомнительный) [Priscianus 1855 II: 379]. Как пишет Л. Кукенхайм, эта латинская модель была не только хорошо известна в эпоху Возрождения, но она активно использовалась при обучении

латинскому языку. Например, она есть в латинских грамматиках И. Депотера и А. Коши [Kukenheim 1951: 64].

Е.Н. Михайлова обращает внимание на стремление гуманистов упростить традиционную схему описания категории рода и свести её к бинарному противопоставлению: мужской / женский род. Именно оно стало ведущим в большинстве грамматик, включая сопоставительные и педагогические, которые отличались консервативностью всего, что касалось сохранения внешних признаков канона [Михайлова 2000: 186].

Для категории рода Ж. Дюбуа, как Донат, выделяет четыре типа: мужской, средний (совпадающий с мужским), женский, общий. Эта классификация местоимений по родам соответствует той, которая дана им при описании класса имен. Для первых трёх родов местоимений примеры не приводятся, для общего рода в качестве примеров приведены разнотипные формы: личные безударные местоимения ед.ч. (*g-è, tu*), ударное местоимение ед.ч. (*l'oi*), притяжательные местоимения мн.ч. (*nostre, vostre*) [Dubois 1531: 105]. То есть, так же, как Донат, Ж. Дюбуа описывает общие признаки для разных типов местоимений.

Категория рода у Мегре также имеет свои особенности. Если при описании имени он отмечает, что во французском языке только два рода, то при описании местоимений он вводит третий род – общий (*commun*). Он представлен в его грамматике формами разных типов местоимений: *je, tu, loç, qi* [Meigret 1550: 51]. Это личное, возвратное, относительное и вопросительное местоимение. То есть его подход к описанию данной категории такой же, как у Дюбуа.

Р. Этьен выделяет три рода для французских местоимений: 1) мужской, 2) женский и 3) мужской и женский одновременно, т.е. общий для отдельных форм местоимений. При описании данной категории он называет в основном личные местоимения, потому что они обладают категорией одушевленности и могут замещать одушевленные имена существительные.

Категория рода местоимений по-разному описана в разных изданиях грамматики Ж. Пилло. В издании 1550 г. написано о трёх родах у французских местоимений: это мужской, женский и общий. Как видим, из описания исключена

субкатегория среднего рода, которую, как отмечает Е.Н. Михайлова, другие французские грамматисты XVI в., вслед за Донатом, включали в свои работы при описании именных частей речи [Михайлова, 2000: 187]. В издании 1586 г. Пилло пишет, что у местоимений два рода: мужской и женский (*masculina vox; foemina vox*). Кроме этого он отмечает, что у некоторых местоимений есть общий род (*communis*). Среди них он называет личные местоимения (*ie moy, ego, tu, toy*) [Pillot 1586: 14]. Но при описании указательных и притяжательных местоимений приводит парадигмы двух родов: мужского и женского.

Таким образом, динамика описания категории рода французских местоимений отражает стремление грамматистов ориентироваться не на канон, а на узус.

3.4.5. Категория числа

Как показал анализ, меньше всего противоречий в ранних французских грамматиках имеется при описании категории числа (*numerous, nombre*).

У Ж. Дюбуа при описании данной категории, согласно канону, представлено две субкатегории – единственное и множественное число. Однако в качестве их иллюстрации приведены только две формы личных местоимений – 1-го л. ед. и мн.ч. (*g-è, nous*). В этом видна неполнота грамматического описания, которая характерна в целом для описания частей речи в первой французской грамматике. Интересно, что при перечислении форм, которые иллюстрируют положение о наличии определенных и неопределенных местоимений, у Дюбуа представлены только формы единственного числа. Это говорит о том, что он (вслед за Донатом) рассматривал формы множественного числа как производные от форм единственного.

С помощью категории числа Л. Мегре разделил местоимения на три типа. В первый входят местоимения, которые имеют формы единственного и множественного числа. К ним относятся личные местоимения (*je, tu, il; nous, vous, ils*). Второй тип – это местоимения, у которых есть только формы единственного

числа. К ним тносятся указательные местоимения (*çeçu, çela*). Третий тип – это местоимения, которые имеют общие формы для двух чисел. К ним относятся возвратное, относительное и наречное местоимение (*se, qí, qe, y*) [Meigret 1550: 51]. В отличие от категорий рода и фигуры, для которых в его грамматике не дано ни одного примера, категория числа имеет в качестве примера развернутое сложноподчиненное предложение, которое показывает, как употребляются все эти местоимения в речи: «*Pièrre qí s'èn va a Rome, e qe tu conoès, a rencontré tès serviteurs qe tu y avoès envoyé, qí s'èn revenoèt a hate, affin de t'avertir de la maladie de ton fils, e que tu y donnasses ordre*» (=Пьер, который отправляется в Рим, и которого ты знаешь, встретил твоих слуг, которых ты отправил туда, и которые спешно возвращались, чтобы сообщить тебе о болезни твоего сына и чтобы ты дал распоряжения) [Meigret 1550: 51].

В основном грамматисты XVI в. пишут о категории числа очень коротко. Они отмечают, что у французских местоимений, как у имени, два числа: единственное и множественное. При этом некоторые авторы отмечают, что среди французских местоимений есть такие, которые имеют только форму единственного числа (*cesi, cela*), а есть такие, которые имеют только форму множественного числа (*ce, qui, que*). Например, об этом пишет Р. Этьен [Estienne 1557: 25].

Можно заметить, что при описании разных грамматических категорий в разных грамматиках дано описание разных разрядов местоимений. Наиболее подробно описаны личные и притяжательные местоимения. Для них приведено наибольшее количество примеров и грамматических комментариев.

3.5. Роль падежа и склонения при описании местоимений

Как показал проведенный анализ французских грамматик XVI в., основное внимание при описании местоимений их авторы уделяли категориям падежа и склонения. Такой подход был оправданным для описания латинского языка с его развитой системой склонения. Для описания французского языка, в котором

падежного словоизменения в XVI в. уже не было, сохранение падежной парадигмы в грамматиках было связано с традицией школьного обучения. Как отмечают учёные, этот подход давал возможность для сосуществования двух ренессансных традиций, которые имели разные по своей природе языки-объекты грамматического описания – латинский и французский [Kukenheim 1951; Chevalier 1968; Holtz 1981; Colombat 2013].

Для того, чтобы понять, что представляло собой описание категорий падежа и склонения в ранних французских грамматиках, рассмотрим несколько разных по жанру работ.

В грамматике Ж. Дюбуа имеется много общего с грамматикой Доната в описании падежа и склонения. Только у Доната склонение не имело статуса акциденции, а Ж. Дюбуа рассматривал данный признак как категорию, то есть изменил его статус в системе грамматического описания. При этом он отмечал: «Caus declinatione ita cognoscentur» (=падеж и склонение – это одно и то же) [Dubois 1531: 105]. При описании падежа и склонения местоимений Ж. Дюбуа почти во всем следовал за Донатом. Сначала у него даны парадигмы склонения для личных местоимений, потом для указательных и притяжательных. Падежные парадигмы в его работе есть также для вопросительных и неопределенных местоимений (*qui, quel, quele*).

Для всех парадигм склонения в его грамматике используется горизонтальное расположение примеров (т.е. простое перечисление форм). Например: «Personae primae, Nominatiuo ego, g-è, Genitiuo, mei, mõi, Datiuo, mihi, mè, & mõi, O ego, o mõi, Ablatiuo à me, a vel dè m mõi» [Dubois 1531: 105-106]. Интересно, что если в начале раздела, который посвящён описанию категории падежа, в парадигмах склонения даны названия падежей, то в конце раздела парадигмы склонения имеют неполные падежные парадигмы и простое перечисление латинских и французских форм без указания падежей. Например: «Sic tuus tuum : tõi, de ton, a ton, ton. Tua : ta, dè ta, a ta, ta. Plur. Tui, tuae, tua : tes, de tes, a tes, tes» [Dubois 1531: 110]. Из этого перечня неясно, отсутствует форма

аблятива в представленных парадигмах или она совпадает с формой какого-то другого падежа.

При описании склонения Ж. Дюбуа нередко приводит в рамках одной парадигмы падежные формы ударных и безударных местоимений (*me, moi; te, toi*). В отдельных случаях при описании местоимений даны диалектные формы, например, *moi* для французского, *mi* для пикардского, *mè* для нормандского диалектов [Dubois 1531: 107].

В грамматике Ж. Дрозе, которая также относится к жанру сопоставительных грамматик, написано, что в склонении имён и местоимений имеются отличия (*il y ha quelque difference d'auec les noms*) [Drosay 1544: 150]. В его грамматике парадигмы склонения выглядят по-другому. Вместо простого перечисления падежных форм, как у Доната и Ж.Дюбуа, используется запись в столбик. Названия и формы падежей даны в строчку, а формы лица и числа местоимений – в столбик.

Например:

		N	G	D	A	V	A
Ego	c.	S. Ie	de moi	a moi	moi		de moi
		S. Moi	de moi	me	me		
		P. Nous	de nous	a nous	nous		de nous
Tu	c.	S. Tu	de toi	a toi	toi	o toi	de toi
		S. Toi	de toy	te	te		
		P. Vous	de vous	a vous	vous	o vous	de vous

[Drosay 1544: 151].

Как видно из приведенного примера, парадигма склонения французских личных местоимений *Io, Tu* содержит информацию о латинских местоимениях 1-го и 2-го лица, сведения о формах единственного и множественного числа, а также о сочетаниях местоимений с предлогами и о формах обращения (вокатив). Этот пример показывает, что при описании местоимений через падежные парадигмы можно было получить представление не об изменении этих форм по падежам, а о сочетании местоимений с предлогами, то есть об именной группе.

В грамматике Л. Мегре категория падежа описана достаточно подробно, при этом она занимает последнее место в иерархии местоименных категорий.

Интересно, что на страницах трактата несколько раз повторяется, что во французском языке нет склонения, как в латинском языке. Например: «<...> pou' ne truuiions aocun nom qi yet de' cazes: qi font vne çerteine variaçîd de noms, dont le Latins vzet» (=У нас нет имён, у которых есть падежи, которые представляют изменения окончаний имён, как в латинском языке) [Meigret 1550: 49]. Это подтверждает мнение ученых о том, что в ранних грамматиках французского языка падеж и склонение отражали не реальный узус, а были атрибутом канона грамматического описания [Chevalier 1968; Auroux 1992].

Категория падежа в грамматике Л. Мегре описана наиболее подробно: ей отведено 11 страниц, а всем другим категориям вместе взятым – только две. Для категории падежа дано наибольшее количество примеров. Многие из них представлены в виде предложений, которые иллюстрируют особенности употребления местоимений в речи. Наряду с подробными объяснениями и комментариями Л. Мегре дает примеры, которые иллюстрируют особенности употребления местоимений в функции того или иного падежа. Описание данной категории показывает, что даже в том случае, когда грамматисты опирались на узус, они учитывали основные положения канона и проводили параллели между французским языком и латинским. Интересной является попытка Л. Мегре использовать схему-парадигму для описания падежных форм личных местоимений. Так называемые «склоняемые» формы приводятся в строчку:

<i>Nominatif</i>	<i>jenitif</i>	<i>datif</i>	<i>accusatif</i>	<i>vocatif</i>	<i>ablatif</i>
Singular.					
<i>je, ou moę</i>	<i>de moę</i>	<i>a moę, me</i>	<i>me, moę</i>		<i>de moę</i>
Pluriel.					
<i>nous</i>	<i>de nous</i>	<i>a nous</i>	<i>nous</i>		<i>de nous</i>
Singular.					
<i>tu, ou toę</i>	<i>de toę</i>	<i>a toę, te</i>	<i>te, toę</i>	<i>tu</i>	<i>de toę</i>
Pluriel.					
<i>vous</i>	<i>de vous</i>	<i>a vous</i>	<i>vous</i>	<i>vous</i>	<i>de vous</i>
Singular.					
	<i>de foę</i>	<i>a foę</i>	<i>foę, ou fe</i>		<i>de foę</i>
Pluriel.					
		<i>fe</i>	<i>fe</i>		

[Meigret 1550: 56].

Грамматика Ж. Пилло представляет интерес в связи с описанием категорий падежа и склонения потому, что это была первая французская грамматика, в которой автор значительно отошёл от канона. Это касается номенклатуры категорий, переосмысления терминов «падеж» и «склонение», использования принципов аналогии и языкового релятивизма при описании местоимений.

Одно из важных изменений, которое Ж. Пилло внес в каноническую схему описания местоимений, связано с переосмыслением традиционного термина «*declinatio*» (склонение). При описании местоимений этот термин приобрел у него дополнительное значение: 'класс' или 'разряд'. Первое склонение в его грамматике представлено личными местоимениями первого и второго лица *Je*, *Tu* и ударной формой возвратного местоимения *soy*. Второе склонение представлено указательными и относительными местоимениями *ce/teu* *su*, *ce/te* *su* и др. Третье склонение представлено притяжательными местоимениями двух типов: *mon*, *ma*, *mien*, *mienne*.

Интересно, что в описании класса местоимений основное внимание уделено именно склонению. Такие грамматические категории, как лицо, род, число оказываются в подчиненном положении по отношению к склонению. О роде и числе написано очень коротко при описании только второго и третьего типа местоимений (указательных, относительных и притяжательных). А о категории лица Ж. Пилло не пишет, хотя эта категория является главной для личных местоимений. Таким образом, в его грамматике падеж представлен как суперкатегория, то есть такая категория, которая включает в себя другие грамматические категории описываемой части речи.

Этот термин к категории падежа С.В. Колтунова применила в своём исследовании, которое было выполнено на материале испанских грамматик Золотого века. Автором работы было установлено, что категория падежа использовалась при описании всех частей речи (артикли, имя местоимение, глагол, предлог), а также она получила отражение в разделе синтаксиса ранних испанских грамматик [Колтунова 2012; Колтунова 2014].

Парадигма склонения у Ж. Пилло представлена такими же падежами, как и в латинских грамматиках. Это номинатив, генитив, датив, аккузатив, аблатив (Nominativus, Genitivus, Dativus, Accusativus, Ablativus). Что касается вокатива, то, по мнению Ж. Пилло, этот падеж есть только у трех французских местоимений: *toy, mon, nostre* [Pillot 1550: 14; Pillot 1586: 91]. Как видим, в этом списке упоминаются формы разных типов местоимений: личное местоимение второго лица ед.ч. *toy* и притяжательные местоимения первого лица *mon, nostre*.

Анализ разных изданий грамматики Ж. Пилло (1570, 1586) показывает, что парадигмы склонения для французских местоимений в них не во всем совпадают с парадигмами, которые представлены в канонических грамматиках. Интересно, что в парадигму склонения у Пилло включены не все падежи. Так, в парадигмах склонения местоимений первого типа (личных) отсутствует аблятив. В парадигмах других типов формы аблятива расположены рядом с формами генетива. Формы вокатива приводятся только для личных местоимений 2-го лица. Ко всем французским формам дается перевод на латинский язык, т.е. парадигмы являются переводными, как в большинстве педагогических грамматик.

Парадигма склонения личных местоимений 2-го лица в грамматике Пилло представлена следующим образом:

		<i>Numerus singularis.</i>
<i>Tu. &</i>	<i>Nominatiu^s</i>	<i>Tu vel toy, tu,</i>
<i>Toy.</i>	<i>genitiuus</i>	<i>de toy, tui,</i>
	<i>datiuus</i>	<i>à toy, tibi,</i>
	<i>accusatiuus</i>	<i>toy, te,</i>
	<i>vocatiuus</i>	<i>o toy, o te.</i>
		<i>Numerus pluralis.</i>
	<i>Nominatiu^s</i>	<i>Vous, vos,</i>
	<i>genitiuus</i>	<i>de vous, vestrum vestri à vobis,</i>
	<i>datiuus</i>	<i>à vous, vobis,</i>
	<i>accusatiuus</i>	<i>vous, vos,</i>
	<i>vocatiuus</i>	<i>o vous, o vos.</i>
		<i>Raro tamen exprimitur ô aduerbium vocandi.</i>

[Pillot 1550: 14].

Для местоимений второго и третьего типа (или склонения) приведены сокращенные парадигмы. В них представлены четыре падежа из пяти канонических: номинатив, генитив, аблатив и датив. Каноническая последовательность падежей в парадигме также была изменена. Например, указательное местоимение *ceftuy* *cy* в данной грамматике склоняется следующим образом:

	Singularis numerus.
Nominatiuus	<i>ceftuy cy, hic vel ifte,</i>
gen.et abla.	<i>de ceftuy cy, huius & ab hoc,</i>
datiuus	<i>à ceftuy cy, huic</i>
	Numerus pluralis.
Nominatiuus	<i>ceux cy, hic & hos,</i>
gen.et abla.	<i>de ceux cy, horum & ab his,</i>
datiuus	<i>à ceux cy, his.</i>

[Pillot 1586: 55].

На страницах своей грамматики 1550 г. Пилло несколько раз повторяет, что у этих местоимений совпадают номинатив и аккузатив, а также генитив и аблатив: «*Accusatiui Nominatiuis, Ablatiui Genitiuis sunt similis*» [Pillot 1586: 15-18]. Е.Н. Михайлова рассматривает замечания такого рода как отражение принципа аналогии, к которому прибегали грамматисты XVI в. для того, чтобы сделать описание более компактным [Михайлова 2000: 89; Михайлова 2008а: 176]. Приведенные в качестве примера парадигмы склонения отражают еще один ведущий принцип описания языка, который использовал Ж. Пилло: сопоставление французских форм с латинскими. Как отмечает Ж.-Кл. Шевалье, это был один из наиболее эффективных принципов двуязычной педагогики в грамматиках XVI в. [Chevalier 1968: 159].

Р. Этьен внёс свои изменения в принципы описания местоимений и их грамматических категорий. В его трактате категория склонения имеет особый статус: это равноправный и в то же время дополнительный признак для категории падежа. Категория падежа-склонения имеет в его грамматике наиболее полное описание, хотя занимает последнее место в иерархии местоименных категорий. Её описание занимает десять с половиной страниц, а описание всех других категорий – только одну страницу. Как и в грамматике Л. Мегре, для неё дано большое

количество примеров. Так же, как Л. Мегре, Р. Этьен несколько раз повторяет, что во французском языке нет склонения, как в латинском [Estienne 1557: 26-29].

По мнению Р. Этьена, у французских местоимений следует различать три склонения: первое, к которому относятся три местоимения – *Ie*, *Tu*, *Soy*, второе, к которому относятся указательные и относительные местоимения (*ce ceste, cestuy, ceci, cela*), и третье склонение, к которому относятся притяжательные местоимения (*mon, ton, son*) [Estienne 1557: 25-28]. Для описания категории падежа он использует в основном развернутые и полные парадигмы, которые расположены в столбик. Однако в отличие от грамматик Ж. Дюбуа и Л. Мегре, парадигмы склонения в его трактате вертикальные.

Как отмечают ученые, в грамматиках второй половины XVI в. стали регулярно использоваться парадигмы с вертикальным расположением падежей в парадигмах склонения [Kukenheim 1932; Chevalier 1968; Михайлова, Колтунова 2012: 125]. Л.Г. Степанова объясняет эту закономерность прогрессом книгопечатания и совершенствованием полиграфической техники (выравнивание столбца) [Степанова 2000: 191].

Другим отличием парадигмы склонения в грамматике Р. Этьена от многих других грамматик XVI в. является отсутствие перевода французских форм на латинский язык. Кроме того, Р. Этьен использует только французские термины для названий падежей. Склонение личного местоимения *Ie* представлено в его грамматике следующим образом:

Ie se decline ainſi,	
Nominatif	Ie ou Moy,
Genitif,	de Moy.
Datif,	à Moy, ou Me.
Accusatif,	Moy, ou Me
Ablatif,	à Moy, ou Me
Le pluriel,	
Nominatif,	Nous.
Genitif,	de Nous.
Datif,	à Nous.
Accusatif,	Nous.
Ablatif,	à Nous, ou de Nous.

[Estienne 1557: 26].

При описании склонения местоимений второго и третьего типа для форм множественного числа даны сокращенные парадигмы. Например, склонение указательного местоимения *ceste* во множественном числе представлено следующим образом:

«Nominatif, *Cestes*, ainſi par tous les cas» (=Номинатив: *Cestes*, [склоняется] точно так же и в других падежах) [Estienne 1557: 29].

Такие сокращения также свидетельствуют об использовании принципа аналогии в системе грамматического описания у Р. Этьена.

Несмотря на то, что в парадигмах склонения Р. Этьен не дает параллельных форм на латинском языке, в его грамматике встречаются упоминания о латинском происхождении французских местоимений. Так, например, он пишет, что французское местоимение *Quei* происходит от латинского *Qualis*, а местоимение *Quoy* употребляется во французском так же, как *Quid* в латинском [Estienne 1557: 33].

Ж. Гарнье также внёс значительные изменения в каноническое описание частей речи. В описании класса местоимений это выразилось в том, что главным признаком для данной части речи называется категория падежа. В первую очередь дается описание парадигм склонения местоимений, которые не изменяются по родам. Ж. Гарнье не пишет о количестве родов у французских местоимений, но при описании склонения разных типов местоимений он приводит парадигмы двух родов: мужского и женского (*masculina vox; foeminina vox*).

Также Ж. Гарнье внес некоторые изменения в каноническую парадигму склонения. В его грамматике она представлена только тремя падежами. Это номинатив, генетив и датив (*Nominativus, Genitivus* и *Dativus*). В этой парадигме отсутствуют аккузатив и аблатив (*Accusatiuus et Ablatiuus*). Что касается вокатива, то, по мнению Ж. Гарнье, этот падеж имеется только у трех французских местоимений: *toy, mon* и *nostre* [Garnier 1558: 24].

В отличие от ранее изданных грамматик Ж. Дюбуа и Ж. Пилло, в которых приводились параллельные примеры на французском и на латинском языках, в

грамматике Ж. Гарнье примеры даны только на французском языке, хотя его грамматика написана на латинском языке.

При описании частей речи Ж. Гарнье опирается на такой традиционный принцип грамматики, как принцип аналогии. Его использование видно в том, что Гарнье проводит сравнение класса местоимений с такой частью речи, как имя (в его грамматике это класс существительных, прилагательных и числительных). Например: “Declinationéſque, caſus, genera & numerous accipient, quemadmodum & nomina” (=Категории склонения, падежа, рода и числа у местоимений такие же, как у имён) [Garnier 1558: 23].

Грамматика Ж. Массе принадлежит к числу элементарных грамматик, поэтому принцип компрессии информации является для неё главным. В этой грамматике склонение также описано наиболее подробно, а другие категории даны в основном с помощью простого перечисления примеров. Они представлены в виде парадигм, которые расположены в столбик.

Компрессия информации в грамматике Ж. Массе достигается как благодаря двуязычным латинско-французским парадигмам, так и благодаря отсутствию названия падежей. Кроме того, «склоняемые» формы приводятся в строчку и в столбик. Например:

Ie,	moy,	de moy,	a moy,
Nous,		de nous,	a nous,
Tu,	toy,	de toy,	a toy, etc.

[Masset 1606: 8].

Интересно, что в приводимых Ж. Массе парадигмах падежные формы представлены по горизонтали, а формы лица и числа по вертикали:

Le mien,	du mien,	au mien,
Le tien,	du tien,	au tien,
Le ſien,	du ſien,	au ſien, etc.

[Masset 1606: 10].

Это позволяет говорить, что до конца XVI в. во французских грамматиках не были выработаны общие принципы расположения форм в парадигмах склонения.

3.6. Принцип языкового релятивизма при описании французских местоимений

Как отмечают учёные, одним из ведущих приемов грамматического описания в XVI в. был поиск сходств и различий между родным языком и другими языками. Вслед за Е.Н. Михайловой мы будем называть этот прием принципом языкового релятивизма. Его ключевыми понятиями были «сходство», «различие», «подражание», «аналогия» [Михайлова 2008 б].

Как правило, сравнение французского языка проводилось с наиболее престижными древними языками: в основном с латинским и греческим и намного реже с древнееврейским. Это связано с тем, что в начале XVI в. в Европе началось движение Реформации. Новое прочтение текста Библии требовало более глубокого, чем раньше, знания трёх языков священного Писания. Поэтому три языка Библии (латинский, греческий и древнееврейский) стали предметом большого внимания гуманистов. Для этого стали создаваться новые грамматики этих языков [Kukenheim 1951: 27-28].

Авторы грамматик XVI в. также сравнивали французский язык с некоторыми новыми языками. В их числе были итальянский, испанский, немецкий, английский, голландский. Итальянский язык был самым престижным из них. Поэтому в апологиях живых языков (французского, испанского, португальского и др.) проводилось сравнение с итальянским языком. Грамматисты делали это для того, чтобы доказать, что их родной язык не беднее и не хуже, чем итальянский. Например, об этом написано в знаменитом трактате Ж. Дю Белле «Deffence et Illustration de la Langue Françoise» (=Защита и прославление французского языка) [Du Belley 1549]. Сравнение французского языка с другими живыми языками проводилось чаще всего в обучающих грамматиках, которые были предназначены носителям этих языков. Примером двуязычной французско-английской грамматики является трактат Дж. Пальсграва «L'éclaircissement de la langue française (= an introductorie for to lerne, to rede, to pronounce and to speke French trewly) [Palsgrave 1530].

Обращение французских грамматистов при описании родного языка к другим языкам можно объяснить следующим образом. Во-первых, это связано с особенностями преподавания языков: изучение основ грамматики в то время начиналось с латинского языка, который тогда был самым престижным языком в Европе. Именно поэтому авторитетные латинские грамматики стали основой для всех национальных лингвистических традиций Европы [Kukenheim 1932; Colombat 1999; Степанова 2000]. Во-вторых, это связано с особенностями языковой ситуации не только во Франции, но и в других странах Западной Европы в XVI в. Историки языка характеризуют сложившуюся ситуацию как билингвизм или многоязычие [Dauzat 1930; Caput 1972; Chaurand 2006]. В-третьих, попытки грамматистов определить особенности французского языка были связаны с процессом становления национального самосознания во Франции в связи с формированием французского национального государства и стремлением кодификаторов выработать единые нормы французского литературного языка [François 1959; Clericot 1999; Катагощина, Васильева 1996; Скрелина 1972; Скрелина, Становая 2005].

Рассмотрим, каким образом принцип языкового релятивизма получил отражение при описании класса местоимений.

Проведенный нами анализ французских грамматик XVI в. показывает, что этот принцип был применён в разной степени при описании французских местоимений. Его использование во многом зависело от жанра грамматики. Он получил наиболее широкое отражение в сопоставительных, педагогических и элементарных грамматиках. Рассмотрим наиболее известные из них.

В грамматике Ж. Дюбуа (1531), которая представляет собой сопоставительный тип грамматического описания, этот принцип является главным для выявления особенностей французских местоимений. Это касается их форм и характера их употребления в речи. Например, о категории качества он пишет, что она такая же, как и в латинском языке (=Qualitatem Latinorū retinemus) [Dubois 1531: 105]. О категории числа он пишет, что во французском, так же, как и в латинском, два числа – единственное и множественное: «Numerus nobis pariter

vt Latinis duplex, singularis, vt ego g-è: pluralis, vt nos noûs » (=У нас два числа, как в латинском языке: единственное ego g-è; множественное nos noûs) [Dubois 1531: 105]. То есть он пытался найти общие черты между французским и престижным латинским языком.

В этой грамматике все формы французских местоимений приводятся рядом с латинскими формами. При этом именно латинские формы стоят на первом месте, а французские на втором. Такое их расположение объясняется тем, что автор хотел создать французскую грамматику по образцу латинской, о чём он написал в Предисловии к своей работе [Dubois 1531: aiiii]. Именно поэтому он назвал свою работу «Grammatica Latino-Gallica» (=Латинско-французская грамматика).

Для описания французских местоимений кроме сравнения с латинскими формами в грамматике Ж. Дюбуа используется также сравнение с греческими формами местоимений. Например: «Ego ἐγώ, nos vel o, feu ω in è O ; Genitiuus, mei, ἐμοῦ ; à noſtrum datiuum môi factum putarim: vt à datiuo ἐμοί & μοί, noſtrum datiuim môi diphtongo Graeca» [Dubois 1531: 105-106]; «Acctu aspero in S verso, ut quod illis ὑύώες, ὑύώος»; «Nifi forte àn Graecorum poſſeſſiuus ἐμός ἐμή : σός, έςς, έή, έόμ, nos haec, vt Latinos, mauis mutatos fuiſſe» [Dubois 1531: 110].

Анализ грамматики Ж. Дюбуа показал, что он не сравнивал французские местоимения с древнееврейскими, хотя при описании существительных и глаголов такие сравнения иногда проводились.

Ж. Дюбуа был одним из первых грамматистов, кто написал, что французские личные местоимения il, ils происходят от латинских указательных местоимений ille, illi [Dubois 1531: 112]. Однако, как пишут известные учёные, об этом было хорошо известно не только в начале XVI в., но и раньше. Сведения об этом есть в грамматиках Г. Биббесворта (начало XIV в.), Дж. Бартона (конец XIV в.), А. Барклея (1521), Дж. Дьюиса (1532). Об этом также писал Дж. Пальсграв (1530) [Percival 1988; Kibbee 1989; Бокадорова 1994].

Интересно, что кроме классических языков при описании местоимений встречаются замечания о диалектных формах французских местоимений.

Например: «Vnde Picardorum mi, & Northmanorū mē pro mōi iniuria reliquis Gallis subfannatur» (= Отсюда пикардское *mi* и нормандское *mē* вместо *mōi*, которое употребляют в речи другие французы) [Dubois 1531: 107].

В другой сопоставительной грамматике, автором которой был Ж. Дрозе (1544), также проводится сопоставление французского языка с тремя классическими языками: латинским, греческим и древнееврейским. Каждому языку отводится отдельная часть в тексте грамматики. При этом в иерархии языков французский занимает последнее место. Интересно, что в отличие от других языков, где объяснение даётся по-латински, о французском языке автор пишет по-французски. То есть в этой части его работы язык-объект и язык-инструмент грамматического описания совпадают.

В грамматике Ж. Дрозе описание местоимений начинается с такого замечания: «Le pronom en françois ha autant d'accidentz qu'en Latin: l'espece, la personne, le nombre, sont semblables; le genre, la case, la declinaison varient» (=Во французском языке у местоимений имеются такие же грамматические категории, как и у латинского: вид, лицо, число; что касается категорий рода, падежа и склонения, то они не совпадают в этих языках) [Drosay 1544 : 150]. Далее автор описывает особенности французского узуса, что позволяет увидеть не сходства, а отличия этого языка от других, которые представлены в этой грамматике.

Если в сопоставительных грамматиках принцип языкового релятивизма представлен замечаниями о сходствах и отличиях между описываемыми языками, то в педагогических грамматиках он получает отражение в виде латинско-французских парадигм. Как отмечают учёные, наблюдения их авторов за формами и значениями слов позволили им сделать сопоставление французского языка с латинским эффективным средством двуязычной педагогики, а в дальнейшем привели к необходимости глубокого осмысления выявленных фактов родного языка [Chevalier 1968; Colombat 1999; Auroux 2000].

Как показал проведённый нами анализ грамматик, в основном двуязычные парадигмы для местоимений получили отражение при описании категории падежа. При описании других категорий для класса местоимений (лицо, род,

число, фигура) принцип языкового релятивизма не получил отражения. Интересно, что почти во всех грамматиках названия падежей написаны по-латински.

В педагогических грамматиках падежная парадигма представлена параллельными французскими и латинскими формами. Так, в грамматике Ж. Пилло (1550) парадигма склонения личных местоимений Tu, Vous представлена следующим образом:

		<i>Numerus singularis.</i>
Tu. &	<i>Nominatiu^o</i>	Tu vel toy, tu,
Toy.	<i>genitiuus</i>	de toy, tui,
	<i>datiuus</i>	à toy, tibi,
	<i>accusatiuus</i>	toy, te,
	<i>vocatiuus</i>	o toy, o te.
		<i>Numerus pluralis.</i>
	<i>Nominatiu^o</i>	Vous, vos,
	<i>genitiuus</i>	de vous, vestrum vestri à vobis,
	<i>datiuus</i>	à vous, vobis,
	<i>accusatiuus</i>	vous, vos,
	<i>vocatiuus</i>	o vous, o vos.

[Pillot 1550: 14].

Как видим, в этой парадигме французские формы (Tu, toy, de toy, à toy etc.) стоят на первом месте, а латинские (tu, tui, tibi, te, etc.) на втором. Однако сама парадигма построена по образцу традиционных латинских грамматик. Поэтому можно сказать, что в описании французских местоимений автор использует латинскую каноническую модель. Этот же приём он использует для описания указательных и притяжательных местоимений. Например:

		<i>Singularis numerus.</i>
	<i>Nominatiu^o</i>	cestuy cy, hic vel iste,
	<i>genitiuus</i>	de cestuy cy, huius & ab hoc,
	<i>datiuus</i>	à cestuy cy, huic.
		<i>Pluralis numerus,</i>
	<i>Nominatiu^o</i>	ceux cy, hi & hos,
	<i>genitiuus</i>	de ceux cy, horum & ab his,
	<i>datiuus</i>	à ceux cy, his,

[Pillot 1550: 15].

Можно заметить, что в педагогических грамматиках двуязычные примеры представлены по-разному. Они должны были показать отличия, которые имелись между латинскими и французскими местоимениями. Например, в грамматике Ж. Гарнье описание местоимения начинается с замечания: «Pronomina apud Gallos ea ipsa sunt quae & apud Latinos» (=У французов местоимения те же, что и у римлян) [Garnier 1558: 23]. Но в парадигмах склонения местоимений даны только французские формы. Сравнение с латинскими местоимениями автор проводит перед парадигмами. Например, при описании французских указательных местоимений он отмечает, что они имеют то же значение, что и латинские местоимения *is, ea, id* и *ille, illa, illud*:

**Paradigma pronominis *is, ea, id, quod*
idē ferè significat quòd *ille, illa, illud*.**

<i>Masc. vox singularis</i>	{	<i>nominativus</i>	<i>celuy</i>
		<i>genitivus</i>	<i>de celuy</i>
		<i>dativus</i>	<i>à celuy</i>
<i>Plural.</i>	{	<i>nominativus</i>	<i>ceux</i>
		<i>genitivus</i>	<i>de ceux</i>
		<i>dativus</i>	<i>à ceux</i>

[Garnier 1558: 26].

Много примеров на двух или на нескольких языках имеется в грамматиках, которые были предназначены для обучения французскому языку иностранцев. Самыми известными среди них были грамматики А. Коши и Г. Мерье. В грамматике А. Коши проводится сравнение французских форм с латинскими и немецкими. Латинский язык используется как международный язык образования, а немецкий как родной язык учеников.

Грамматика Г. Мерье представляет собой практическое пособие по обучению живым языкам. Это французский, итальянский, испанский и фламандский языки. В основном автор описывает особенности спряжения глаголов в этих языках. Поэтому в ней приводятся параллельные парадигмы для четырёх языков. Таким образом, при описании спряжения глаголов показано употребление личных приглагольных местоимений. Например:

{ Je seroye tu ferois il seroit nous ferions vous seriez ils feroient }	volütiers	{ yo sarei tu saresti quello sarebbe noy saremo voy sareste quelli sarebbero }	volentieri
--	------------------	---	-------------------

{ yo seria tu serias aquel seria nos-otros seriamos vos-otros seriades aquellos serian }	de buena gana	{ ich waer ghy waert hy waer wy waren ghy lieden waert sy lieden waren }	gherne
---	----------------------	---	---------------

[Meurier 1563: ff. 16 a-17].

В параллельных парадигмах на четырёх языках получили отражение также формы притяжательных местоимений:

	Demonstrant	Demostrando	Demonstrando	Wijfende
Voicy	{ Ian mon liure mon cas }	Ecco qui	{ Gio u anni il mio libro il caso mio a qui }	{ à Iuan mi libro mi caso hiet hier }
Voyla	{ la voye la vie la verité le Seignr ma bour- (se }	Ec- co	{ la via la vita la verita il Signore la mia borsa }	{ el camino la vida la verdad el Señor mi bolsa hiet daer }
				{ Jan mijn boeck mijn sake den wech dat leuen die waerh die Heer mijn boise }

[Meurier 1563: f. 42].

Еще один жанр, в котором широко представлен принцип языкового релятивизма, это элементарные грамматики. Краткое описание материала и примеры вместо объяснения правил были распространёнными приёмами в таких работах. К числу таких грамматик относится работа Ж. Массе (1605). При описании категории склонения для местоимений в ней даже не указываются названия падежей. Понять особенности употребления французских местоимений с предлогами или без предлогов может только хорошее знание канонических

латинских грамматик и правый столбик парадигмы, в котором приведены латинские эквиваленты французских форм:

le, du, au	ille ; illius ; illi
les, des aux	illi ; illae ; illorum ; illarum ; illis
la, de la, à la	illa ; illius ; illi

[Masset 1605: 4].

По-своему принцип языкового релятивизма представлен в объяснительных грамматиках. Так, например, в трактате Л.Мегре (1550) грамматические параллели с латинским или греческим языком встречаются редко. Однако известно, что при написании своей работы он опирался на грамматику Присциана – самую полную латинскую грамматику, в которой сопоставление латинского языка с греческим было одним из главных приёмов грамматического описания. Интересно, что из-за несоответствия грамматических систем латинского и французского языков некоторые французские местоимения оказались у Л. Мегре за рамками грамматического описания. То есть даже в объяснительных грамматиках при описании родного языка авторы ориентировались на латинский язык и латинские грамматики.

При описании французских местоимений в трактате Л. Мегре мало упоминаний о латинском языке. Так, он обращает внимание на случаи усиления в речи форм с помощью местоимений, например *moymesmes*. Он называет их повторами (= *repetition*) и сравнивает с латинскими формами *ego ipse, ego ego Dominus*. Он пишет, что такое же употребление местоимений есть в латинском и греческом языках [Meigret 1550: 51 a]. В его трактате есть похожие замечания о местоимениях «*çe*» [Meigret 1550: 54] и «*le*» [Meigret 1550: 55 b].

Несмотря на то, что грамматика Ш. Мопя относится к жанру узуальных грамматик, в ней тоже есть упоминания о латинском языке и приводятся сравнения французских местоимений с латинскими. Например, про местоимение «*mefme*» он пишет: «*Mefme <...> vaut autant que les Latins, idem, eadem, idem*» (= *Mefme* значит то же самое, что латинские *idem, eadem, idem*). Примеры, которые иллюстрируют это правило, приводятся на двух языках – на французском и на латинском [Maupas 1607: 162].

По-разному представлен принцип языкового релятивизма в грамматиках известных французских филологов, лексикографов и издателей Р. и А. Этьенов. Р. Этьен сравнивал французские формы с латинскими, потому что считал, что французский язык происходит от латинского. Его сын А. Этьен считал, что у французского языка много общего с греческим. Поэтому в его работах имеются многочисленные сравнения французского языка не с латинским, а с греческим языком. Этой теме он посвятил целый трактат: «Traicté de la conformité du langage françois avec le grec» (1565).

Так как грамматика Р. Этьена (1557) была объяснительной и узуальной грамматикой, в ней имеется немного сравнений французского с латинским языком. Некоторые упоминания о латинском языке касаются терминов грамматики. Это касается определения местоимения через этимологию термина. При описании местоимений Р. Этьен указывает на латинское происхождение некоторых французских местоимений. Например, для местоимения *quel* он дает такое объяснение: «*Quel vient du mot Latin quailis*» (*Quel* происходит от латинского слова *quailis*) [Estienne 1557: 33]. О местоимении *Quoy* он пишет: «*Quoy, il semble qu'il nous sert pour le Quid ou Quod des Latins*» (=Кажется, что *Quoy* служит нам так же, как в латинском языке *Quid* или *Quod*) [Estienne 1557: 33]. Как показывает анализ грамматики Р. Этьена, при описании таких частей речи, как имя и глагол, сравнений французских форм с латинскими намного больше. Небольшое количество замечаний о сходстве французских и латинских местоимений в его грамматике можно объяснить тем, что система латинских местоимений значительно изменилась в новом романском языке. Поэтому авторы французских грамматик находили мало соответствий между ними. Это касается форм местоимений и особенностей их употребления в речи. Поэтому в узуальных грамматиках принцип языкового релятивизма почти не получил отражения.

А. Этьен проводил исследования по сопоставлению родного языка с латинским, греческим и итальянским. Л. Клеман писал, что у А. Этьена была страсть к сопоставлениям. Так, он сумел выявить слова и выражения во французском и латинском языках, в которых соотносятся форма и значение;

слова, в которых форма совпадает, а значения нет; слова, в которых значения совпадают, а форма не совпадает. Впервые он использовал этот метод в трактате «Traicté de la conformité du langage françois avec le grec». Потом использовал его в других своих филологических работах [Clément 1898: 268].

Описание местоимения как части речи представлено только в одном из филологических трактатов А.Этьена: «Hîpomneses de Gallica lingua» (1582). В нём имеются многочисленные случаи сравнения форм французских местоимений с латинскими и греческими. Например: «Idem porro & in pronomine Il, quod ex Latino Ille factum est locum habet» [Estienne 1582 : 159]; «Primû autem hoc erit, nos pronomen Мой, (quod ex μοι factu, non solum Pro hoc datiuo,& pro accusativo,verumetiã pro nominatiuo Ego vsurpamus) verbo non præfigere, fed alterû quod est Le» [Estienne 1582: 160]; «Nos nosipsos accusamus, vel Nos accusamus. Neque enim hic ita necessarius est compositi pronominis usus ut apud Graecos. Barbarum enim ill esset ἡμᾶς, non ἑαυτούς, adhibere» [Estienne 1582: 163]; «In iis autem praesertim locis Latinae oiationis structura respondere Gallica: non potest 'ubi idem verbum cum secunda 'etiam: tertiã persona non vsurpamus: aut certe non eundem illi usum dantes. Ac certe ἀμετάβατα fere sunt» [Estienne 1582: 163]. В этом трактате А. Этьена имеется самое большое количество примеров, которые показывают использование принципа языкового релятивизма при описании класса местоимений по сравнению с другими французскими грамматиками XVI в.

Проведенный анализ французских грамматик XVI в. показал, что принцип языкового релятивизма получил разное применение при описании класса местоимений. Его использование наиболее широко представлено в сопоставительных, педагогических и элементарных грамматиках. В объяснительных и узуальных грамматиках этот принцип представлен меньше. Французские грамматисты сумели выявить особенности местоимений в родном языке благодаря поиску сходств и различий между формами и значениями французских местоимений с латинскими, греческими, а также с местоимениями других европейских языков.

Выводы по третьей главе

1. Проведённый анализ показал, что единых принципов описания местоимений во французских грамматиках XVI в. не было, хотя все грамматисты опирались в своих работах на греко-латинский канон. В качестве модели-эталона при описании местоимений послужили две версии грамматики Доната – «*Ars minor*» и «*Ars major*». Грамматика Присциана оказала незначительное влияние на описание местоимений в некоторых объяснительных грамматиках. Некоторые авторы объяснительных грамматик использовали модель описания частей речи по работам Варрона и Лоренцо Валлы. Отступления от канонической модели в грамматиках XVI в. обусловлены отличиями между французским узусом и греко-латинским каноном.

2. Противоречия в описании местоимений касаются, во-первых, внешних атрибутов канона грамматического описания. К ним относятся: полнота грамматического описания местоимений, статус местоимения как части речи, его границы и его место в иерархии частей речи. Во-вторых, множество противоречий выявлено также в содержании грамматического описания. К их числу относятся: определение местоимения, типы местоимений, которые получили отражение в грамматиках, номенклатура грамматических категорий местоимений.

3. Описание местоимений в грамматиках XVI в. отличается неполнотой и схематичностью. Прежде всего это касается определения местоимения как части речи. В большинстве грамматик используются остенсивные определения. В объяснительных грамматиках определения для местоимения как части речи имеют большие отличия. Кроме того, не все типы французских местоимений и не все их грамматические категории представлены в грамматиках XVI в. в равной степени. Сравнительно полное описание получили личные, притяжательные и наиболее частотные указательные местоимения. За рамками грамматического описания осталась значительная часть указательных местоимений, а также относительные, возвратные, наречные, неопределённые местоимения и

большинство вопросительных местоимений. Из всех грамматических категорий больше всего внимания уделено категории падежа, несмотря на то, что падежного словоизменения к тому времени во французском языке уже не было. Содержание категорий падежа и склонения было значительно переосмыслено.

4. Затруднения, которые испытывали авторы французских грамматик в связи с необходимостью систематизации французских местоимений, во многом были связаны с несколькими причинами. Во-первых, это наличие двух канонических грамматик (Донат и Присциан), на которые ориентировались грамматисты XVI в. при описании французского языка. Во-вторых, это различия системного характера между языком-эталоном (латынью) и языком-объектом грамматического описания (французским языком). В-третьих, это высокая вариативность французского узуса в XVI в., которая затрудняла классификацию форм.

5. Одним из главных приёмов при описании частей речи в грамматиках XVI в. был принцип языкового релятивизма. Через сопоставление форм разных языков он позволял выявить сходства и различия между ними и понять особенности французского языка. Этот принцип использовался в разной степени при описании класса местоимений. Наиболее широко он представлен в сопоставительных, педагогических и элементарных грамматиках. В объяснительных и узуальных грамматиках он получил отражение в меньшей степени. Французские грамматисты сумели выявить особенности местоимений в родном языке благодаря поиску сходств и различий между формами и значениями французских местоимений с латинскими, греческими, а также с местоимениями других европейских языков.

Результаты проведенного анализа дают возможность увидеть, что французские грамматисты критически переосмыслили и адаптировали основные положения греко-латинского канона к описанию французского языка с учетом особенностей французского узуса.

Глава 4. Норма и узус в описании французских местоимений

4.1. Соотношение «правило – пример» в описании класса местоимений

Специфика описания класса местоимений в текстах первых французских грамматик связана не только с решением проблемы частей речи, то есть описанием системы данного класса слов. Во всех грамматиках имеются также правила и примеры, которые отражают особенности того, что кодификаторы XVI в. называли «le bon usage» (=правильная французская речь).

Как пишет Н.Ю. Бокадорова, структурирование знания о языке основано на структуре языковой деятельности человека. Поэтому изменения в практике языкового употребления ведут к изменениям в языковой теории [Бокадорова 1987: 10-11]. Таким образом, не только понимание разницы между грамматическими системами латинского и французского языков привело к изменению в структуре грамматик XVI в. Сложная ситуация многоязычия, которая была в то время во Франции, также оказала влияние на изменение в структуре грамматического описания. Кроме того, как отмечают ученые, на обновление содержания и структуры текстов ранних французских грамматик повлиял весь культурно-исторический контекст эпохи Возрождения.

Историки языкознания подчёркивают, что правила и примеры содержат важную информацию о языке грамматического описания. Их задача состоит в том, чтобы описываемое явление было максимально полно представлено в тексте грамматики. Учёные обращают внимание на то, что принципы отбора и презентации примеров в текстах грамматик отражают закономерности кодификации языка в ту или иную эпоху и дают представление о норме литературного языка в разные периоды его истории [Chevalier 1976: 201; Ольховиков 1985: 145; Бокадорова 1987: 115].

На важность системы примеров (экземплификации) в системе грамматического описания обращали внимание многие известные ученые. Но интерес к теоретической стороне проблемы экземплификации возник только в 20-

30-е гг. XX в. Он был вызван развитием теории языковой нормы. Во второй половине XX в. в разработку проблемы экземпликации значительный вклад внесли Б. Кемада (1967), Ж.-Кл. Шевалье (1976), К. Персиваль (1983, 1988, 1996), С. Ору (1992, 1994) и др. Постепенно у учёных сформировалось понимание того, что принцип экземпликации может быть использован в качестве специальной методики для изучения истории грамматики. Её значение состоит в том, что она позволяет получить более полное представление о национальных особенностях лингвистических традиций через изучение критериев выбора образцов для подражания, которые положены в основу кодификации языка [Михайлова, Колтунова 2012: 121-122].

Как пишут известные учёные, экземплификация – это своеобразная универсалия грамматического описания. При этом принцип экземпликации зависит от нескольких факторов. К числу наиболее важных из них они относят следующие: особенности лингвистической ситуации, в которой осуществляется процесс кодификации языка, уровень развития литературной традиции, типология грамматик, принадлежность примеров к определенному разделу грамматики и определенному уровню грамматического описания. В то же время принципы отбора и презентации примеров для иллюстрации тех или иных языковых явлений во многом определяются их природой, а также мировоззрением, литературными и эстетическими предпочтениями авторов грамматик. При этом ранние французские грамматики, так же, как грамматики всех ранних национальных традиций, содержат авторские примеры. Это примеры, которые были подобраны самими авторами грамматик для иллюстрации того или иного правила. По свидетельству учёных, литературные примеры, то есть примеры, которые были взяты из сочинений лучших писателей, появились в грамматиках только в конце XVII в. А в XVIII в. они стали вытеснять авторские примеры [Chevalier 1976: 202-203; Ольховиков 1985: 140; Бокадорова 1986: 130].

В последнее время появились интересные исследования, которые посвящены изучению принципа экземпликации в разных лингвистических традициях (итальянской, французской, испанской, португальской и др.). Однако

внимание учёных привлекают в основном словари и грамматики XVII-XVIII вв. При изучении принципа экзemplификации по текстам французских грамматик были поставлены такие вопросы, как соотношение понятий «правило-пример», типология примеров, литературные источники примеров, характер функционирования примера в грамматиках. Кроме того, проанализирована лексическая природа примеров, проведено сопоставление принципа экзemplификации в разных западноевропейских грамматиках XVI в. (латинских, французских, испанских, итальянских и др.).

К числу нерешённых вопросов, которые связаны с выявлением закономерностей и специфики экзemplификации во французской лингвистической традиции, относится изучение роли примера при описании класса местоимений.

Ж.-Кл. Шевалье показал зависимость между теорией и примером в истории грамматической традиции. Этот учёный обратил внимание на то, что в истории грамматики имеется несоответствие между (а) базовыми правилами (*règles de base*) и корпусом примеров (*leur corpus d'exemples*) и (б) многочисленными возможностями речи (*les possibilités multiples du discours*) [Chevalier 1976: 202]. Это значит, что в грамматиках получают отражение не все особенности языка-объекта описания, кроме того, нет симметрии между правилами и примерами.

В исследовании М.Э. Кистеревой, которое посвящено роли примера в ренессансных грамматиках (Небриха, Оливейра, Барруш, Р.Этьен), отмечено, что примеры в них часто носят бессистемный характер. Это выражается в том, что одни положения подкрепляются примерами, другие – нет. Автор исследования связывает эту особенность с тем, что рассмотренные грамматики представляют собой начальный этап становления новой европейской лингвистической традиции с присущими ему колебаниями в использовании процедур и методов анализа [Кистерева 2008: 183].

Другая точка зрения высказана Е.Н. Михайловой и С.В. Колтуновой. Они отмечают, что при внимательном рассмотрении ренессансных грамматик можно увидеть, что за бессистемностью экзemplификации стоит особого рода

системность, которая обладает свойством «неслучайности» [Михайлова, Колтунова 2012: 123].

Рассмотрим соотношение между правилом и примером при описании класса местоимений во французских грамматиках XVI в. Остановимся на следующих вопросах: формулировки правил и замечаний об особенностях употребления разных типов местоимений в речи; форма представления правил и принципы презентации примеров.

Анализ грамматик XVI в. показывает «неслучайность» и особый характер системности примеров при описании местоимений. По нашим наблюдениям, соотношение между правилом и примером в них зависит от нескольких факторов.

Во-первых, соотношение между правилом и примером зависит от типа грамматики. Так, в сопоставительных и элементарных грамматиках почти нет правил, но много примеров. В сопоставительных грамматиках через сравнение форм в разных языках показаны отличия между системами местоимений. В элементарных грамматиках примеры заменяют объяснения. Иногда примеры даются в них на двух языках (французском и латинском), как в сопоставительных грамматиках. Это связано с тем, что в то время сначала изучали основы латинской грамматики, а потом начинали учить другие языки. В описательных и педагогических грамматиках примеры и правила представлены в достаточном количестве. В объяснительных грамматиках примеров меньше, чем объяснений относительно употреблений форм в речи. В нормативных грамматиках между правилами и примерами наблюдается «равновесие». В узуальных грамматиках примеров намного больше, чем в других типах грамматик.

Во-вторых, соотношение между правилом и примером в грамматиках зависит также от их предназначенности. Если грамматика предназначена для иностранцев, то в ней кроме примеров на французском языке встречаются примеры на латинском языке, а также на родном языке тех, для кого эта грамматика предназначена. Если грамматика предназначена для французов, то в ней, как правило, есть примеры только на французском языке. Иногда встречаются примеры на латинском языке.

В-третьих, соотношение между правилом и примером в грамматиках в определённой мере зависит от личности автора. Если грамматист описывал родной язык, то он больше внимания обращал на особенности употребления разных форм в речи, поэтому в таких грамматиках большое количество примеров и сравнительно небольшое количество правил. Если автор грамматики французского языка был иностранец, то к небольшому количеству французских примеров он приводил аналогичные примеры из своего родного языка.

В ходе анализа грамматик XVI в. было также выявлено, что при описании местоимений соотношение между правилом и примером зависело от типа местоимений и от описываемых грамматических категорий. При описании категорий вида, качества, фигуры в грамматиках встречается мало примеров. В основном это список отдельных форм местоимений. При описании категорий рода и числа местоимений примеров намного больше. Чаще всего эти категории имеют в качестве примеров словосочетания и предложения.

Категория падежа имеет в грамматиках XVI в. намного больше примеров, чем другие грамматические категории, хотя все авторы пишут, что склонения, как в латинском и греческом языках во французском языке нет. Это связано с тем, что благодаря категориям падежа и склонения грамматисты описывали разные типы местоимений. Для каждого типа они приводили свою парадигму, которая позволяла увидеть формы разных местоимений в сочетании с разными предлогами. Например, в грамматике Ж. Боске приводится следующая парадигма «склонения» личных местоимений:

*Comment se declinent ces deux pronoms
personnelz.-ie, & tu?*

En ceste forte.

<i>Nombre singulier.</i>		<i>Nombre plurier.</i>	
<i>Nominatif,</i>	<i>Je, ou moy,</i>	<i>Nominatif,</i>	<i>Nous,</i>
<i>Genitif,</i>	<i>de moy,</i>	<i>Genitif,</i>	<i>de nous,</i>
<i>Datif,</i>	<i>à moy,</i>	<i>Datif,</i>	<i>à nous,</i>
<i>Accusatif.</i>	<i>Moy, ou me.</i>	<i>Accusatif.</i>	<i>Nous.</i>
		<i>Je</i>	<i>Je</i>

Как известно, в речи все представленные в парадигме формы употребляются по-разному. Поэтому чтобы понять, как нужно употреблять каждую из форм в речи, данной парадигмы недостаточно. Интересно, что для притяжательных местоимений (*mon, ton, son, etc.*), которые в речи не употребляются самостоятельно, Боске также приводит парадигму, в которой представлены не именные словосочетания, а отдельные формы:

Comment se varient-mon, ton, son ?

Comme voyez.

	<i>Nombre singulier masculin.</i>
Nominatif,	} mon, mien, le mien, } } de mien, du mien, } } à mon, au mien. }
Genitif,	
Datif.	
	<i>Nombre pluriel masculin.</i>
Nominatif,	} mes miens, les miens, } } de mes, des miens, } } à mes, aus miens. }
Genitif,	
Datif.	
	<i>Nombre singulier féminin.</i>
Nominatif,	} ma, mienne, la mienne, } } de ma, de la mienne, } } à ma, à la mienne. }
Genitif,	
Datif.	
	<i>Nombre pluriel féminin.</i>
Nominatif,	} mes, miennes, les miennes, } } de mes, des miennes, } } à mes, aux miennes. }
Genitif,	
Datif.	

[Bosquet 1586: 67]

При описании форм личных, притяжательных и указательных местоимений в грамматиках имеется больше примеров, чем при описании относительных, вопросительных и других типов местоимений. Примеры для разных разрядов местоимений и их грамматических категорий также отличаются по типам. При описании личных местоимений используются сочетания местоимений с глаголами или предложения. Например: «*Je vi à mon aise*» (=Я живу в своё удовольствие); «*Est ce la ton liure ? C'est le mien*» (=Это твоя книга? Это моя книга); «*A qui font ces liures? Ils font nostres*» (=Чьи это книги? Они наши) [Estienne 1557: 24-26].

При описании притяжательных и указательных местоимений чаще используются словосочетания и предложения. Однако в элементарных

грамматиках предложения в качестве примеров встречаются редко. Например, в грамматике Ж. Массе в разделе, где дано описание местоимений, всего 12 коротких предложений: «Qui a fait cela?» (=Кто это сделал?); «C'est la verité» (=Это правда); «Cela est d'or» (=Это из золота); «C'est un mien cousin» (=Это мой кузен) [Masset 1606: 8-10].

Таким образом, соотношение «правило – пример» при описании класса местоимений в ранних французских грамматиках обусловлено такими факторами, как тип грамматики (описательная, объяснительная и др.), предназначенность грамматики (грамматика для иностранцев или для французов), личность автора (для которого язык-объект описания родной или иностранный).

4.2. Нормативный аспект в описании местоимений

Как уже было показано, один из наиболее важных вопросов, который решали кодификаторы французского языка в XVI в., был вопрос о норме французского языка. Однако, как пишет З.В. Гуковская, реальное содержание понятия нормы в то время было очень неопределённым. С одной стороны, это было связано с тем, что социальная норма языка ещё не была твёрдо определена и ограничена. С другой стороны, это было связано с тем, что для грамматистов XVI в. критерий правильности заключался в понятии рациональной правильности, которая соотносилась с нормами античной грамматики, а также с логикой и эстетикой [Гуковская 1940: 73].

Из-за того, что идеал нормы для многих кодификаторов французского языка был связан с латинским или греческим языком, в качестве образцовых авторов, которым следовало подражать, назывались древнеримские поэты, историки, учёные. Имена Горация, Цицерона, Цезаря, Вергилия, Тацита и др. встречаются во многих грамматиках. Это говорит о том, что идеал нормы у французских кодификаторов был связан не только с другим языком, но и с письменными текстами, в которых было больше стабильности, чем в устной речи [Михайлова 1990].

В работах некоторых французских кодификаторов, особенно грамматистов начала XVI в., высказывалась мысль о том, что французский язык – это «испорченная» латынь. К их числу относился Ж. Дюбуа, в грамматике которого таких замечаний больше, чем у других авторов. При описании местоимений Ж. Дюбуа указывает на то, что во французском языке имеется много искажений латинских местоимений. Например, при описании форм личного местоимения *il*, *li*, которое происходит от латинского указательного местоимения *ille*, он пишет: «*Galli tamen vtrobique lui dicunt corrupte*» (=Французы неправильно произносят вторую форму как *lui*) [Dubois 1531: 108].

Как пишет Е.Н. Михайлова, в середине XVI в., когда началось движение «защиты и прославления французского языка», таких замечаний в грамматиках стало меньше. Еще меньше их стало в конце XVI в., когда престиж французского языка в Европе увеличился. На смену словам «ошибки» и «искажения» пришли замечания о том, что французский язык имеет свои особенности. Поэтому в нем имеются отличные от других языков формы местоимений и другие правила их употребления [Михайлова 2000].

Как показал проведённый нами анализ французских грамматик XVI в., правила для местоимений и способы их презентации зависят от типа грамматики, а также от языка, на котором она написана. Наиболее подробные формулировки правил представлены в объяснительных грамматиках, которые следовали в описании частей речи за Присцианом или другими авторитетными грамматистами античности. Они встречаются в основном в объяснительных, описательных и педагогических грамматиках.

Например, Л. Мегре начинает описание притяжательных местоимений следующим образом: «*Venons maintenant a o' possessifs : e premierement a mon, ton, son, deriuez de moe, toe, soe : le'qels ont en leur' femenins ma, ta, fa : combieqe mon, ton, son, font aofi femenins auant le' nom començans par voyelle : come mon ame, ton auangarde*» (=Перейдём теперь к притяжательным <местоимениям>: во-первых, к *mon, ton, son*, которые образованы от *moe, toe, soe*, от них образованы формы женского рода *ma, ta, fa*; хотя *mon, ton, son* также являются формами женского

рода перед именем, которое начинается на гласную, например: mon ame, ton auangarde») [Meigret 1550: 58-59]. Это объяснение больше похоже на рассуждение, чем на формулировку правила. Такой же подход к описанию правил употребления французских местоимений в речи представлен в трактате А. Матье «Devis de la langue francoyse» [Matthieu 1560], который написан в жанре «рассуждения о языке».

Е.Н. Михайлова обращает внимание на зависимость оригинальных концепций языка в грамматиках от языка их изложения: «Творческое, созидательное отношение французских гуманистов к описанию родного языка привело не столько к воссозданию канонических текстов-образцов на базе нового языкового материала, сколько к совершенствованию всей системы знания о языке – как теории, так и практики описания языков» [Михайлова 2008 а: 171].

По нашим наблюдениям, более формализованные правила для местоимений получили отражение в грамматиках, которые были написаны на латинском языке. В них использовались готовые клише грамматического описания, которые были представлены в авторитетных грамматиках латинского языка. Л. Ольшки выявил такую же зависимость принципов описания материала от языка изложения в других областях знания. В частности, он пишет об этом: «Многие учёные, которые использовали в качестве языка научного изложения латынь, невольно попадали в чужие и старые ходы мысли, куда их заманивали готовые и заученные слова и обороты речи» [Ольшки 1934: 47].

Одним из примеров формализованного описания правил для класса местоимений может служить грамматика Ж. Гарнье, в которой правила сформулированы очень кратко:

*Dicimus etiam cest, de cest, à cest, quando nomi-
mini à vocali incipiente coniunguntur, vt postea
in obseruationibus dicemus.*

(=Мы говорим также de cest, à cest когда <это местоимение> относится к имени, которое начинается с гласной, как об этом пойдёт речь дальше) [Garnier 1558: 25].

Грамматика Ж.Боске написана на французском языке, поэтому в ней правила излагаются более подробно. Например, он приводит правило для употребления личного местоимения vous (=вы) как формы вежливости:

Ceste regle est digne d'obseruance, que parlant l'inférieur à son supérieur (ou à vn seul personnage, en familiarite reuerence, ou respect) le commun vsage du parler François, vse du Pronom-vous, & souuent du verbe de mesme nombre, & personne par luy regy, au lieu des secondes du singulier, comme denotent ces enonciations-

(=Заслуживает внимания правило, по которому, говоря с вышестоящим (или с одним человеком, выражая ему уважение) во французском языке принято использовать местоимение vous с глаголом в том же числе и лице вместо второго лица единственного числа, как обозначают эти высказывания) [Bosquet 1586: 66].

Широкое понимание нормы в среде кодификаторов французского языка привело к тому, что в грамматиках получила отражение вариативность употребления разных форм местоимений в речи. Это говорит о том, что в то время не было выработано строгих норм в употреблении местоимений. Поэтому не было строгих правил, которые предписывали бы употребление одной из форм местоимений, представленных в речи.

Замечания кодификаторов французского языка показывают, что некоторые процессы в системе местоимений ещё не завершились. Например, грамматисты пишут о необходимости ставить личные местоимения перед глаголом. Об этом написано не только в грамматиках, но также в трактате П. Ронсара «Abbrégé de l'Art poetique françoys» (1565). П. Ронсар предлагал поэтам всегда употреблять личные местоимения при глаголах: «Если ты хочешь, чтобы твои стихи были лучше, не забывай ставить простые местоимения je, tu перед глаголами» [Цит. по: Clericot 1999: 212]. Это говорит о том, что в поэтической речи встречались случаи, когда при глаголе не было формы местоимения.

А. Матье пишет о том, что употребление личных местоимений при глаголе является обязательным: «Les faictz et actions sont guidees par Icelles [verbes] <...> et a chacune Indice de personnes» (=События и действия управляются глаголами, каждый из них имеет личное местоимение) [Matthieu 1560: f. 18].

С.В. Власов отмечает, что в XVI в. были сделаны первые попытки кодифицировать нормы употребления личных субъектных местоимений в зависимости от коммуникативного типа предложения (Ж. Дюбуа, Ж. Пилло, А. Коши и др.). Так, в грамматике А. Коши есть следующее правило: «Imperatiuis expressa pronomina nunquam adhaerent: nam si praeponerentur enuntiatio esset indicatiui modi, si postponerentur questio esset» (=В повелительном наклонении местоимения никогда не выражаются, потому что если их поставить перед глаголом, то высказывание было бы в изъявительном наклонении, а если после глагола, то был бы вопрос) [Cauchie 1570: 216]. Грамматисты объясняли препозицию личного местоимения в повествовательных предложениях с точки зрения теории «естественного» порядка слов. Французские грамматисты неоднократно подчёркивали, что «естественный» порядок слов гораздо ближе их родному языку, чем латыни. Об этом, например, писали Л. Мегре, П. де ла Раме, Ж. Гарнье. П. де ла Раме считал аномалией, узаконенной узусом, постпозицию подлежащего в вопросительных предложениях [Власов 1986: 18].

Успех грамматики Р. Этьена связан с тем, что в ней просто и понятно излагались правила употребления разных форм в речи. Это касается также и форм местоимений. Например, разница между ударной и безударной формами местоимения *se* / *soy* объясняется следующим образом:

soy & se ont ceste difference, combien qu'ils signifient tout vn: que se, le plus souuent est mis deuant le verbe, & soy apres: comme, il ne se foucie de rien, il ne tient compte de soy.

(= *Soy* и *Se* отличаются, хотя имеют одно значение: чаще всего *Se* ставится перед глаголом, а *Soy* после него; например: *Il ne foucie de rien, il ne tient compte de soy*) [Estienne 1557: 28].

Итак, в ходе проведенного анализа было выявлено, что нормативный аспект при описании местоимений зависел от типа грамматики и от языка-инструмента грамматического описания. Широкое понимание нормы в ранненовофранцузский период привело к тому, что в текстах грамматик не было строгих правил относительно особенностей употребления разных типов местоимений.

4.3. Узуальный аспект в описании местоимений

Так же, как система правил, по-разному отражается в текстах грамматик узус (usage) или то, что Ж.-Кл. Шевалье определил как «многочисленные возможности речи» (=les possibilités multiples du discours) [Chevalier 1976 a; 1976 b].

Как отмечают учёные, в процессе кодификации языка учитываются не все явления языка, а только некоторая часть из них. Это связано с тем, что любой текст грамматики имеет ограниченный объём. Кроме того, у каждого автора имеется своё собственное представление о том, что и как следует описывать в грамматике, которая предназначена для обучения языку определённой группы людей. Этим можно объяснить то, что в грамматиках XVI в. получили отражение не все формы французских местоимений, которые употреблялись в то время в речи.

Н.А. Катагощина и Н.М. Васильева обращают внимание на то, что в процессе кодификации французского языка в XVI в. учитывалась только часть узуса, которая была ограничена территориальными, социальными и функциональными рамками. В территориальном плане образцовый узус был связан только с языком Парижа. Например, А. Этьен писал, что «Париж – это Франция Франции», и ни один говор, ни один диалект не может сравниться с говором столицы. Поэтому он критиковал авторов грамматик, которые были родом из других провинций (Ж. Пилло, Дювивье, Ж. Гарнье) за то, что они не знают «правильного и чистого» языка столицы. Кодификаторы XVI в. противопоставляли понятия «хороший» и «плохой» обычай (usage). Л. Мегре отмечал, что даже в Париже есть много людей, которые говорят неправильно, это касается речи горожан. Неправильно говорят также крестьяне. А. Этьен также считал, что правильный французский язык не имеет ничего общего с речью ремесленников. Однако понимание узуса у него имело более широкую социальную основу, чем у Л. Мегре. Кроме того, грамматисты также по-разному понимали то, на какую форму языка (устную или письменную) следует

ориентироваться в выборе нормы. Для Ж. Тори и Дж. Пальсграва образцовый язык – это язык произведений художественной литературы XIV-XV вв. Л. Мегре, П. ле ла Раме, А. Этьен не считали язык художественных произведений образцовым, потому что ради выразительности речи писатели нарушают языковую норму. П. ле ла Раме требовал не смешивать грамматику с риторикой [Катагощина, Васильева 1997: 275-277].

Как пишет Ж. Клерико, в сознании французов произошло разделение на родной язык (*langue maternelle*) и на язык Парижа (*langue paternelle*). Это привело к тому, что известные поэты и писатели, которые были родом из разных регионов Франции, вынуждены были использовать в своих сочинениях язык Парижа. К их числу относятся поэт Клеман Маро, философ Мишель Монтень, писатель Франсуа Рабле и др. [Clericot 1999: 162-163].

Широкое понимание «правильной французской речи», которое сложилось в ситуации многоязычия, привело к тому, что в ранних французских грамматиках представлено много вариантов местоимений. Варианты касаются особенностей произношения, орфографии и употребления местоимений в речи.

Рассмотрим несколько примеров. Орфография наиболее частотных местоимений представлена в известных грамматиках следующими вариантами:

Dubois : g-è, tu, il, li, nòus, vòus, ils ; fòï ; nòftrè, vòftrè

Drosay : ie , tu, il, nous, vous, ils ; foy ; noftrè, voftrè

Meigret: je, tu, il, no' , vous, ils ; foë ; notre, votre

Estienne: ie, tu, il ; nous, vous; soy ; noftrè, voftrè

Pillot : ie, tu, il ; nous, vous, ils, foy ; noftrè, voftrè

Cauchie : ie, tu, il ; nous, vous, ils ; foy ; noftrè, voftrè

Ramus : ie, jè, tu, il ; nous, vous, vòs ; ils ; foy ; foè ; etc.

Как видим, больше всего вариантов написания у личного местоимений 1-го лица ед. числа (g-è / ie / je / jè). В отношении личных местоимений 1-го и 2-го лица мн.ч. Ж. Дюбуа отмечает утвердившееся в практике написание конечного z вместо s: *noz, voz* [Dubois 1531: 112]. Такого рода «отступления» от правил латинского языка (для которых характерно написание *nos, vos*) служат ему одним

из аргументов для того, чтобы говорить о французском языке как об «испорченной латыни».

В грамматиках также получили отражение варианты произношения для некоторых местоимений. Например, у Ж. Дюбуа есть сведения о региональных произношениях: пикардские формы *mī, men, ten, ſen* и нормандское *mè* [Dubois 1531: 107; 110].

Грамматика Ж. Пилло представляет собой интерес для анализа узуального аспекта местоимений, потому что в ней в отдельном разделе представлены все замечания, которые касаются особенностей употребления разных типов французских местоимений в речи. Он назвал этот раздел «*Exemplum*» (=Пример). Кроме примеров в этом разделе есть замечания об употреблении местоимений в речи. На полях каждой страницы параллельно основному тексту приводятся формы, для которых автор подбирает примеры. Они представлены на двух языках: на французском и на латинском. Интересно, что бóльшая часть примеров дана в форме вопросов и ответов. Таким образом, примеры отражают устную, диалогическую форму общения, где местоимения употребляются гораздо чаще, чем в письменной речи.

Кроме того, у Ж. Пилло как у носителя французского языка есть интересные замечания об особенностях употребления разных типов местоимений в речи. Например, он отмечает, что указательные местоимения *sesu* и *cela* редко используются для указания на одушевленные объекты: «*Sesu & cela raro demonstrant rem animatam*» [Pillot 1586: 16]. Он приводит также примеры для того, чтобы показать разницу в употреблении ударных и безударных форм личных местоимений (*ie / moy, tu / toy*). Например: *Ie chante. qui? moy.* (=Я пою. Кто? Я.) [Pillot 1550: 14]. Автор дает разные объяснения в отношении этих форм в двух изданиях своей грамматики. В издании 1550 г. приводятся примеры, которые показывают, как надо употреблять в речи эти местоимения. В издании 1586 г. Ж. Пилло отмечает, что формы *ie, tu* принято употреблять при глаголах, а формы *moy, toy* – в вопросах, ответах и в восклицаниях [Pillot 1586: 17]. Эти объяснения

показывают, что в описании французского языка автор ориентировался на устную речь.

Как правило, в грамматиках, которые написаны на латинском языке, используются примеры на латинском и на французском языках. Однако в грамматике Ж. Гарнье, которая написана на латинском языке, примеры даны только на французском языке. При этом они разнообразны по тематике: среди них есть фразы о повседневной жизни, высказывания на темы морали и истории. Например: «Cestuy ci est home de bien et celuy la est vn meschant» (Этот человек добрый, а тот – злой); «mon amy escoute moy» (мой друг слушает меня); «fay moy ce bien» (сделай мне одолжение); «cognoy toy-mesme» (познай самого себя); «et garde toy bien de mesdire» (остерегайся противоречить мне) [Garnier 1558: 28].

Интересно, что в основном в качестве примеров приводятся простые предложения. Однако в грамматике Л. Мегре есть пример на употребление разных типов местоимений в развернутом сложноподчиненном предложении: «Pierre qi s'en va a Rome, e qe tu conoës, a rencontré tes serviteurs qe tu y avoës envoyé, qi s'en revenoët a hate, affin de t'avertir de la maladie de ton fils, e que tu y donnasses ordre» (=Пьер, который уезжает в Рим, и которого ты знаешь, встретил твоих слуг, которых ты туда послал, которые спешили, чтобы предупредить тебя о болезни твоего сына, и чтобы ты дал распоряжения) [Meigret 1550: 51].

Как показал проведённый анализ, во всех грамматиках приводимые примеры на употребление местоимений в речи разнообразны по тематике. Несмотря на то, что местоимение не относится к полнозначным словам, как существительные или глаголы, в грамматиках имеются различные примеры, которые отражают обычаи и привычки французов того времени. Среди примеров есть вопросы о повседневной жизни, фразы на темы морали и истории. Например: «Il m'a baillé un escu (=Он одолжил мне один экю)» [Pillot 1550: f. 16]; «L'amour de foу aueglit (=Любовь к себе ослепляет)» [Pillot 1586: 94]; «Tu es celuy qui me plais» (=Ты тот, кто мне нравится) [Estienne 1557: 25]; «Fay cela pour l'amour de moy» (=Сделай это из любви ко мне); «Je l'ay faict pour l'amour de toy (=Я это сделал из любви к тебе); «C'est à moy» (=Это моё / для меня); «O moy miserable» (=О, я

несчастный) [Estienne 1557: 27]; Cestuy ci est home de bien et celuy la est vn meschant (Этот человек добрый, тот – злой); mon amy escoute moy (мой друг слушает меня); fay moy se bien (сделай мне одолжение); cognoy toy-mesme (познай самого себя); et garde toy bien de mesdire (остерегайся противоречить мне) [Garnier 1558: 28]. «Jean viêt il de l'escolle?» (=Жан идёт из школы?) [Masset 1606: 9].

В примерах получила отражение также тема религии. Как известно, в XVI в. движение Реформации охватило значительную часть Европы, поэтому вопросы веры получили отражение даже в грамматических сочинениях. Приведем несколько примеров из грамматики Ж. Пилло: «Pries tu dieu tous les iours? Ouy je le prie (Молишься ли ты богу каждый день? Да, я ему молюсь). As tu la crainte de dieu? Ouy je l'ay (Есть ли у тебя страх перед богом? Да, он у меня есть). Reueres tu la fainte Eglise de Dieu? Ouy ie la reuere (Почитаешь ли ты Святую Церковь? Да, я ее почитаю)» [Pillot 1586: 17].

Особенно много таких примеров в грамматике Ж. Гарнье, который был священником. Приведем несколько примеров из его грамматики: «Ceste doctrine de Christ est véritable & celle de l'Antechrist es fausse» (=Это учение Христа истинное, а это Антихриста – ложное); «Ce grand Dieu éternel a envoyé Cest Ange à homme» (=Этот великий Господь послал этого Ангела к человеку) [Garnier 1558: 29]. «Aime ton Dieu sur toutes chose, & ton prochain comme toy» (=Возлюби Бога во всяком деле и твоего ближнего, как себя) [Garnier 1558 : 37]. «Vostre salut est nostre gloire & celle de Christ» (=Ваше спасение это наша честь и честь Христа); «Mais Christ de sa grace nous y a ramenez» (=Но Христос по своей милости нас сюда привёл) [Garnier 1558 : 42]. В середине XVI в., когда была опубликована грамматика Ж. Гарнье, движение Реформации достигло высшей точки и охватило значительную часть Европы. Поэтому вопросы веры получили отражение не только в этой, но и в других грамматиках.

В ходе нашего анализа была выявлена ещё одна интересная закономерность, которая связана с отражением узуса в грамматиках того времени. Это использование в качестве примеров к правилам разных по составу единиц: отдельных слов, словосочетаний и предложений.

При рассмотрении объяснительных и узуальных грамматик выявлено, что в качестве примеров для местоимений в них используются именные словосочетания и предложения. В элементарных грамматиках в качестве примеров в основном используются именные словосочетания, а предложения используются редко. При этом небольшое число фраз отражает вариативность узуса того времени. Например: *Je cherche vn home qui ou lequel puisse exercer cette office* [Masset 1606: 9].

Приводимые в грамматиках XVI в. примеры имеют большое значение для историков французского языка, потому что они отражают особенности употребления редких форм местоимений, а также вариантов некоторых форм. К числу таких местоимений относятся, например, *iceluy, iceux, icelle, icelles* и др. Как известно, в результате эволюции французского языка некоторые местоимения вышли из употребления. Некоторые из них отмечены в грамматиках XVI в. как архаичные формы.

Е.Н. Михайлова предлагает рассматривать сами тексты грамматик как особого рода узуальный контекст. Она пишет, что разные по жанру, по предназначенности и по степени детализации описания французского языка ренессансные филологические сочинения представляет собой ценный материал для изучения того, как в течение XVI в. во французской национальной лингвистической традиции осуществлялась выработка метаязыка лингвистического описания. По её мнению, особый интерес имеют франкоязычные грамматики и особенно сочинения, которые написаны в жанре апологии языка или в жанре рассуждений о языке. Это работы Ж. Дю Белле, Э. Доле, Ж. Пелетье, А. Матье, А. Этьена и др. Такого рода работы дают возможность проследить за становлением франкоязычного лингвистического дискурса в XVI в. [Михайлова 2016: 231-232].

Рассмотрим несколько примеров наиболее известных франкоязычных грамматик. В приводимых отрывках подчёркнуты формы местоимений. Учитывая личности авторов, можно получить представление о настоящем «хорошем узусе»

эпохи. В трактате Ж. Дю Белле интересны особенности функционирования разных типов местоимений в полемическом дискурсе:

«Mais qui voudroit dire que la Grecque et Romaine eussent toufiours esté en l'excellence qu'on les a veues du temps d'Homere et de Demosthene de Virgile et de Cicerõ? Et si ces aureurs eussent jugé, que iamais, pour quelque diligence et culture, qu'on y eust peu faire, elle n'eussent sceu produire plus grand fruict, se fussent-ilz tant efforcez de les mettre au poinct ou nous les voyons maintenant? Ainsi puis-ie dire de notre langue, qui comence encores à fleurir sans fructifier, ou plus tost comme une plante et vergette, n'a point encores fleury, tant s'en fault qu'elle ait apporté tout le fruict qu'elle pourroit produire» [Du Bellay 1549 ; I, III].

Трактат Р. Этьена представляет интерес потому, что его работы (грамматика и словарь) были образцом французского узуса во второй половине XVI в. В Предисловии (Ad Lectorem) к его трактату в форме диалога автора с читателем объясняются причины написания грамматики:

«*Pourtant que plusieurs desirans auoir ample cognoissance de notre langue Frãçoise, se sont plains à nous de ce qu'ils ne pouuoient aiseemēt s'aider de la Grãmaire Françoise de Maistre Lois Maigret (à cause des grans chãgemens qu'ils y voyoyent, fort contraires à ce qu'ils en auoyent ia apprins, principalemēt quant à droicte escripture) ne de l'Introduction à la langue Françoise cõposée par M. Iaques Syluius Medecin (pourtāt que souuent il a meslé des mots de Picardie dont il estoit :) Nous ayans diligemmēt leu les deux susdicts autheurs, (qui pour certain ont traicté doctement, pour la plus part, ce qu'ils auoyēt entrepris) auons faict vn recueil, principalement de ce que nous auons veu accorder à ce que nous auions le temps passē apprins des plus sçauãs en nostre langue, qui auoyent tout le temps de leur vie hanté és Cours de Frãce, tant du Roy que de son Parlemēt à Paris, aussi sa Chancellerie & Chambre des Cõptes : esquels lieux le langage s'escrit & se prononce en plus grãde pureté qu'en tous autres» [Estienne 1557 : 3].*

Трактат П. де ла Раме представляет собой интерес потому, что он написан в форме диалога между учеником и учителем, то есть в нем отражается ситуация общения на уроке. Кроме того, текст этой грамматики представлен в две колонки:

справа дана традиционная орфография, а слева – орфография, которую предложил Рамюс:

D. Sèrtès fètè fason d'ensèner mèt fort agreable, par lakèlè j'e brièvement kōprin un sommèrè dè l'ètimołojie. Porsuives je vōs prie, á dèklarèr unè semblablè fasilite dè doktrinè en la Sintaxè. P. Je lè fere trèvolōtièrs, mes èntāt kè je porre, è sōre. Kar en fètè partiè dè Gramèrè lès ènsènemès font juskès`la profitables, k'ìls èplikèt l'uzajè du langajè reŕsu è aprōve, non k'ìls èn puiŕèt batir okun par soè è par noveos èxèmplès.

D. Certes ceste facon denŕeigner mèt fort agreable, par laquelle iay brièvement compris vng sommaire de letymologie. Poursuivez je vōs prie a declairer vne semblable fasilite de doctrine en la Syntaxe. P. Je le feray trefuolontiers, mais entant que ie pourray & scauray. Car en ceste partie de Grammaire les enŕeignemens font iusques la profitables, quilz explicquent l'usage du langaige receu & approuue, non quilz en puiŕent bastir aucun par foy, & par nouueaulx exemples.

[Ramus 1572: 59].

Итак, узуальный аспект описания класса местоимений в грамматиках XVI в. представлен, во-первых, значительным числом примеров (отдельными словами, словосочетаниями и предложениями). Во-вторых, тексты франкоязычных грамматик можно рассматривать как особого рода узуальный контекст, который дает сведения о вариативности в системе местоимений ранненовофранцузского периода и о характере употребления форм в речи.

Выводы по четвёртой главе

Как показал проведенный анализ, соотношение «правило – пример» при описании класса местоимений в ранних французских грамматиках обусловлено несколькими факторами. Во-первых, это тип грамматики (описательная, объяснительная, педагогическая, сопоставительная и др.). Во-вторых, это предназначенность грамматики (грамматика для иностранцев или для французов). В третьих, это личность автора, который описывает родной язык или

иностранный. От этого зависело соотношение между системным, нормативным и узувальным аспектами в каждой грамматике.

Нормативный аспект во французских грамматиках XVI в. представлен по-разному. Способы презентации правил при описании местоимений обусловлены типом грамматики: в объяснительных грамматиках правила сформулированы в виде рассуждений и замечаний об особенностях употребления форм в речи. В описательных и педагогических грамматиках правила сформулированы очень коротко, но при этом содержат достаточное число примеров. Формулировки правил зависели также от языка-инструмента грамматического описания. В латиноязычных грамматиках использовались готовые клише при формулировках правил из канонических грамматик. Во франкоязычных грамматиках приводились оригинальные авторские формулировки для правил, а также разные комментарии и рассуждения о языке. Широкая вариативность французского узуса, а также разные ориентиры для «образцового французского языка» привели к тому, что в ранних французских грамматиках для класса местоимений в XVI в. не было представлено единых и строгих норм.

Узуальный аспект описания класса местоимений представлен по-разному в разных типах грамматик. Наиболее исчерпывающие сведения об особенностях употребления местоимений можно получить по узувальным, описательным и педагогическим грамматикам. В меньшей степени местоимения описаны в элементарных и сопоставительных грамматиках. Система примеров для класса местоимений представлена тремя способами: отдельными формами, словосочетаниями и предложениями. Сведения об узусе местоимений можно получить также по текстам франкоязычных грамматик, которые можно рассматривать как особого рода узувальный контекст.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

Проблема местоимения продолжает оставаться актуальной в теории современного французского языка, в работах по романскому языкознанию, истории французского языка и в работах по истории лингвистических учений. Дискуссионные вопросы как современной теории языка, так и удалённых по времени учений касаются определения данной части речи, статуса местоимений и их места в системе частей речи, типов (классов или разрядов) местоимений внутри данной части речи, грамматических категорий для каждого из типов местоимений, а также синтаксических особенностей местоимений.

Особенности современных французских местоимений (форма, значение, функции) обусловлены исторически. Основные изменения в системе местоимений в истории французского языка связаны с появлением новых форм; появлением нового для системы противопоставления (ударные / безударные местоимения); с изменением системы указательных и относительных местоимений за счёт усиления одних форм и устранения других; сохранением форм среднего рода для некоторых местоимений. Изменение особенностей употребления многих форм и типов местоимений вызваны изменениями в системе французского предложения, которые связаны с переходом грамматической системы от флективного типа к аналитическому.

Анализ французских грамматик XVI в. показал, что единых принципов описания местоимений в них не было, хотя все грамматисты опирались в своих работах на греко-латинский канон. В качестве модели-эталона при описании местоимений послужили две версии грамматики Доната («Ars minor» и «Ars major») и грамматика Присциана. Каждая из них оказала влияние на описание местоимений в определённом типе грамматик (объяснительных, описательных, нормативных, педагогических и др.). Некоторые авторы объяснительных грамматик использовали модель описания частей речи по работам Варрона и

Лоренцо Валлы. Отступления от канонической модели в грамматиках XVI в. обусловлены отличиями между французским узусом и греко-латинским каноном.

Противоречия при описании местоимений касаются, во-первых, внешних атрибутов канона грамматического описания. К ним относятся: полнота грамматического описания местоимений, статус местоимения как части речи, его границы и его место в иерархии частей речи. Во-вторых, множество противоречий выявлено также в содержании грамматического описания. К их числу относятся: определение местоимения, типы местоимений, которые получили отражение в грамматиках, номенклатура грамматических категорий местоимений.

Описание местоимений в грамматиках XVI в. отличается неполнотой и схематичностью. Прежде всего это касается определения местоимения как части речи. В большинстве грамматик используются остенсивные определения. В объяснительных грамматиках определения для местоимения как части речи имеют большие отличия. Кроме того, не все типы французских местоимений и не все их грамматические категории представлены в грамматиках XVI в. одинаково. Сравнительно полное описание получили личные, притяжательные и наиболее частотные указательные местоимения. Во многих грамматиках не получила описания значительная часть указательных местоимений, а также относительные, возвратные, наречные, неопределенные местоимения и большинство вопросительных местоимений. Из всех грамматических категорий при описании класса местоимений наибольшее внимание уделено категории падежа, несмотря на то, что падежного словоизменения к тому времени во французском языке уже не было. Содержание категорий падежа и склонения в ранних французских грамматиках было переосмыслено.

Затруднения, которые испытывали авторы французских грамматик в связи с необходимостью систематизации французских местоимений, были связаны с несколькими причинами. Во-первых, это наличие двух канонических грамматик (Донат и Присциан), на которые ориентировались грамматисты XVI в. при описании французского языка. Во-вторых, это различия системного характера

между языком-эталонном (латынью) и языком-объектом грамматического описания (французским языком). В-третьих, это высокая вариативность французского узуса в XVI в., которая затрудняла классификацию форм местоимений по типам.

Одним из главных приёмов при описании частей речи в грамматиках XVI в. был принцип языкового релятивизма. Через сопоставление форм разных языков он позволял выявить сходства и различия между ними и понять особенности французского языка. Этот принцип использовался в разной степени при описании класса местоимений. Наиболее широко он представлен в сопоставительных, педагогических и элементарных грамматиках. В объяснительных и узуальных грамматиках он получил отражение в меньшей степени. Благодаря поиску сходств и различий между формами и значениями французских местоимений с латинскими, греческими, а также с местоимениями других европейских языков французские грамматисты сумели выявить особенности местоимений в родном языке.

Результаты проведенного анализа дают возможность увидеть, что французские грамматисты критически переосмыслили и адаптировали основные положения греко-латинского канона к описанию французского языка с учетом особенностей французского узуса.

Полученные в ходе проведенного исследования результаты дают возможность для дальнейшего изучения французских грамматик XVI в. сквозь призму частеречного и категориального уровней грамматического анализа. Методика изучения принципов грамматического описания с учетом взаимодействия триады «система – норма – узус» может быть использована при анализе грамматических сочинения разных по времени лингвистических традиций.

Список литературы

1. Александров, Н.М. К вопросу о классификации частей речи в индоевропейских языках/ Н.М. Александров // Вопросы теории частей речи / Отв. Ред. В.М. Жирмунский, О.П. Суник. – Л.: Наука, 1968. – С.107-115.
2. Александрова, Л.В. Формирование теории частей речи во французской грамматике 16-18 вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Л.В. Александрова. – СПб., 1996. – 21 с.
3. Алисова, Т.Б. Введение в романскую филологию / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.С. Таривердиева. – М.: Высшая школа, 2007. – 453 с.
4. Амирова Т.Б. История языкознания / Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский; Под ред. С.Ф. Гончаренко. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 672 с.
5. Античные теории языка и стиля (антология текстов) / общ. ред. О.М. Фрейденберг (1936). – СПб.: Алетейя, 1996. – 363 с.
6. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; Пер. с фр.; Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
7. Березин, Ф.М. История лингвистических учений / Ф.М. Березин. – М.: Высшая школа, 1975. – 304 с.
8. Бокадорова, Н.Ю. Первые опыты грамматических описаний в контексте культурной традиции XIV – начала XVI вв. / Н.Ю. Бокадорова // Литературный язык и культурная традиция. – М.: Стела, 1994. – С.98-117.
9. Бокадорова, Н.Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX века. Структура знания о языке / Н.Ю. Бокадорова. – М.: Наука, 1987. – 151 с.
10. Бородина, М.А. Историческая морфология французского языка / на франц. яз. / М.А. Бородина. – М.-Л.: Просвещение, 1965. – 231 с.
11. Будагов, Р.А. Понятие о норме литературного языка во Франции в XVI-XVII вв. / Р.А. Будагов // Вопросы языкознания. – 1956. – № 5. – С.10-21.
12. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили / Р.А. Будагов. – М.: Высшая школа, 1967.- 376 с.
13. Бурсье, Э. Основы романского языкознания Э. Бурсье. – М.: Едиториал

- УРСС, 2004. – 668, [2] с.
14. Вандриес, Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. Пер. с франц.; Под ред. и с предисл. Р.О. Шор. – М: Соцэкгиз, 1937 – 410 с.
 15. Васильева, Е.Г. Становление системы притяжательных местоимений во французском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Е.Г. Васильева. – СПб., 2001. – 21 с.
 16. Васильева, Н.М. Французский язык. Теоретическая грамматика. Морфология / Н.М. Васильева, Л.П. Пицкова. – М.: Высшая школа, 1991. – 299 с.
 17. Власов, С.В. Эволюция нормы французского синтаксиса (на материале письменно-литературного языка XVI в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / С.В. Власов. – Л., 1986. – 18 с.
 18. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 862 с.
 19. Головкина, Е.Н. Становление грамматической терминологии во французском языке 16-17 вв: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Е.Н. Головкина. – СПб., 1996. – 20 с.
 20. Гуковская, З.В. Из истории лингвистических воззрений эпохи Возрождения: Теория языка у «Плеяды» / З.В. Гуковская. – Л.: ЛГУ, 1940. – 128 с.
 21. Гурычева, М.С. Начальный этап в образовании французского национального языка / М.С. Гурычева // Вопросы формирования и развития национальных языков. Труды ИЯ. Т.10. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 204-218.
 22. Доза, А. История французского языка / А. Доза; Под ред М.С. Гурычевой. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. – 471 с.
 23. Живов, В.М. Части речи / В.М. Живов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. – С.578.
 24. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях / В.А. Звегинцев. – М.: Учпедгиз, 1960. – 496 с.
 25. Илия, Л.И. Пособие по теоретической грамматике французского языка : Для институтов и факультетов иностранных языков / Л. И. Илия. – М.: Высшая

- школа, 1979. – 216 с.
26. Катагощина, Н.А. Очерк истории французского языка / Н.А. Катагощина, Н.М. Васильева. – М.: Диана, 1997. – 421 с.
 27. Катагощина, Н.А. История французского языка / Н.А. Катагощина, М.С. Гурычева, К.А. Аллендорф. – М.: Высшая школа, 1976. – 319 с.
 28. Кистерева, М.Э. Западноевропейские грамматики XV-XVI вв. Роль грамматического примера в становлении новой науки о языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.Э. Кистерева. – М., 2010. – 23 с.
 29. Колтунова, С.В. Категория падежа в испанских грамматиках Золотого века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / С.В. Колтунова. – М., 2012. – 23 с.
 30. Колтунова, С.В. Падеж как феномен испанских грамматик Золотого века: Монография / С.В. Колтунова; Науч. ред. Е.Н. Михайлова. – Белгород: ИД «Белгород», 2014. – 200 с.
 31. Косарик, М.А. Теория и практика описания языка (на материале лингвистических сочинений Португалии XVI-XVII вв.): Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.05 / М.А. Косарик. – М., 1998. – 48 с.
 32. Косарик, М.А. К проблеме традиции и инновации в истории языкознания. Ренессансная и современная лингвистические парадигмы – связь эпох / М.А. Косарик // Вестник Московского университета: Сер. 9: Филология. – 1995. № 5. – С. 104-116.
 33. Крылов, С.А. Местоимение / С.А. Крылов, Е.В. Падучева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. – С. 294-295.
 34. Кузьмина, Н.И. Становление нормы в употреблении глагольных времен во французском языке XVI в. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Н.И. Кузьмина. – Л.: ЛГПИ, 1987. – 19 с.
 35. Мечковская, Н.Б. Концепции и методы грамматик XVI-XVII вв. как элемента книжно-письменной культуры восточного славянства: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Н.Б. Мечковская. – Минск, 1986. – 37 с.

36. Милюкова, Е.В. Основные вопросы синтаксиса и принципы синтаксического анализа в трудах французских грамматистов XVI века: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.05 / Е.В. Милюкова. – М., 1995. – 19 с.
37. Михайлова, Е.Н. Становление нормы в употреблении форм французского прилагательного (на материале среднефранцузского периода): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Е.Н. Михайлова. – Л., 1990. – 18 с.
38. Михайлова, Е.Н. Грамматическая традиция французского Возрождения (класс имен): Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.05 / Е.Н. Михайлова. – СПб, 2000. – 285 с.
39. Михайлова, Е.Н. Парадигма склонения во французских грамматиках XVI в. / Е.Н. Михайлова // Иностранные языки: Лингвистические и методические аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып.4. – Тверь: Изд-во ТГПУ, 2006. – С. 105-114.
40. Михайлова, Е.Н. Практика ранних описаний французского языка в контексте ренессансной культуры / Е.Н. Михайлова // *Studia linguistica XVII*: Сб. ст., посвящ. юбилею проф. И.В.Арнольд. – СПб.: Политехника сервис, 2008 б. – С.171-178.
41. Михайлова, Е.Н. Принцип языкового релятивизма в системе методов ренессансного знания о языке / Е.Н. Михайлова // *Актуальные проблемы истории и теории романских языков*. – М.: Изд-во МГОУ, 2008 б. – С. 112-117.
42. Михайлова, Е.Н. Универсум языка в лингвистической концепции Петруса Рамуса / Е.Н. Михайлова // *Универсум языка и личности*. – М.: Изд-во МГПУ, 2009 а. – С. 119-122.
43. Михайлова, Е.Н. Константы традиционной грамматики в ренессансных описаниях французского языка // *Studia linguistica XVIII*: Сб. ст., посвящ. 80-летию проф. М.В.Никитина. – СПб.: Политехника сервис, 2009 б. – С. 213-221.

44. Михайлова, Е.Н. *Studia litterarum* в научном наследии Шарля Этьена (1504?-1564) / Е.Н. Михайлова // Вестник Московского городского педагогического университета. – М.: Изд-во МГПУ, 2011. – № 1 (7). – С.44-51.
45. Михайлова, Е.Н. Принцип *varietas* в лингвистической программе французского Возрождения / Е.Н. Михайлова // XVI Царскосельские чтения: Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина, 24-25 апреля 2012 г.). – СПб., 2012 а. – Т. III. – С. 404-411.
46. Михайлова, Е.Н. Специфика экземплификации в описании категории падежа (на материале испанских грамматик XVI-XVII вв.) / Е.Н. Михайлова, С.В. Колтунова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина: Научный журнал. – № 3. – Т.1. Филология. – СПб., 2012 б. – С.120-129.
47. Михайлова, Е.Н. Ренессансные описания французского языка как особого рода узувальный контекст / Е.Н. Михайлова // Романское культурное и языковое наследие: история и современность: Материалы международной научной конференции (Москва, 21-22 июня 2016 г.). – М.: ИИУ МГОУ, 2016. – С. 227-232.
48. Никитина, Т.П. К истории лингвистических учений во Франции (П. Рамус) / Т.П. Никитина // Вестник ЛГУ. Серия История. Язык. Литература. – 1980. – № 20. – Вып.4. – С. 89-95.
49. Ольшки, Л. История научной литературы на новых языках. Т.2 / Л. Ольшки. – М.-Л.: Госуд. технико-теоретич. изд-во, 1934. – 211 с.
50. Ольховиков, Б.А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания / Б.А. Ольховиков. – М.: Наука, 1985. – 280 с.
51. Ору, С. История. Эпистемология. Язык / С. Ору; Пер. с фр. ; Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.Ю. Бокадоровой. – М.: Прогресс, 2000. – 408 с.
52. Плотникова, В.А. Части речи / В.А. Плотникова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. – С. 578-579.
53. Попова, Н.В. Становление рефлексива в истории французского языка:

- концептуальные аспекты анализа: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – Иркутск, 2005. – 19 с.
54. Раевская, М.М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI – XVII вв.) / М.М. Раевская. – М.: Комкнига, 2006. – 304 с.
55. Реферовская, Е.А. Теоретическая грамматика современного французского языка. Ч.1. Морфология и синтаксис частей речи / Е.А. Реферовская, А.К. Васильева. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1982. – 400 с.
56. Сабанеева, М.К. Историческая грамматика французского языка / М.К. Сабанеева, Г.М. Щерба. – Л.: ЛГУ, 1990. – 272 с.
57. Серебренникова, Е.Ф. Приглагольные личные объектные местоимения 3-го лица как субституты существительного (на материале французского языка XVII в.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Е.Ф. Серебренникова. – Л., 1989. – 19 с.
58. Серебренникова, Е.Ф. Способы представления лица личными местоимениями во французском языке: Автореф. дисс. ... канд. докт. наук: 10.02.05 / Е.Ф. Серебренникова. – Л., 1999. – 36 с.
59. Скрелина, Л.М. История французского языка / Л.М. Скрелина; На франц. яз. – М.: Высшая школа, 1972. – 311 с.
60. Скрелина, Л.М. К вопросу о взаимодействии системы и нормы в ситуации многоязычия / Л.М. Скрелина // Романо-германские языки и диалекты единого ареала. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1977. – С. 111-127.
61. Скрелина, Л.М. Лекции по теоретической грамматике французского языка / Л.М. Скрелина. – Ч.1. – СПб.: Златоуст, 1997. – 95 с.
62. Скрелина, Л.М. Лекции по теоретической грамматике французского языка. Ч.2. – СПб.: Златоуст, 1999. – 124 с.
63. Скрелина, Л.М., Становая Л.А. История французского языка / Л.М. Скрелина, Л.А. Становая. – М.: Высшая школа, 2005. – 464 с.
64. Смирнова, В.А. Оформление структуры безличной конструкции в истории французского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / В.А. Смирнова. – Л., 1990. – 12 с.

65. Степанова, Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков (от Данте до позднего Возрождения) / Л.Г. Степанова. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – 504 с.
66. Тимонина, А.П. Первые французские грамматики и их роль в кодификации общезападного письменно-литературного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / А.П. Тимонина. – М., 1980. – 12 с.
67. Тимонина, А.П. Первые национальные грамматики французского языка // Структура предложения во французском языке: Сб. трудов МОПИ. – М.: МОПИ, 1978. – С. 99-108.
68. Тронкий, И.М. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля (антология текстов) / И.М. Тронкий; общ. ред. О.М. Фрейденберг (1936). – СПб.: Алетейя, 1996. – С. 9-32 с.
69. Тюрина, Т.В. Становление парадигмы спряжения французского глагола (на материале французского языка 16 века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Т.В. Тюрина. – СПб., 1998. – 18 с.
70. Шигаревская, Н.А. История французского языка / Н.А. Шигаревская; На франц.яз. – М.: Высшая школа, 1984. – 285 с.
71. Шубик, О.Н. Языкознание Древнего Рима / О.Н. Шубик // История лингвистических учений. Древний мир. – Л.: Наука, Ленингр.отд-ние, 1980. – С. 233-256.
72. Щерба, Г.М. Формирование системы местоимений французского языка / Г.М. Щерба. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 112 с.
73. Ярхо, В.Н. Латинский язык: Учебник для вузов / В.Н. Ярхо. – М.: Высшая школа, 2004. – 384 с.
74. Armstrong, E. Robert Estienne, Royal Printer, 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 370 p.
75. Auroux, S. Annexe I: Les critères de définition des parties du discours / S. Auroux // Langages, 1988, vol. 23, no 92. Pp. 109-112.
76. Auroux, S. (dir.). Histoire des idées linguistiques. T. 1. La naissance des métalangages en Orient et en Occident. – Liège: Mardaga, 1989. – 379 p.

77. Auroux, S. (dir.). Histoire des idées linguistiques. T. 2. Le développement de la grammaire européenne. – Liège: Mardaga, 1992. – 399 p.
78. Auroux, S. La question de l'histoire des langues et du comparatisme / S. Auroux, Cl. Désirat, T. Hondré // Histoire. Epistémologie. Langage. – 2004. Vol. 26. Fasc. 1. – Pp. 73-81.
79. Auroux, S. Le développement de la grammaire occidentale / S. Auroux, A. Clerico // Histoire des idées linguistiques. – Liège: Mardaga, 1992. – Pp. 117-155.
80. Auroux S. Les paradoxes de la totalité ou les « mille parties » d'une langue // Histoire. Épistémologie. Langage. 2015. 37/1. Pp. 71-96.
81. Ayres-Bennett, W. L'extension du Grand Corpus des grammaires françaises, des remarques et des traités sur la langue: Questions théoriques et méthodologiques / W. Ayres-Bennett, B. Colombat // Histoire Épistémologie Langage 38/2. – 2016. – P. 55-71.
82. Bahner, W. La revendication de la dignité du français et l'exemple italien au XVIe siècle / W. Bahner // Kwartalnik neofilologiczny. – 1976. N 1-2. – P.11-18.
83. Bement, N.S. Petrus Ramus and the beginning of formal French grammar / N.S. Bement // Romanic Review, 1928. – Vol. XIX. N 4. – P.309-323.
84. Benveniste, E. La nature des pronoms / E. Benveniste // Problèmes de linguistique générale. – Paris : PUF, 1966. – P. 125-139.
85. Benoist, A. De la syntaxe française entre Palsgrave et Vaugelas / A. Benoist. – Paris: Thorin, 1877. – 231 p.
86. Boudou, B. Henri II Estienne éditeur et écrivain / B. Boudou, J. Keskéméti, J. Céard, H. Cazes. – Brépols, 2003. – 764 p.
87. Brandon, E.E. Robert Estienne et le dictionnaire français au XVIe siècle. – Genève : Slatkine Reprints, 1967. – 370 p.
88. Bрева-Claramonte, M. Petrus Ramus (1515-1572) as the First “Modern” Structuralist / M. Bрева-Claramonte // Colorado Research in Linguistics. – 1976, 6/B. – p. 1-32.

89. Brunot, F. Histoire de la langue française dès origines à 1900. T. II (XVI-e siècle) / F. Brunot. – Paris: F.Colin, 1927. – 495 p.
90. Brunot F. La pensée et la langue / F. Brunot. – Paris: Masson, 1936. – XXXVI, 982 p.
91. Brunot F. Précis de grammaire historique de la langue française / F. Brunot, Ch. Bruneau. – Paris: F.Colin, 1956. – XXVII, 259 p.
92. Bursill-Hall, G.L. The history of linguistics / G.L. Bursill-Hall // The canad. j. of linguistics, Toronto. – 1970. – Vol. 15, № 2. – P. 143-150.
93. Caput, J.-P. La langue française. Histoire d'une institution / J.-P. Caput. – Paris: Larousse, 1972. – 319 p.
94. Catach, N. L'orthographe française à l'époque de la Renaissance / N. Catach. – Genève: Libr. Droz, 1968. – XXXIV, 495 p.
95. Chaurand, J. Histoire de la langue française / J. Chaurand. – 11-e éd. – Paris: PUF, 2006. – 127 p.
96. Chevalier, J.-Cl. La notion de complément chez les grammairiens. Etude de grammaire française (1530-1750): Thèse / J.-Cl. Chevalier. – Genève: Libr.Droz, 1968. – 776 p.
97. Chevalier, J.-Cl. Exemple, théorie, tradition / J.-Cl. Chevalier // Méthodes en grammaire française. – P.: Klincksiek, 1976 a. – P. 201-207.
98. Chevalier, J.-Cl. Le jeu des exemples dans la théorie grammaticale, étude historique / J.-Cl. Chevalier // Grammaire transformationnelle: Syntaxe et lexique / PUL. – Paris, 1976 b. – P. 233-263.
99. Chevalier, J.-C. Nature des pronoms et construction de la syntaxe. Note sur Scaliger et Ramus / J.-Cl. Chevalier // Histoire Epistémologie Language, 1982. – №2, Vol. 4. – P. 55-61.
100. Chevalier, J.-Cl. Histoire de la grammaire française / J.-Cl. Chevalier. – 2e édition corrigée. – Paris: Presses Universitaires de France, 1996. – 128 p.
101. Chevillard J.-L. et al. L'exemple dans quelques traditions grammaticales (formes, fonctionnement, types) / Chevillard J.-L. , Colombat B., Fournier J.-M., Guillaume J.P., Lallot J. // Langages. 2007/2 (n° 166). Pp.. 5-31.

102. Clément, L. Henri Estienne et son oeuvre française: Etude d'histoire littéraire et de philologie: Thèse / L. Clément. – P.: A.Picard, 1898. – X, 538 p.
103. Clericot, G. Le français au XVI siècle // Nouvelle histoire de la langue française / G. Clericot; J. Chaurand (dir.). – Paris: Ed. du Seuil, 1999. – Pp. 147-226.
104. Colombat, B. Les « parties du discours » (partes orationis) et la reconstruction d'une syntaxe latine au XVI-e siècle / B. Colombat // Langages. – 1988. – N 92. – P. 51-64.
105. Colombat, B. La grammaire latine en France, à la Renaissance et à l'Âge classique. Théories et pédagogie / B. Colombat. – Grenoble, ELLUG (Éditions de l'Université Stendhal), 1999. – 724 p.
106. Colombat, B. Introduction / B. Colombat // Jean Pillot : Institution de la langue française (Gallicae linguae institutio, 1561). Texte latin original, introd., trad. et notes par B. Colombat. – Paris, Champion, Textes de la Renaissance (n°72), série Traités sur la langue française, 2003. – Pp. VIII-CXIX.
107. Colombat, B. Les langues du monde à la Renaissance / B. Colombat // Histoire Épistémologie Langage – 30/2. – 2008. [Electronic resource]: http://www.persee.fr/doc/hel_0750-8069_2008_num_30_2_3164
108. Colombat B. La grammatisation du français : qui que quoi vs qui(s) quod entre XVI e et XVIII e siècles / B. Colombat // Langue française. N 139 (septembre 2003). – 127 p.: [Electronic resource]: http://www.persee.fr/doc/lfr_0023-8368_2003_num_139_1_6488
109. Colombat, B. L'héritage du modèle latin dans les grammaires françaises de la Renaissance / B. Colombat // Grammaire et enseignement du français langue étrangère et seconde : permanences et ruptures, du XVIe au milieu du XXe siècle (Actes du colloque de Raguse, 7-9 juin 2012, première partie). Documents pour l'histoire du français langue étrangère ou seconde, G. Kahn et N. Minerva éd., 51, 2013. – P. 11-38.
110. Cullière, A. Introduction / A. Cullière // Garnier Jean. Institution de la Langue Francaise: Institutio Gallicae Linguae (1558) / Texte latin original / Traduction et notes par Alain Cullière. – Paris: Honoré Champion, 2006. – P. VII-XVI.

111. Dauzat, A. Histoire de la langue française / A. Dauzat. – Paris : Ed. Payot, 1930. – 588 p.
112. Demaizière, C. La grammaire française au XVI-e siècle: Les grammairiens picards: Thèse / C. Demaizière. – Paris, 1983. – VIII, 1096.
113. Delesalle, S. Meigret, la langue française et la tradition grammaticale / S. Delesalle, F. Mazière // Lyon et l'illustration de la langue française à la Renaissance / Gérard Defaux (dir.). – Lyon: ENS Editions, 2003. – P. 53-62.
114. Dubois, J. Grammaire structural du français. Nom et pronom / J. Dubois. – Paris: Larousse, 1965. – 192 p.
115. François, A. Histoire de la langue française cultivée dès origines à nos jours / F. François. T. 1. – Genève: Droz, 1959. – 409 p.
116. Glatigny, M. À l'aube de la grammaire française : Sylvius et Meigret / M. Glatigny // Histoire Epistémologie Language. – Vol. 9, № 1, 1987. – P. 135-155.
117. Glatigny, M. La notion de règle dans la «grammaire» de Meigret / M. Glatigny // Histoire Epistémologie Language. – Vol 4, № 2, 1982. – P. 93-106.
118. Gougenheim, G. Grammaire de la langue française au XVI-e siècle / G. Gougenheim. – Paris: Picard, 1974. – 278 p.
119. Grevisse, M. Le Bon Usage : Grammaire française avec des Remarques sur la langue française d'aujourd'hui / M. Grevisse. – 11-e éd. – Paris : DUCULOT, 1980. – XIII ; 1519 p.
120. Guillaume, G. Langage et science du langage / G. Guillaume. – Paris: Nizet, 1969. – 288 p.
121. Hagège, C. Le français. Histoire d'un combat / C. Hagège. – Paris: Editions sociales, 1973. – 513 p.
122. Hausmann, F.J. Louis Meigret. Humaniste et linguiste / F.J. Hausmann // Historiographia linguistica. – 1980. – N 3 (VII). – P.335-350.
123. History of the language sciences: an international handbook on the evolution of the study of language from the beginnings to the present / ed. by Sylvain Auroux. Vol.1. – Berlin: New York: de Gruyter, 2000. – 1094 p.

124. Holtz, L. Donat et la tradition de l'enseignement grammatical: Etude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IV-IX ss.) / L. Holtz. – Paris: Ed. SNRS, 1981. – 750 p.
125. Huchon, M. Le français à la Renaissance / M. Huchon. – Paris: PUF, 1998. – 127 p.
126. Hüllen W. Reflections on language in the Renaissance / W. Hüllen // Language typology and language universals: ein internationales Handbuch / ed. by Martin Haspelmath. – Berlin; New York: de Gruyter. Vol.I. – 2001. – P. 210-222.
127. Ivić, M. Trends in linguistics / M. Ivić; Transl. by M. Happell. – London: The Hague: Mouton, 1965. – 260 p.
128. Jacquetin-Gaudet, A. Devis de la langue française, 1559; suivi du Second Devis et principal propos de la langue française, 1560 / Abel Matthieu; texte original transcrit, présenté et annoté. – Paris: H. Champion, 2008.
129. Julien, J. La terminologie française de parties de discours et de leurs sous-classes au XVI-e siècle / J. Julien // Langages. – 1988. – N 92. – P. 65-78.
130. Kibbee, D.A. John Palsgrave's L'esclaircissement de la langue françoise (1530) / D.A. Kibbee // Historiographia Linguistica. – 1985. – № 12, V. 1-2. – P. 27-62.
131. Kibbee, D.A. The Humanist Period in Renaissance Bilingual Lexicography / D.A. Kibbee // The History of Lexicography. – Amsterdam, Philadelphie: John Benjamins, 1986. – P. 132-146.
132. Kibbee, D.A. L'enseignement du français en Angleterre au XVIe siècle / D.A. Kibbee // La langue française au XVIe siècle. Usage, enseignement et approches descriptives / Swiggers, P., Van Hoecke, W. (éd.). – Louvain: Leuven University Press, Peeters, 1989. – P. 54-77.
133. Kibbee, D.A. Langage variation and linguistic description in 16th- century France / D.A. Kibbee // Historiographia linguistica. – 1990. – N ½ (XVII). – P.49-65.
134. Kibbee, D.A. For to Speke Frenche Trewely. The French Language in England, 1000-1600 : Its Status, Description and Instruction / D.A. Kibbee. – Amsterdam, John Benjamins Publ. Comp., 1991. – VIII, 268.

135. Kibbee, D.A. Louis Meigret lyonnais et les politiques de la langue française à la Renaissance / D.A. Kibbee // Lyon et l'illustration de la langue française à la Renaissance / Gérard Defaux (dir.). – Lyon: ENS Editions, 2003. – P. 63-75.
136. Kirtchuk P.Deixis, anaphore, “pronoms”: morphogénèse et fonctionnement / P. Kirtchuk // Les classes des mots. Traditions et perspectives. – Lyon: Presse Universitaire de Lyon, 1994. – P.169-205.
137. Kristol, A. Pronominalisation et système casuel du français: les compléments du verbe introduits par à. In G. Lüdi (Ed.) / A. Kristol // Romania ingeniosa. Mélanges offerts à G. Hilty à l'occasion de son 60e anniversaire. – Berne, Frankfurt : Lang, 1987. – Pp. 443-461.
138. Kukenheim, L. Contribution à l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et française à l'époque de la Renaissance: Thèse / L. Kukenheim. – Amsterdam, 1932. – 215 p.
139. Kukenheim, L. Contribution à l'histoire de la grammaire grecque, latine et hébraïque à l'époque de la Renaissance / L. Kukenheim. – Leiden: E.J.Brill, 1951. – 145 p.
140. Kukenheim, L. Esquisse historique de la linguistique française et de ses rapports avec la linguistique générale / L. Kukenheim. – Leiden: Univ.Pers., 1962. – VI, 205 p.
141. Lacroix-Cuerrier, K. Histoire de le catégorie du pronom dans les grammaires françaises entre le 17e et 21e siècles: Mémoire / K. Lacroix-Cuerrier. – Montréal : Université de Québec, 2013. – XIII, 237 p.
142. Le Bidois, G. et R. Syntaxe du français moderne. T. I / G. Le Bidois, R. Le Bidois. – Paris : Picard, 1968. – XVI, 546 p.
143. Leroy, M. Les grands courants de la linguistique moderne / M. Leroy. – Bruxelles: Ed. de l'Université de Bruxelles, 1963. – XIV, 259 p.
144. Livet, Ch.-L. La grammaire française et les grammairiens du XVI-e siècle / Ch.-L. Livet. – Paris: Didier et Cie, 1859. – 536 p.
145. Lodge, R.A. French, from Dialect to Standard / R.A. Lodge. – Londres & New York: Routledge, 1993. – 380 p.

146. Loiseau, A. Etude historique et philologique sur Jean Pillot et sur les doctrines grammaticales du XVI-e siècle / A. Loiseau. – Paris: E.Thorin, 1866. – 144 p.
147. Loiseau, A. Histoire de la grammaire en France depuis l'époque de la Renaissance jusqu'à nos jours / A. Loiseau. – Paris: E.Thorin, 1873. – 215 p.
148. Magnard, P. L'enjeu d'une grammaire / P. Magnard // Revue des sciences philosophiques et théologiques. – P., 1986. – T.70, N 1. – P.3-14.
149. Malkiel, Y. History and histories of linguistics / Y. Malkiel, M. Langdon // Romance philology. – Berkeley, 1969, vol. 22. – N 4. – P.530-574.
150. Marchello-Nizia, Ch. Le français en diachronie: douze siècles d'évolution / Ch. Marchello-Nizia. – Paris : Gap-Ophrys, 1999. – 170 p.
151. Martin, H.-J. Le temps de Robert Estienne / H.-L. Martin // Histoire de l'édition française, vol. 1. – Paris : Cercle de la Librairie, 1982. – P. 230-235.
152. Marty-Laveau, C. Etudes de la langue française (XVI et XVII siècles) / C. Marty-Laveau. – Paris: A.Lemerre, 1907. – 368 p.
153. Mikhaylova, E.N. Les grammaires françaises du 16-e siècle dans la préhistoire du comparatisme européen / E.N. Mikhaylova // Romanica Petropolitana II. – St.-Petersbourg: Nestor-Historia, 2012. – P. 336-341.
154. Moignet, G. Pronom personnel français. Essais de psych-systématique historique / G. Moignet. – Paris : PUF, 1965. – 279 p.
155. Mounin, G. Histoire de la linguistique dès origines au XX-e siècle / G. Mounin. – Paris: PUF, 1967. – 189 p.
156. Neumann, S.-G. Recherches sur le français des XV et XVI ss. et sur sa codification par les théoriciens de l'époque / S.-G.Neumann. – Lund.: C.W.K. Glurup; Copenhague: E.Munhsgaard, 1959. – 224 p.
157. Padley, G.A. Grammatical Theory in Western Europe (1500-1700): The Latin tradition / G.A. Padley. – Cambridge & Ney-York: Cambridge Univ.Press, 1978. – XII, 290 p.
158. Padley, G.A. La norme dans la tradition des grammairiens / G.A. Padley // La norme linguistique. – Paris; Québec, 1983. – P.69-104.

159. Padley, G.A. *Grammatical Theory in Western Europe, 1500-1700: Trends in Vernacular Grammar* / G.A. Padley. – T. I. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. – XV, 414 p.
160. Padley, G.A. *Grammatical Theory in Western Europe, 1500-1700: Trends in Vernacular Grammar* // G.A. Padley. – T. II. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. – 514 p.
161. Percival, W.K. *The Grammatical Tradition and the Rise of the Vernaculars* / W.K. Percival // *Current Trends of Linguistics. Vol. 13: Historiography of Linguistics.* – The Hague: Mouton, 1975. – P. 321-375.
162. Percival, W.K. *Grammar and Rhetoric in the Renaissance* / W.K. Percival // *Renaissance Eloquence: Studies in the Theory and Practice of Renaissance Rhetoric.* – Berkley, CA: University of California Press, 1983. – P. 303-330.
163. Percival, W.K. *Renaissance linguistics: the old and the new* / W.K. Percival // *Studies in the History of Western Linguistics* / ed. by T. Bynon, F.R. Palmer. – New York: Cambridge University Press, 1986. – P. 56-68.
164. Percival, W.K. *Renaissance Grammar* / W.K. Percival // *Renaissance Humanism: Foundations, Forms, and Legacy. Vol.3: Humanism and the Disciplines.* – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1988. – P. 67-83.
165. Picoche, J., Marchello-Nizia, Ch. *Histoire de la langue française* / J. Picoche, Ch. Marchello-Nizia. – Paris: Editions Nathan, 1998. – 399 p.
166. Renoird, A.A. *Annales de l'imprimerie des Estienne ou histoire de la famille des Estienne et de ses éditions* / A.A. Renoird. – Paris: Jules Renouard et Cie Librairies, 1843. – 585 [16] p.
167. Rey, A. *Le français : une langue qui défie les siècles* / A. Rey. – Paris: Gallimard, 2008. – 159 p.
168. Robins, R.H. *A Short history of linguistics* / R.H. Robins. – Bloomington; London: Indiana univ. press, 1967. – VIII, 248 p.
169. Schmitt C. *La grammaire française des XVI-e et XVII-e ss. et les langues régionales* // *Travaux de linguistique et de littérature de l'Université de Strasbourg.* – 1977. T.15, n 1. – P.215-226.

170. Séchéhaye, A. Essai sur la structure logique de la phrase / A. Séchéhaye. – Paris: H. Champion, 1950. – 237 p.
171. Stéfanini, J., Auroux S. Le pronom dans l'histoire de la grammaire / J. Stéfanini, S. Auroux // Histoire de la grammaire. – Paris: PUF, 1994. – Pp. 163-173.
172. Stengel, E. Chronologisches Verzeichnis französischer Grammatiken vom Ende des 14. Bis zum Ausgange des 18. Jahrhunderts / E. Stengel. – Jena: Gronau, 1890. – 151 S.
173. Swiggers, P. L'article en français: Histoire d'un problème grammatical / P. Swiggers // Revue de Linguistique romane. (T.49). 1985. – P.379-409.
174. Swiggers, P. Histoire de la pensée linguistique. Analyse du langage et réflexion linguistique dans la culture occidentale, de l'Antiquité au XIXe siècle / P. Swiggers. – Paris: Presses universitaires de France, 1997. – 374 p.
175. Swiggers, P. La terminologie de la description du pronom dans la grammaire française du seizième siècle / P. Swiggers // Métalangage et terminologie linguistique: Actes du colloque international de Grenoble (Université Stendhal-Grenoble III, 14-16 mai 1998) / Eds. B. Colombat et M. Savelli. – Leuven: Peeters, 2001. – Pp. 395-412.
176. Swiggers, P. Western Traditions: Seventeenth – and Eighteenth-Century Europe / P. Swiggers // International Encyclopedia of Linguistics, edited by William J. Frawley, vol. 2. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – Pp.212-218.
177. Swiggers, P. L'analyse grammaticale et didactico-linguistique du français, du Moyen Âge au 19e siècle. Jalons de l'histoire du français comme objet de description et d'enseignement / P. Swiggers // Sprachtheorien der Neuzeit III/2: Sprachbeschreibung und Unterricht, edited by Peter Schmitter, vol. 2. – Tübingen: G. Narr, 2007 a. – Pp. 559-645.
178. Swiggers, P. L'institution du français. Jalons de l'histoire de son enseignement / P. Swiggers // Sprachtheorien der Neuzeit III/2: Sprachbeschreibung und Unterricht, edited by Peter Schmitter, vol. 2. – Tübingen: G. Narr, 2007 b. – Pp. 646-721.

179. Swiggers, P. Les études linguistiques romanes des origines jusqu'au début du XIXe siècle: les 'prémices' de la romanistique / P. Swiggers // Manuel des langues romanes (= Manuals of Romance Linguistics). Vol. 1. – Berlin & Boston: De Gruyter, 2014. – Pp. 13-42.
180. Swiggers, P. La langue française au XVIe siècle: usage, enseignement et approches descriptives / P. Swiggers, W. Van Hoecke. – Louvain: Leuven University Press, 1989. – 287 p.
181. Tagliavini, C. Panorama di storia déglia linguistica / C. Tagliavini. – Bologna: Patron, 1963. – X, 400 p.
182. Tavoni, M. The Renaissance Emergence of National Languages in Western Europe / M. Tavoni // Language and identities in historical perspective / ed. by Ann Katherine Isaacs. – Pisa: Edizioni Plus – Università di Pisa, 2005. – Pp. 81-89.
183. Tell, J. Les grammairiens français depuis l'origine de la grammaire en France jusqu'aux derniers oeuvres connues (1520-1874) / J. Tell. – Paris: Firmin-Didot, 1874. – VIII, 418 p.
184. Tesnière, L. Esquisse d'une syntaxe structurale / L. Tesnière. – Paris: Klincksieck, 1988.
185. Trudeau, D. Les inventeurs du bon usage: 1529-1647 / D. Trudeau. – P.: Editions de Minuit, 1992. – 328 p.
186. Waddington, Ch. Ramus, sa vie, ses écrits, ses opinions (1849) / Ch.Waddington. – Paris: Meyrueis et Cie, 1855. – 480 p.
187. Wooldridge, T.R. Les débuts de la lexicographie française, Estienne, Nicot et le Thresor de la langue françoise / T.R. Wooldridge. – Toronto: University of Toronto Press, 1977. – 257 p.
188. Yardeni, M. La conscience nationale en France pendant les guerres de religion (1559-1598) / M. Yardeni. – Paris - Louvain: Béatrice-Nauwelaerts, 1971. – 392 p.
189. Yvon, H. La notion d' article chez nos grammairiens / H. Yvon // Le Français moderne. – 1955 – N 3, p.161-172; n 4, p.241-255.

Словари

190. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. – 608 с.
191. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо; пер. с фр. Н.Д. Андреева; Предисл. В.А. Звегинцева; под ред. А.А. Реформатского. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 440 с.
192. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000.
193. Marouzeau, J. Lexique de la terminologie linguistique: français, allemand, anglais, italien / J. Marouzeau. – Paris : Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1951 (1933). – 265 p.

Источники фактического материала

194. Арно, А. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / А. Арно, Кл. Лансло; Пер. с фр., коммент и предисл. Н.Ю. Бокадоровой; Общ. ред. и вступ.ст. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1998. – 272 с.
195. Aarhus, Jacob Madsen. De litteris Libri Duo. Qvorum Priere Native pronuntiatio asseritur posteriore Sophitica confutatur / Jacob Madsen Aarhus. – Basel: Conrad Waldkirch, 1586. – [22]+226 p.
196. Bèze, Théodor de. De franciscae linguae recta pronuntiatione / Théodor de Bèze. – Genève, 1584. – 84 p.
197. Bosquet, Jean. Elemens et Institutions de la langue française, propres pour façonner la jeunesse à parfaitement et nayvement entendre, parler et ecrire icelle langue / Jean Bosquet. – Mons, chez Charles Michel, 1586. – 172 p.
198. Cauchie, Antoine (Caucius Antonius). Grammatica Gallica, suis partium absolutior quam illus ante hunc diem ediderit / Antoine Cauchie. – Basliae, per Samvelem Regium, 1570. – 230 p.
199. Cauchie, Antoine (Caucius Antonius). Grammatica Latina / Antoine Cauchie. – Antverpiae, apud L.Bellorum, 1576. – 78 p.

200. Dictionnaire françois-latin auquel Les mots François, avec les manieres d'user d'iceulx, sont tournez en Latin, par Jacques Dupuys, revu et augmenté par Jean Nicot. – Paris: De l'Imprimerie Gaspar de Huz, 1573. – s. p.
201. Donatus, Aelius (a). *Ars Minor / Aelius Donatus*: [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://www.intratext.com/Catalogo/Autori/AUT138.HTM>
202. Donatus, Aelius. (b). *Ars Major / Aelius Donatus*: [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://www.intratext.com/Catalogo/Autori/AUT138.HTM>
203. Drosay, Jean de (Drosaeus Ioannes). *Grammaticae quadrilinguis partitiones in gratiam puerorum, autore Joanne Drosoeo, in utroque jure doctore illustrissimo / Jean de Drosay*. – Parisiis, ex off. Chr. Wecheli, 1544. – 163 p.
204. Du Bellay, J. *La Deffence et Illustration de la Langue Française* (Paris, 1549) / J. Du Bellay. – Genève : Slatkine Reprints, 1972. – 217 p.
205. Dubois, Jacques (Sylvius Jacobus Ambianus). *In linguam Gallicam Isagoge, una cum eiusdem Grammatica Latino-Gallica ex Hebraecis, Graecis et Latinis scriptoribus / Jacques Dubois*. – Parisiis, apud R. Stephanum, 1531. – 131 p.
206. Du Wez, Gilles. *An introductionorie for to lerne, to rede, to pronounce and to speke french truly / Gilles Du Wez*. – Lugduni, apud Thomas Godfray, (1532). – s.p.
207. Estienne, Henri. *Deux dialogues du nouveau langage françois italianizé et autrement desguizé / Henri Estienne*. – Genève, 1578. – 623 p.
208. Estienne, Henri. *La Precellence du Langage françois*. – Paris, chez M. Patisson, 1579. – 400 p.
209. Estienne, Henri. *Hipomneses de Gallica lingua / Henri Estienne*. – Genève, 1582. – 215 p.
210. Estienne, Henri. *Traicté de la conformité du langage françois avec le grec. (1565) / Henri Estienne*. – Genève, 1569. – 171 p.
211. Estienne, Robert (Stephanus Robertus). *Traicté de la Grămaire Francoise / Robert Estienne*. – Paris, ex off. R. Stephani, 1557. – 128 p.
212. Estienne, Robert. *Gallicae Grammaticae libellus*. – Parisiis, Oliva R. Stephani, 1558. – 109 p.

213. Garnier, Jean (Garnerius Ioannes). *Institutio galicae linguae in vsum iuventutis germanicae* / Jean Garnier. – Genvae, vgl. Budé's Lexikon, 1558. – 111 p.
214. Masset, Jean. *Exact et Tres-facile Acheminement a la Langve Francoise* / Jean Masset. – Paris, chez David Dovcevr, 1606. – 32 p.
215. Matthieu, Abel (sieur de Moystardieres). *Devis de la langue françoise* / Abel Matthieu. – Paris, chez Richard Breton, 1559. – 44 ff.
216. Matthieu, Abel. *Segond devis et principal propos de la langue francoise* / Abel Matthieu. – Paris, chez Richard Breton, 1560. – 39 f.
217. Maupas, Charles (Bloisien). *Grammaire et Syntaxe Française contenant reigles bien exactes et certaines de la prononciation, orthographe, construction et usage de notre langue, en faveur des estrangiers qui en sont désireux (1607)* / Charles Maupas. – Paris, chez Adrian Bacot, 1625. – 360 p.
218. Meigret, Louis. *Traité touchant le commun usage de l'écriture françoise* / Louis Meugret. – Paris, chez J. Longis, 1542. – s.p.
219. Meigret, Louis. *Le trètté de la grammère françoëze*. – Paris, chez Christien Wechel, 1550 / Louis Meugret ; Ed. établie par F.-J. Hausmann. – Tübingen: Narr, 1980. – 172 p.
220. Meurier, Gabriel. *Grammaire françoise contenant plusieurs belles regles propres et necessaires pour ceux qui desirent apprendre ladicte langue* / Gabriel Meurier. – Anvers, chez Christophe Plantin, 1557. – 64 p.
221. Meurier, Gabriel. *Conivgaison, regles, et instrvctions, movt propres et necessairement reqvises pour ceux qui defirent apprendre François, Italien, Espagnol & Flamen : dont la plus part est mise par maniere d'Interrogations et responses* / Gabriel Meurier. – Anvers, chez Ian van Vvaesberghe, 1563. – 44 ff.
222. Palsgrave, John. *L'éclaircissement de la langue française [= an introductorie for to lerne, to rede, to pronounce and to speke French trewly]* / par Jean Palsgrave (1530). Suivi de *La grammaire de Giles Du Guez* (1533) / John Palsgrave ; publ. pour la 1-ère fois en France par F. Génin – Paris.: Imprimerie nationale, 1852. – 920 p.

223. Pillot, Jean (Pillotus Ioannes). Gallicae linguae institutio: Latino sermone conscripta / Jean Pillot. – Parisiis : Ex off. Stephani Groulleau, 1550. – 270 p.
224. Pillot, Jean. Gallicae linguae institutio: Latino sermone conscripta / Jean Pillot. – Lugduni Benedictum, 1586. – 316 p.
225. Pillot, Jean. Institution de la langue françoise. Gallicae linguae imstitutio (1561) / Jean Pillot; Texte latin original, introduction, traduction et notes par Bernard Colombat. – Paris: Honoré Champion, 2003. – CXIX + 270 + 365 p.
226. Priscianus. Institutionum Grammaticarum libri XVIII / Priscianus // Grammatici Latini, vol. II-III. – Lipsiae: Teubner, 1855; 1859.
227. Ramus Petrus (Ramée Pierre de la). Rhetoricae Distinctiones in Quintilianum, Paris, 1549. – s.p.
228. Ramus, Petrus (Ramée Pierre de la). Schola grammaticae / Petrus Ramus. – Parisiis, apud A. Wechelum, 1559. – 342 p.
229. Ramus Petrus (Ramée Pierre de la). Grammatica Graeca / Petrus Ramus. – Parisiis, apud A. Wechelum, 1562 a. – 111 p.
230. Ramus Petrus (Ramée Pierre de la). Gramere [de P. de La Ramée] / Petrus Ramus. – À Paris : de l'impr. de A. Wechel, 1562 b. – 126 p.
231. Ramus Petrus (Ramée Pierre de la). Grammatica / Petrus Ramus. – Parisiis, apud Andream Wechelum, apud Andream Wechelum, 1564. – 63 p.
232. Ramus Petrus (Ramée Pierre de la). Gramere [de P. de La Ramée] / Petrus Ramus. – Paris, chez A. Wechel, 1572. – 211 p.
233. Thresor de la langue françoise tant ancienne que moderne. – Paris : Chez David Dovcevr, 1606. – 971 p.
234. Trésor de la langue Française informatisé; [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.atilf.fr/tlfi>, ATILF - CNRS & Université de Lorraine.